

УТВЕРЖДЕН
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
22 июля 2020 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ
ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 2 (2020)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Изменения уголовного закона в части определения размера наркотического средства, улучшающие положение лица, осужденного по ст. 229¹ УК РФ, имеют обратную силу и подлежат применению в отношении него в соответствии с положениями ст. 10 УК РФ.

По приговору суда от 26 декабря 2012 г. М. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ к 15 годам лишения свободы, по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ с применением ст. 62 и ч. 2 ст. 66 УК РФ к 6 годам 6 месяцам лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений М. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 16 лет.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2013 г. приговор оставлен без изменения.

В надзорной жалобе осужденный просил о пересмотре судебных решений. Автор жалобы указывал, что его действия должны быть переквалифицированы на ч. 3 ст. 229¹ УК РФ, поскольку количество героина массой 201,43 г, за действия с которым он осужден, стало относиться не к особо крупному, а к крупному размеру.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие

деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Как усматривается из приговора, М. осужден в том числе за контрабанду 15 апреля 2012 г. на территорию Российской Федерации наркотического средства героина общей массой 201,43 г.

Действия осужденного в этой части квалифицированы судом по п. «б» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ, предусматривающему ответственность за контрабанду наркотических средств в особо крупном размере.

При этом суд первой инстанции исходил из того, что в соответствии с действовавшим постановлением Правительства Российской Федерации от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств для целей статей 228, 228¹, 229 и 229¹ УК РФ» героин массой 201,43 г относился к особо крупному размеру, каковым признавалось количество героина свыше 2,5 г.

Между тем с 1 января 2013 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002. Согласно списку наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список 1), утвержденному указанным выше постановлением Правительства Российской Федерации, особо крупный размер героина образует его количество свыше 1000 г, а масса героина, составляющая, в частности, 201,43 г, соответствует крупному размеру.

Кассационное рассмотрение данного уголовного дела состоялось 3 апреля 2013 г., при этом Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указанные изменения во внимание не приняла, ошибочно констатировав, что введение новых размеров наркотических средств не улучшает положение осужденного.

Вместе с тем изменения, внесенные Федеральным законом от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ в ст. 229¹ УК РФ в части, касающейся контрабанды наркотических средств, вступили в силу 2 марта 2012 г. и действовали на момент совершения осужденным преступления.

Уголовная ответственность за контрабанду наркотических средств в крупном размере установлена ч. 3 ст. 229¹ УК РФ, санкция которой является более мягкой по сравнению с санкцией ч. 4 ст. 229¹ УК РФ (предусматривает основное наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет, тогда как санкцией ч. 4 ст. 229¹ УК РФ предусмотрено такое наказание на срок от 15 до 20 лет или пожизненное лишение свободы).

В силу изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации переqualificировал действия осужденного с п. «б» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ на ч. 3 ст. 229¹ УК РФ, по которой назначил наказание в виде 13 лет

лишения свободы. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 229¹ УК РФ и ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 228¹ УК РФ, путем частичного сложения наказаний М. назначено 14 лет лишения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 5-П20*

2. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) срок или размер наказания за покушение на убийство не может превышать 10 лет лишения свободы.

По приговору суда А., ранее судимый, осужден по пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 17 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 13 годам лишения свободы, по ч. 2 ст. 167 УК РФ к 3 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний к 22 годам лишения свободы. На основании ч. 1 ст. 70, ст. 71 УК РФ к вновь назначенному наказанию частично присоединена неотбытая часть наказания по первому приговору в виде обязательных работ из расчета 8 часов обязательных работ за 1 день лишения свободы и по совокупности приговоров назначено 22 года 15 дней лишения свободы.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приговор в отношении А. оставлен без изменения.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного А., изменил судебные решения в части назначенного ему наказания, указав следующее.

Как усматривается из приговора, решая вопрос о назначении осужденному наказания, суд в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ признал смягчающим обстоятельством активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию других участников преступления. Отягчающие наказание обстоятельства судом не установлены.

При этом в приговоре указано, что осужденному за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 105 УК РФ, назначается наказание с учетом положений ст. 66 УК РФ, согласно которым срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида

наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации за оконченное преступление.

В силу ч. 4 ст. 66 УК РФ смертная казнь и пожизненное лишение свободы за покушение на преступление не назначаются.

В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ) при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» и (или) «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части названного кодекса.

Следовательно, с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ, действовавшей на момент совершения преступления и постановления приговора) назначаемое осужденному наказание по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не могло превышать 10 лет лишения свободы.

Однако осужденному за покушение на убийство назначено 13 лет лишения свободы.

Таким образом, судом при назначении осужденному наказания допущено нарушение (неправильное применение) уголовного закона, что повлияло на назначение ему справедливого наказания, в том числе по правилам ч. 3 ст. 69 и ст. 70 УК РФ.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, кассационное определение и смягчил назначенное осужденному по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание до 9 лет 6 месяцев лишения свободы. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «д», «е», «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ч. 2 ст. 167 УК РФ, назначил осужденному 21 год 6 месяцев лишения свободы. На основании ст. 70 и 71 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения к назначенному наказанию неотбытой части наказания по первому приговору назначил А. наказание в виде лишения свободы сроком на 21 год 6 месяцев 15 дней.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 202-П19*

3. При особо опасном рецидиве преступлений время содержания под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один за один день (ч. 3² ст. 72 УК РФ).

По приговору суда от 24 июня 2019 г. Б., ранее судимая, осуждена по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы, по пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений к 15 годам лишения свободы.

В соответствии с ч. 3² ст. 72 УК РФ в срок отбывания наказания зачтено время содержания осужденной под стражей в период с 3 апреля 2018 г. до вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 г. приговор в отношении Б. изменен, в срок отбывания ею наказания зачтено время содержания под стражей в период с 3 апреля 2018 г. до вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении поставил вопрос об отмене апелляционного определения и о передаче уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение. Автор представления указывал, что суд апелляционной инстанции, разрешая вопрос об исчислении назначенного осужденной наказания, не учел, что ее действия образуют особо опасный рецидив преступлений и на нее не распространяются положения о льготных условиях зачета времени содержания под стражей.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации 25 марта 2020 г. отменил апелляционное определение и передал уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов уголовного дела, по приговору суда от 24 июня 2019 г. Б. осуждена за совершение особо тяжких преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 4 ст. 162, пп. «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, к 15 годам лишения свободы.

Срок отбывания Б. наказания постановлено исчислять со дня вступления приговора в законную силу, при этом на основании ч. 3² ст. 72 УК РФ зачтено в срок отбывания наказания время содержания ее под стражей в период с 3 апреля 2018 г. до вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за один день отбывания наказания в исправительной колонии общего режима.

По приговору суда от 14 сентября 2005 г. Б. была осуждена за особо тяжкое преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, и эта судимость на момент совершения ею указанных выше особо тяжких преступлений не была погашена или снята.

Следовательно, действия осужденной Б. согласно п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ образуют особо опасный рецидив преступлений, что нашло отражение в приговоре.

В силу ч. 3² ст. 72 УК РФ в отношении осужденных при особо опасном рецидиве преступлений, а также в других случаях, указанных в этой норме закона, время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы из расчета один за один день.

Однако суд апелляционной инстанции, изменив приговор, зачел осужденной в срок лишения свободы время содержания ее под стражей в период с 3 апреля 2018 г. до вступления приговора в законную силу из расчета один день содержания под стражей за полтора дня отбывания наказания в исправительной колонии общего режима, что противоречит ч. 3² ст. 72 УК РФ, устанавливающей запрет на применение льготных условий зачета времени содержания под стражей в отношении перечисленных в законе лиц, в том числе осужденных при особо опасном рецидиве преступлений.

Таким образом, допущенное судом апелляционной инстанции нарушение (неправильное применение) уголовного закона является существенным, повлиявшим на исход дела, искажающим саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 209-П19ПР*

4. Время нахождения под домашним арестом лицу, совершившему преступление до 14 июля 2018 г., засчитывается в срок лишения свободы из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы.

По приговору суда от 11 октября 2018 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) И. осужден по п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ (по двум эпизодам оборудования тайника), по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ и по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

На основании п. «б» ч. 3¹, ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ) время нахождения под домашним арестом с 13 июля 2017 г. по 14 июля 2018 г. (включительно) зачтено И. в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, с 15 июля по 11 октября 2018 г. из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы.

По этому же приговору осуждены С., Н. и Г., дело в отношении которых рассмотрено в порядке ч. 1 ст. 412¹² УК РФ.

Адвокат в защиту интересов осужденного И. в надзорной жалобе просил изменить судебные решения в части зачета времени нахождения осужденного под домашним арестом в срок наказания. По мнению адвоката, суд первой инстанции необоснованно применил положения ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ). С учетом того, что преступления, в которых И. признан виновным, совершены до 14 июля 2018 г., время нахождения его под домашним арестом должно засчитываться в срок лишения свободы из расчета один день за один день.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в отношении И., а также в отношении остальных осужденных по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Суд первой инстанции, решая вопрос о зачете времени нахождения И. и других осужденных под домашним арестом в срок лишения свободы, руководствовался положениями ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ), при этом в срок лишения свободы каждому из них зачтено время нахождения под домашним арестом с 15 июля по 11 октября 2018 г. из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы.

Между тем правила ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, предусматривающие зачет домашнего ареста в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, ухудшают положение лица по сравнению с порядком, применявшимся до вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, в соответствии с которым время содержания под домашним арестом засчитывалось в срок отбывания наказания исходя из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы.

Согласно приговору И. и другие осужденные совершили преступления до 14 июля 2018 г., т.е. до вступления в силу указанного Федерального закона.

В связи с этим применение судом первой инстанции положений ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ) и зачет в срок наказания времени нахождения И. и других осужденных под домашним арестом с

15 июля по 11 октября 2018 г. из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы является необоснованным.

Указанное нарушение уголовного закона является существенным и повлиявшим на исход дела.

На основании изложенного Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, апелляционное определение и исключил указание о применении положений п. «б» ч. 3¹, ч. 3⁴ ст.72 УК РФ (в ред. от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ). Время содержания осужденных под домашним арестом в период с 15 июля по 11 октября 2018 г. зачтено в срок отбывания наказания из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы в.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 2-П20*

5. Если осужденному в нарушение требований закона назначен вид исправительной колонии с менее строгим режимом, то суд надзорной инстанции в течение года после вступления приговора в законную силу при наличии представления прокурора либо жалобы потерпевшего, их законных представителей и (или) представителей отменяет приговор в этой части и передает дело на новое рассмотрение согласно правилам ст. 396 и 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации для назначения соответствующего вида исправительного учреждения.

По приговору суда от 21 марта 2019 г. (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) К., ранее судимый, осужден по ч. 1 ст. 131 УК РФ, ч.1 ст. 132 УК РФ и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Назначенное К. наказание в виде лишения свободы определено отбывать в исправительной колонии строгого режима.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в надзорном представлении просил отменить приговор в части назначенного осужденному вида исправительной колонии и дело в этой части передать на новое судебное рассмотрение в порядке ст. 396 и 399 УПК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации удовлетворил надзорное представление по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 412⁹, ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном, надзорном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела

нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Из материалов уголовного дела усматривается, что К. был осужден по приговору от 25 июля 1997 г. с учетом внесенных в него изменений по п. «г» ст. 102 УК РСФСР на основании ч. 3 ст. 40 УК РСФСР к 12 годам лишения свободы.

Как указано в приговоре от 21 марта 2019 г., суд в качестве отягчающего наказание осужденного обстоятельства признал опасный рецидив преступлений и на основании п. «в» ч. 1 ст. 58 УК РФ определил вид исправительного учреждения – исправительную колонию строгого режима.

Между тем с учетом положений ст. 23 и 24 УК РСФСР, а также правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 24 января 2008 г. № 54-О-О, преступление, предусмотренное ст. 102 УК РСФСР, является особо тяжким, а не тяжким, как ошибочно указал суд первой инстанции.

Судимость К. по приговору от 25 июля 1997 г. на момент совершения преступления 15 марта 2015 г. в установленном законом порядке не снята и не погашена.

Будучи судимым за особо тяжкое преступление, К. вновь совершил особо тяжкое преступление, что в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 18 УК РФ влечет признание рецидива особо опасным.

В соответствии с п. «г» ч.1 ст. 58 УК РФ при особо опасном рецидиве преступлений отбывание лишения свободы назначается осужденным в исправительных колониях особого режима.

Однако суд, вопреки указанным требованиям закона, направил его для отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительную колонию строгого режима.

Допущенное нарушение уголовного закона следует признать существенным, повлиявшим на исход дела, искажающим саму суть правосудия, поскольку необоснованно повлекло назначение К. вида исправительной колонии с менее строгим режимом.

Если осужденному в нарушение требований закона назначен вид исправительной колонии с менее строгим режимом, то суд надзорной инстанции в течение года после вступления приговора в законную силу при наличии представления прокурора либо жалобы потерпевшего, их законных представителей и (или) представителей отменяет приговор в этой части и передает дело на новое рассмотрение согласно правилам ст. 396 и 399 УПК РФ для назначения соответствующего вида исправительного учреждения.

При таких обстоятельствах Президиум Верховного Суда Российской Федерации отменил приговор и апелляционное определение в части

назначения для отбывания наказания вида исправительного учреждения, уголовное дело в этой части передал на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст. 396 и 399 УПК РФ.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 204П19ПР*

6. Согласно ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть указаны конкретные виды ограничений, предусмотренных ст. 53 УК РФ.

По приговору суда от 14 октября 2010 г. К. осужден в том числе по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 15 годам лишения свободы с ограничением свободы на 1 год. В соответствии с ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний К. назначено 16 лет лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год, с возложением ограничений, предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ.

По этому же приговору (с учетом последующих изменений) Р. осуждена по чч. 4 и 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 10 годам лишения свободы с ограничением свободы сроком на 1 год. На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний Р. окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 11 лет с ограничением свободы сроком на 1 год, с возложением ограничений, предусмотренных ч. 1 ст. 53 УК РФ.

В отношении Р. дело рассмотрено в порядке ч. 1 ст. 412¹² УПК РФ.

В надзорной жалобе осужденный К. просил об изменении судебных решений, утверждая, что при назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы суд указал лишь срок наказания, не установив в нарушение ст. 53 УК РФ конкретные ограничения, возложенные на него, что делает невозможным исполнение приговора в этой части.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 308 УПК РФ в резолютивной части обвинительного приговора должны быть, в частности, указаны вид и размер наказания, назначенного подсудимому за каждое преступление, в совершении которого он признан виновным; решение о дополнительных наказаниях в соответствии со ст. 45 УК РФ; ограничения, которые устанавливаются для осужденного к наказанию в виде ограничения свободы.

Наказание в виде ограничения свободы регламентировано ст. 53 УК РФ, в соответствии с положениями которой (в редакции, действовавшей на момент постановления приговора) ограничение свободы заключается в

установлении судом осужденному ограничений и возложении на него определенных обязанностей и назначается на срок от двух месяцев до четырех лет в качестве основного вида наказания за преступления небольшой и средней тяжести, а также на срок от шести месяцев до двух лет в качестве дополнительного вида наказания к лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

По данному делу по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в отношении К. и по чч. 4 и 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в отношении Р., а также по совокупности преступлений суд назначил каждому из них дополнительное наказание в виде ограничения свободы сроком на 1 год.

Однако вопреки требованиям ст. 53 УК РФ суд не возложил на осужденных какую-либо обязанность и не установил конкретных ограничений. Указанное нарушение уголовного закона при назначении наказания является существенным, повлиявшим на исход дела.

В связи с изложенным Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил приговор, кассационное определение и исключил из судебных решений указание о назначении дополнительного наказания в виде ограничения свободы.

*Постановление Президиума Верховного Суда
Российской Федерации № 193-П19*

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав

7. Лица, полностью внесшие паевой взнос за объект недвижимого имущества, приобретают право собственности на данный объект недвижимого имущества в полном объеме с момента внесения паевого взноса.

А., Б. и В. обратились в суд с иском к администрации города о признании права собственности на гаражные боксы.

Судом установлено и из материалов дела следует, что А., Б. и В. являются членами гаражно-строительного кооператива (далее – ГСК), который образован в 1996 году для строительства 12 гаражных боксов.

Указанные объекты недвижимости расположены на отведенном в 1996 году администрацией города земельном участке площадью 136 кв. м.

27 марта 1997 г. ГСК выдан государственный акт на право бессрочного

(постоянного) пользования землей.

Строительство гаражного комплекса осуществлялось на основании разрешения государственной инспекции архитектурно-строительного надзора администрации города от 13 августа 1996 г. по проекту, согласованному в установленном порядке, от 22 июля 1997 г.

Возведение гаражных боксов окончено в 1997 году и с указанного времени они находятся во владении и пользовании истцов. Паевые взносы выплачены А., Б. и В. в полном объеме.

7 марта 2014 г. письмом администрации города кооперативу отказано в выдаче разрешения на ввод в эксплуатацию объектов капитального строительства.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что член гаражного кооператива может приобрести право собственности на возведенный гаражный бокс только в том случае, если такое строение введено в эксплуатацию. В отсутствие разрешения на ввод объекта в эксплуатацию гаражные боксы являются самовольной постройкой, право собственности на которую не может быть признано в том числе вследствие непредоставления гражданам земельного участка для строительства гаражных боксов.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами судебных инстанций не согласилась по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе – здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

В п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 25) разъяснено, что вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (абзац первый п. 1 ст. 130 ГК РФ), либо в силу прямого указания закона, что такой объект подчинен режиму недвижимых вещей (абзац второй п. 1 ст. 130 ГК РФ).

По смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского оборота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение.

В силу п. 1 ст. 218 ГК РФ право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных

правовых актов, приобретается этим лицом.

Член жилищного, жилищно-строительного, дачного, гаражного или иного потребительского кооператива, другие лица, имеющие право на паенакопления, полностью внесшие свой паевой взнос за квартиру, дачу, гараж, иное помещение, предоставленное этим лицам кооперативом, приобретают право собственности на указанное имущество (п. 4 ст. 218 ГК РФ).

Как разъяснено в п. 11 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 10/22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» в силу п. 2 ст. 8 ГК РФ права на имущество, подлежащие государственной регистрации, возникают с момента регистрации соответствующих прав на него, если иное не установлено законом.

Иной момент возникновения права установлен, в частности, для приобретения права собственности на недвижимое имущество в случае полной выплаты пая членом потребительского кооператива, в порядке наследования и реорганизации юридического лица (абзацы второй и третий п. 2, п. 4 ст. 218 ГК РФ, п. 4 ст. 1152 ГК РФ).

Аналогичное разъяснение содержится и в абзаце третьем п. 3 постановления Пленума № 25.

Таким образом, лица, полностью внесшие паевой взнос за объект недвижимого имущества, приобретают право на данный объект недвижимого имущества в полном объеме с момента внесения паевого взноса.

Это судами учтено не было.

Ссылки судов на отсутствие акта ввода гаражных боксов в эксплуатацию, а также непредоставление гражданам земельного участка для их строительства, положенные в обоснование отказа в удовлетворении заявленных требований, равно как и признание построенных гаражных боксов самовольной постройкой, являются ошибочными.

При рассмотрении дела никем не оспаривалось, что А., Б. и В. выплатили паевые взносы в полном объеме, что подтверждается справками ГСК; гаражи возведены истцами на выделенном для этих целей ГСК земельном участке без нарушения строительных норм и правил, прав и обязанностей третьих лиц, не создают угрозу их жизни и здоровью, что подтверждается имеющимся в деле заключением эксперта, которое было принято судом в качестве доказательства.

Поскольку не установлено иного, то при таких обстоятельствах оснований для отказа в удовлетворении исковых требований не имелось.

Определение № 18-КГ19-54

Разрешение споров, возникающих вследствие причинения вреда

8. Владелец переносного персонального компьютера вправе защищать личные неимущественные права, нарушенные вследствие неправомерного доступа к размещенной на нем информации, путем требования компенсации морального вреда.

Г. обратилась в суд с названным иском к К., указав, что ответчик, незаконно проникнув в жилище истца, самовольно завладела ее ноутбуком, в результате чего истцу были причинены нравственные страдания, просила суд взыскать с ответчика компенсацию морального вреда в размере 20 000 руб.

При рассмотрении дела судом установлено, что 8 декабря 2017 г. по заявлению Г. возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ, поскольку 30 августа 2017 г. неустановленное лицо в квартире вопреки установленному законом порядку самовольно завладело принадлежащим Г. ноутбуком, причинив существенный вред в размере 25 000 руб.

Г. признана потерпевшей.

10 апреля 2018 г. истцу возвращены ноутбук, блок питания и чехол от ноутбука.

11 апреля 2018 г. К. допрошена по уголовному делу в качестве подозреваемой.

28 апреля 2018 г. уголовное дело в отношении подозреваемой К. прекращено на основании ст. 25 УПК РФ за примирением сторон.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции исходил из того, что в силу действующего гражданского законодательства денежной компенсации подлежит только моральный вред, причиненный действиями, нарушающими личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, при нарушении имущественных прав гражданина причиненный ему моральный вред компенсируется лишь в случаях, предусмотренных законом.

По данному делу в результате преступных действий ответчика К. были нарушены имущественные права истца, действующим законодательством специально не установлено право гражданина на компенсацию морального вреда, причиненного такими действиями.

Как указал суд первой инстанции, доказательства нарушения личных неимущественных прав истца действиями ответчика представлены не были, вред здоровью истца не причинен, что заявителем опровергнуто не было. В деле не имеется доказательств, подтверждающих, что истцу была причинена психологическая травма (заключение врача, выписка из

амбулаторной карты и др.). Других обстоятельств, которые бы свидетельствовали о причинении заявителю морального вреда, в деле не имеется, и судом не установлено.

С указанными выводами суда согласилась апелляционная инстанция, указав, что доводы апелляционной жалобы о том, что в результате преступных действий К. нарушены неимущественные права Г., поскольку ноутбук является носителем информации, на котором истец хранила личные фотографии, видеозаписи, электронные документы, при завладении ноутбуком ответчик имела доступ к сведениям, хранящимся в ноутбуке и являющимся конфиденциальной личной информацией, не обоснованы.

Как указал суд апелляционной инстанции, в нарушение положений ст. 56 ГПК РФ истцом не представлены доказательства, подтверждающие пользование ответчиком компьютерной техникой и использование информации, хранящейся в указанном ноутбуке. При этом из материалов уголовного дела следует, что в период самовольного завладения и удержания ноутбука доступ к нему был ограничен в связи с установкой Г. пароля, использование ноутбука было возможно лишь при условии входа под паролем, ответчику пароль не был известен, что подтверждено Г. в суде апелляционной инстанции.

Не согласилась судебная коллегия областного суда и с доводом апелляционной жалобы о том, что при совершении указанных преступных действий ответчик посягнула на неприкосновенность жилища, чем причинила истцу моральный вред, поскольку отсутствуют сведения о фактах привлечения К. к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 150 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом.

Нематериальные блага защищаются в соответствии с данным кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренными, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера

последствий этого нарушения.

Согласно ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

При определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В ст. 25 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на неприкосновенность его жилища. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании вынесенного в соответствии с ним судебного решения.

При рассмотрении дела суд установил, что ноутбук был забран К. из квартиры, которую истец арендовала у ответчика в период с 1 июля 2016 г. по 31 августа 2017 г.

Согласно п. 2.1 договора о найме жилого помещения от 1 июня 2016 г., заключенного между сторонами, наймодатель принял обязанность посещать помещение не более одного раза в месяц, с уведомлением нанимателя не менее чем за 24 часа до предполагаемого посещения.

Согласно п. 1 ст. 240 ГК РФ договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Договор вступает в силу и становится обязательным для сторон с момента его заключения (п. 1 ст. 425 ГК РФ).

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

В апелляционной жалобе Г. указывала, что заключение договора с условием, оговаривающим порядок проверки помещения, явно указывает на то, что воля нанимателя (проживающего лица) состояла в том, чтобы собственник посещал помещение только так и не посещал в случаях, не предусмотренных договором, и, следовательно, проникновение было совершено против воли проживающего лица.

В силу ч. 1 ст. 327¹ ГПК РФ суд апелляционной инстанции

рассматривает дело в пределах доводов, изложенных в апелляционных жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

С учетом приведенных норм права суду апелляционной инстанции следовало дать надлежащую правовую оценку доводам апелляционной жалобы истца о том, что при совершении преступления ответчик посягнула на неприкосновенность жилища, которое является конституционным правом каждого гражданина и относится к личным неимущественным правам, что в нарушение требований ст. 198 ГПК РФ сделано не было.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что отсутствуют сведения о фактах привлечения К. к уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности жилища, а потому оснований полагать, что ответчик посягнула на неприкосновенность жилища истца, не имеется, ничем не обоснован.

Как установлено в п. 1 ст. 152² ГК РФ, если иное прямо не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни, в частности, сведений о его происхождении, о месте его пребывания или жительства, о личной и семейной жизни.

В исковом заявлении Г. указывала, что ноутбук ею использовался в личных и рабочих целях, для ведения активной общественной жизни.

Как разъяснено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий и др.

Судом при рассмотрении дела установлено, что с 30 августа 2017 г. по 10 апреля 2018 г. заявитель была лишена возможности пользоваться ноутбуком, в связи с чем подлежали оценке судом доводы о том, что Г. была лишена возможности вести активную общественную жизнь, чем ей причинены моральные страдания.

При этом в соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Ноутбук является переносным персональным компьютером, который предназначен для эксплуатации одним пользователем, то есть для личного использования. В соответствии со своим назначением он обеспечивает работу наиболее часто используемых приложений, таких как – текстовые процессоры, веб-браузеры, почтовые программы, мессенджеры, мультимедийные программы, компьютерные игры, графические программы, среды разработки программного обеспечения и т.п.

На ноутбуке, которым завладела ответчик, истец хранила личные фотографии, видеозаписи, электронные документы, а также обменивалась сообщениями, что в судебном заседании не опровергнуто и не оспаривалось.

Сведения, содержащиеся в переписке, фото- и видеоматериал составляют личную тайну.

В апелляционной жалобе Г. указывала, что в период завладения ноутбуком ответчик имела доступ в полном объеме к конфиденциальной личной информации истца, получила доступ к личным фотографиям и видеозаписям, различным документам, что привело к моральным страданиям.

Отклоняя данный довод, суд апелляционной инстанции сослался на объяснения самого истца, в которых она указывала, что в период самовольного завладения и удержания ноутбука ответчика на нем был установлен пароль, и пришел к выводу, что доступ к информации у ответчика был ограничен в связи с установкой пароля. При этом суд апелляционной инстанции не дал никакой оценки другим пояснениям истца о том, что в момент завладения ноутбук был включен, в связи с чем ввод пароля для доступа к информации не требовался. Объяснения самого ответчика по данному вопросу судом получены не были.

Определение № 25-КГ19-3

Разрешение споров, связанных с выплатой страхового возмещения по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств

9. Доплата страхового возмещения в порядке урегулирования претензии не освобождает страховщика от ответственности за нарушение установленных законом сроков выплаты страхового возмещения и не исключает применения гражданско-правовой санкции в виде законной неустойки.

В. обратился в суд с иском к страховой компании о возмещении ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия,

в обоснование указав на то, что в результате ДТП принадлежащему ему на праве собственности и застрахованному обществом автомобилю причинены механические повреждения. Страховая компания признала случай страховым, выплатила страховое возмещение, с размером которого истец не согласился. Впоследствии страховая компания частично доплатила страховое возмещение.

В. просил суд взыскать с общества страховое возмещение в размере 27 957 руб. 60 коп., неустойку за нарушение сроков выплаты страхового возмещения в размере 57 436 руб. 90 коп., стоимость услуг по проведению независимой экспертизы в размере 7 000 руб., штраф в размере 13 978 руб. 80 коп., компенсацию морального вреда в размере 10 000 руб., расходы по оплате юридических услуг в размере 7 000 руб.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу о том, что разница между фактически произведенной страховщиком страховой выплатой и предъявленным истцом требованием о дополнительной выплате страхового возмещения на основании заключения эксперта составляет 27 957 руб. 60 коп., то есть менее 10 процентов и считается находящейся в пределах статистической достоверности, в связи с чем оснований для взыскания дополнительной суммы страхового возмещения не имеется.

Кроме того, суд отказал и во взыскании неустойки, компенсации морального вреда и судебных издержек, рассчитанных истцом с учетом просрочки произведенной страховщиком выплаты в размере 35 900 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

В силу п. 1 ст. 330 ГК РФ неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. По требованию об уплате неустойки кредитор не обязан доказывать причинение ему убытков.

Пунктом 21 ст. 12 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (далее – Закон об ОСАГО) предусмотрено, что в

течение 20 календарных дней, за исключением нерабочих праздничных дней, со дня принятия к рассмотрению заявления потерпевшего о страховой выплате или прямом возмещении убытков и приложенных к нему документов, предусмотренных правилами обязательного страхования, страховщик обязан произвести страховую выплату потерпевшему или после осмотра и (или) независимой технической экспертизы поврежденного транспортного средства выдать потерпевшему направление на ремонт транспортного средства с указанием станции технического обслуживания, на которой будет отремонтировано его транспортное средство и которой страховщик оплатит восстановительный ремонт поврежденного транспортного средства, и срока ремонта либо направить потерпевшему мотивированный отказ в страховом возмещении.

При несоблюдении срока осуществления страховой выплаты или срока выдачи потерпевшему направления на ремонт транспортного средства страховщик за каждый день просрочки уплачивает потерпевшему неустойку (пеню) в размере одного процента от определенного в соответствии с указанным федеральным законом размера страхового возмещения по виду причиненного вреда каждому потерпевшему.

Согласно п. 2 ст. 16¹ Закона об ОСАГО надлежащим исполнением страховщиком своих обязательств по договору обязательного страхования признается осуществление страховой выплаты или выдача отремонтированного транспортного средства в порядке и в сроки, которые установлены данным федеральным законом.

В п. 78 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 58 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснено, что неустойка за несоблюдение срока осуществления страховой выплаты исчисляется со дня, следующего за днем, установленным для принятия решения о выплате страхового возмещения, то есть с 21-го дня после получения страховщиком заявления потерпевшего о страховой выплате и документов, предусмотренных Правилами, и до дня фактического исполнения страховщиком обязательства по договору включительно.

В силу п. 5 ст. 16¹ Закона об ОСАГО страховщик освобождается от обязанности уплаты неустойки (пени), суммы финансовой санкции и (или) штрафа, если обязательства страховщика были исполнены в порядке и в сроки, которые установлены указанным федеральным законом, а также если страховщик докажет, что нарушение сроков произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего.

Из содержания вышеприведенных норм права и акта их разъяснения следует, что невыплата в двадцатидневный срок страхователю страхового

возмещения в необходимом размере является неисполнением обязательства страховщика в установленном законом порядке и за просрочку исполнения обязательства по выплате страхового возмещения со страховщика подлежит взысканию неустойка, которая исчисляется со дня, следующего за днем, когда страховщик должен был выплатить надлежащее страховое возмещение, и до дня фактического исполнения данного обязательства. При этом доплата страхового возмещения в порядке урегулирования претензии, поданной в соответствии с требованиями ст. 16¹ Закона об ОСАГО, не освобождает страховщика от ответственности за нарушение сроков, установленных п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО, и не исключает применения гражданско-правовой санкции в виде законной неустойки, поскольку надлежащим сроком выплаты соответствующего данному страховому случаю страхового возмещения страхователю является именно двадцатидневный срок.

Как следует из установленных судом обстоятельств, после первоначального обращения истца с заявлением о выплате страхового возмещения (15 января 2018 г.) страховщик свою обязанность в течение двадцати календарных дней исполнил частично. Доплата страхового возмещения в размере 35 900 руб. была осуществлена позднее – 28 апреля 2018 г.

Недостающая часть страхового возмещения была выплачена страховщиком добровольно, но по истечении срока, установленного п. 21 ст. 12 Закона об ОСАГО.

Доказательств того, что неполная выплата страхового возмещения произошла вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего, страховщиком представлено не было, судами данные обстоятельства не установлены.

Таким образом, указав на доплату страховой компанией страхового возмещения и не установив обстоятельств, свидетельствующих о том, что нарушение сроков выплаты этой части страхового возмещения произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потерпевшего, суд первой инстанции неправоммерно освободил страховщика от гражданско-правовой ответственности за нарушение принятого на себя обязательства в данной части.

Определение № 18-КГ19-28

Разрешение споров в области социальных отношений

10. Непредставление гражданином, зарегистрированным органами службы занятости в целях поиска подходящей работы, справки о

среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы либо представлении им справки о заработной плате, составленной работодателем в произвольной форме, при соблюдении таким гражданином иных условий, установленных законодательством о занятости населения, не может служить безусловным основанием для отказа в признании гражданина безработным и лишения его права на получение мер социальной поддержки, обусловленных таким статусом.

Д. 11 июля 2018 г. обратился в суд с иском к центру занятости населения, региональному министерству труда, социальной защиты и демографии о взыскании недополученного пособия по безработице, восстановлении на учете в качестве безработного с начислением пособия, возмещении убытков, компенсации морального вреда.

В обоснование заявленных требований Д. указал, что с 24 мая 2013 г. работал в организации в должности инженера, 11 декабря 2015 г. был уволен с работы по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (в связи с ликвидацией организации).

18 декабря 2015 г. Д. обратился в центр занятости населения с заявлением о предоставлении государственной услуги содействия в поиске подходящей работы, представив наряду с другими документами справку о среднем заработке от 11 декабря 2015 г., выданную ему работодателем.

23 декабря 2015 г. Д. письменно обратился к руководителю центра занятости населения с просьбой назначить ему пособие по безработице, дополнительно представив решения суда от 4 и 16 декабря 2015 г. о взыскании с организации (работодателя) в его пользу задолженности по заработной плате.

28 декабря 2015 г. в назначении пособия по безработице Д. в устной форме было отказано с указанием на то, что представленные им решения суда не вступили в законную силу и не заменяют справку о среднем заработке.

27 июля 2016 г. Д. вновь обратился в центр занятости населения с просьбой назначить ему пособие по безработице, поскольку он находится в трудном материальном положении, остался без работы и без средств к существованию.

Письмом центра занятости населения от 25 августа 2016 г. Д. был проинформирован о том, что он не состоит на учете в центре занятости населения в качестве безработного, статус безработного ему не присваивался, пособие по безработице не назначалось по причине непредставления им всех необходимых и надлежащим образом оформленных документов (справки о среднем заработке).

Д., полагая, что в результате таких действий ответчиков были нарушены его права на получение пособия по безработице, субсидий на

оплату жилого помещения и коммунальных услуг, а в Пенсионный фонд Российской Федерации центром занятости населения в отношении его были представлены недостоверные сведения, в связи с чем, ссылаясь на ст. 53 Конституции Российской Федерации, ст. 1069 и 1070 ГК РФ, просил суд обязать центр занятости населения восстановить его на учете в качестве безработного с 1 апреля 2016 г. по 1 декабря 2018 г., взыскать с центра занятости населения пособие по безработице в размере 142 290 руб. 83 коп., убытки в виде неполученных субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в размере 40 970 руб. 33 коп., компенсацию морального вреда в размере 30 000 руб., судебные расходы в размере 500 руб.; взыскать с регионального министерства труда, социальной защиты и демографии в его пользу невыплаченный прожиточный минимум с апреля 2016 по ноябрь 2018 года с учетом ставки Банка России и инфляции в размере 347 874 руб. 32 коп.

Представитель ответчика (центра занятости населения) в суде первой инстанции иск не признал.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований Д. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что обжалуемые в кассационном порядке судебные постановления приняты с существенным нарушением норм материального и процессуального права, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суде первой инстанции, указав следующее.

Российская Федерация – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В Российской Федерации охраняется труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (ст. 7 Конституции Российской Федерации).

Согласно ч. 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера, а также право на защиту от безработицы.

Правовые, экономические и организационные основы государственной политики содействия занятости населения, в том числе гарантии государства по реализации конституционных прав граждан Российской Федерации на труд и социальную защиту от безработицы, определены законом Российской

Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон о занятости населения; нормы закона далее приводятся в редакции, действовавшей на момент обращения Д. 18 декабря 2015 г. в центр занятости населения).

В ст. 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» перечислены категории граждан, которые считаются занятыми. К таким гражданам относятся в том числе граждане, работающие по трудовому договору, граждане, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей, нотариусы, занимающиеся частной практикой, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, граждане, проходящие военную службу.

Порядок и условия признания граждан безработными установлены ст. 3 Закона о занятости населения.

Безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. При этом в качестве заработка не учитываются выплаты выходного пособия и сохраняемого среднего заработка гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя. Порядок регистрации безработных граждан, порядок регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и требования к подбору подходящей работы устанавливаются Правительством Российской Федерации (п. 1 ст. 3 Закона о занятости населения).

Решение о признании гражданина, зарегистрированного в целях поиска подходящей работы, безработным принимается органами службы занятости по месту жительства гражданина не позднее 11 дней со дня предъявления органам службы занятости паспорта, трудовой книжки или документов, их заменяющих, документов, удостоверяющих его квалификацию, справки о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы (службы), а для впервые ищущих работу (ранее не работавших), не имеющих квалификации – паспорта и документа об образовании и (или) о квалификации (абзац первый п. 2 ст. 3 Закона о занятости населения).

Гражданин, относящийся к категории инвалидов, для решения вопроса о признании его безработным дополнительно предъявляет индивидуальную программу реабилитации инвалида, выданную в установленном порядке и содержащую заключение о рекомендуемом характере и условиях труда (абзац четвертый п. 2 ст. 3 Закона о занятости населения).

При невозможности предоставления органами службы занятости подходящей работы гражданам в течение 10 дней со дня их регистрации в

целях поиска подходящей работы эти граждане признаются безработными с первого дня предъявления указанных документов (абзац третий п. 2 ст. 3 Закона о занятости населения).

Согласно п. 3 ст. 3 Закона о занятости населения безработными не могут быть признаны граждане:

не достигшие 16-летнего возраста;

которым в соответствии с законодательством Российской Федерации назначены страховая пенсия по старости (в том числе досрочно) и (или) накопительная пенсия, либо пенсия, предусмотренная п. 2 ст. 32 данного закона, либо пенсия по старости или за выслугу лет по государственному пенсионному обеспечению;

отказавшиеся в течение 10 дней со дня их регистрации в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы от двух вариантов подходящей работы, включая работы временного характера, а впервые ищущие работу (ранее не работавшие) и при этом не имеющие квалификации – в случае двух отказов от профессионального обучения или от предложенной оплачиваемой работы, включая работу временного характера. Гражданину не может быть предложена одна и та же работа (профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование по одной и той же профессии, специальности) дважды;

не явившиеся без уважительных причин в течение 10 дней со дня их регистрации в целях поиска подходящей работы в органы службы занятости для предложения им подходящей работы, а также не явившиеся в срок, установленный органами службы занятости для регистрации их в качестве безработных;

осужденные по решению суда к исправительным работам, а также к наказанию в виде лишения свободы;

представившие документы, содержащие заведомо ложные сведения об отсутствии работы и заработка, а также представившие другие недостоверные данные для признания их безработными;

перечисленные в ст. 2 названного закона (то есть занятые граждане).

Главой III Закона о занятости населения установлены гарантии государства в области занятости. К их числу относится и социальная поддержка безработных граждан.

Государство гарантирует безработным: выплату пособия по безработице, в том числе в период временной нетрудоспособности безработного; выплату стипендии в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости, в том числе в период временной нетрудоспособности; возможность участия в оплачиваемых общественных работах (п. 1 ст. 28 Закона о занятости населения).

Время, в течение которого гражданин в установленном законом порядке получает пособие по безработице, стипендию, принимает участие в оплачиваемых общественных работах, время, необходимое для переезда или переселения по направлению органов службы занятости в другую местность для трудоустройства, а также период временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам, призыва на военные сборы, привлечения к мероприятиям, связанным с подготовкой к военной службе (альтернативной гражданской службе), исполнением государственных обязанностей, не прерывают трудового стажа (п. 2 ст. 28 Закона о занятости населения).

Порядок определения размеров пособия по безработице установлен ст. 30 Закона о занятости населения.

Исходя из содержания данной статьи пособие по безработице гражданам, уволенным по любым основаниям, за исключением указанных в п. 2 этой статьи, устанавливается в процентном отношении к среднему заработку, исчисленному за последние 3 месяца по последнему месту работы. Пособие по безработице в случаях, указанных в п. 2 ст. 30 Закона о занятости населения (например, выплата пособия по безработице гражданам, стремящимся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва; гражданам, уволенным за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия), устанавливается в размере минимальной величины пособия по безработице, если иное не предусмотрено данным законом.

Пособие по безработице выплачивается гражданам, признанным в установленном порядке безработными (п. 1 ст. 31 Закона о занятости населения).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2012 г. № 891 утверждены Правила регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и Правила регистрации безработных граждан.

Пунктом 3 Правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы установлено, что постановка на регистрационный учет осуществляется государственными учреждениями службы занятости населения при предъявлении гражданами следующих документов: а) паспорта гражданина Российской Федерации или документа, его заменяющего; б) для граждан, относящихся к категории инвалидов, – индивидуальной программы реабилитации инвалида, выданной в установленном порядке и содержащей заключение о рекомендуемом характере и об условиях труда.

В п. 4 Правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы в числе документов, которые граждане могут предъявить при постановке на учет в целях поиска подходящей работы, указана справка о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы (службы).

В соответствии с п. 4 Правил регистрации безработных граждан постановка на регистрационный учет безработных граждан осуществляется государственными учреждениями службы занятости населения при предъявлении указанными гражданами следующих документов: а) паспорта или документа, его заменяющего; б) трудовой книжки или документа, ее заменяющего; в) документов об образовании, документов об образовании и о квалификации, документов о квалификации, документов об обучении, документов об ученых степенях и ученых званиях; г) справки о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы (службы); д) для граждан, относящихся к категории инвалидов, – индивидуальной программы реабилитации инвалида, выданной в установленном порядке и содержащей заключение о рекомендуемом характере и условиях труда.

Постановка на регистрационный учет безработных граждан осуществляется путем внесения в регистр получателей государственных услуг в сфере занятости населения – физических лиц сведений о признании указанных граждан безработными (абзац первый п. 7 Правил регистрации безработных граждан).

Постановка на регистрационный учет безработных граждан не осуществляется, если в отношении зарегистрированных граждан государственными учреждениями службы занятости населения в установленном порядке приняты решения об отказе в признании их безработными в следующих случаях: а) отказа гражданина от двух вариантов подходящей работы, включая работы временного характера, в течение 10 дней со дня постановки на регистрационный учет в целях поиска подходящей работы; б) двух отказов гражданина, впервые ищущего работу (ранее не работавшего) и при этом не имеющего профессии (специальности), от получения профессиональной подготовки или от предложенной оплачиваемой работы, включая работу временного характера; в) неявки гражданина без уважительных причин в течение 10 дней со дня постановки на регистрационный учет в целях поиска подходящей работы в государственное учреждение службы занятости населения для подбора подходящей работы; г) неявки гражданина в срок, установленный государственными учреждениями службы занятости населения, для принятия решения о признании его безработным; д) представления гражданином документов, содержащих заведомо ложные сведения об отсутствии работы и заработка, а также других недостоверных данных для признания его безработным (п. 9 Правил регистрации безработных граждан).

Сведения о дате принятия решения об отказе в признании безработными зарегистрированных граждан вносятся в регистр получателей государственных услуг в сфере занятости населения – физических лиц (п. 10 Правил регистрации безработных граждан).

Государственные учреждения службы занятости населения уведомляют зарегистрированных граждан письменно (под роспись) или в форме почтового отправления об отказе в признании их безработными и постановке на регистрационный учет в течение суток со дня принятия такого решения (п. 11 Правил регистрации безработных граждан).

В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 6 октября 2015 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 3 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина М.В. Чайковского», само по себе законодательное закрепление перечня документов, при представлении которых гражданин, зарегистрированный в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, должен быть признан безработным, не выходит за рамки дискреционных полномочий федерального законодателя, поскольку является элементом правового механизма социальной защиты от безработицы и в силу этого не может рассматриваться ни как нарушение права граждан на защиту от безработицы, закрепленного ст. 37 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, ни как умаление государственных гарантий его реализации. Вместе с тем, формируя такой перечень, федеральный законодатель должен принимать во внимание целевое назначение включаемых в него документов и исходить из того, что их истребование от граждан может быть оправдано исключительно необходимостью надлежащего осуществления органами службы занятости возложенных на них функций по предоставлению безработным гражданам мер государственной поддержки в области содействия занятости и не должно создавать необоснованных затруднений в реализации их права на защиту от безработицы (абзац второй п. 3 названного постановления Конституционного Суда Российской Федерации).

Из приведенных нормативных положений и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации следует, что защита граждан от безработицы является одним из направлений государственной политики в сфере занятости населения. Названная цель реализуется путем осуществления предусмотренных законом специальных мер, направленных на нейтрализацию негативных и нежелательных последствий, связанных с утратой гражданами работы, и социальную поддержку граждан, не имеющих работы и заработка (трудового дохода). К числу таких мер относится пособие по безработице, которое выплачивается гражданам, признанным в установленном законом порядке безработными. При этом безработными признаются трудоспособные граждане, не имеющие работы и заработка, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищущие работу и готовые приступить к ней. Решение о признании

гражданина, зарегистрированного в целях поиска подходящей работы, безработным, принимается органами службы занятости населения при представлении таким гражданином ряда документов, среди которых – справка о его среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы. Представление гражданином, зарегистрированным в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, справки о среднем заработке за последние три месяца по последнему месту работы связано с необходимостью подбора ему подходящей работы, определения размера пособия по безработице и стипендии, выплачиваемой в период прохождения профессионального обучения и получения дополнительного профессионального образования по направлению органов службы занятости. Вместе с тем обязательная форма такой справки, равно как и обязательные требования к сведениям, содержащимся в такой справке, законом не установлены, а приведенный в п. 3 ст. 3 Закона о занятости населения исчерпывающий перечень категорий граждан, которые не могут быть признаны безработными, не включает граждан, зарегистрированных в целях поиска подходящей работы, но не представивших органам службы занятости документ, содержащий сведения о размере среднего заработка, исчисленного за последние 3 месяца по последнему месту работы.

Таким образом, истребование от гражданина, зарегистрированного в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, документов, при представлении которых он должен быть признан безработным, может быть обусловлено исключительно необходимостью надлежащего осуществления органами службы занятости возложенных на них функций по предоставлению безработным гражданам мер государственной поддержки в области содействия занятости и не должно создавать необоснованных затруднений в реализации их права на защиту от безработицы. Само по себе непредставление гражданином, зарегистрированным органами службы занятости в целях поиска подходящей работы, справки о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы либо представление им справки о заработной плате, составленной работодателем в произвольной форме, при соблюдении таким гражданином иных условий, установленных Законом о занятости населения, не может служить безусловным основанием для отказа в признании гражданина безработным и лишения его права на получение мер социальной поддержки, обусловленных таким статусом.

При рассмотрении настоящего дела по иску Д., оспаривавшего правомерность фактического отказа центра занятости населения в принятии его на учет в качестве безработного с предоставлением установленных Законом о занятости населения мер социальной поддержки, включая выплату пособия по безработице, судебные инстанции неправильно применили к спорным отношениям приведенные выше правовые нормы об условиях и

порядке признания гражданина безработным и не учли правовую позицию Конституционного Суда Российской Федерации о том, что истребование от граждан документов, указанных в п. 2 ст. 3 Закона о занятости населения, в целях признания таких граждан безработными не должно создавать необоснованных затруднений в реализации их права на защиту от безработицы.

По данному делу юридически значимыми и подлежащими определению и установлению с учетом исковых требований Д., возражений на них ответчика и регулирующих спорные отношения норм материального права являлись следующие обстоятельства: представлялись ли Д. в центр занятости населения справка о его средней заработной плате за последние 3 месяца работы в организации (работодателе); содержалась ли в этой справке информация (сведения) о размере заработной платы Д. в период его работы в этой организации; имел ли возможность центр занятости населения на основании справки, выданной работодателем бывшему работнику Д., и дополнительно представленных Д. в центр занятости населения решения суда от 4 декабря 2015 г. и дополнительного решения того же суда от 16 декабря 2015 г. о взыскании с организации (работодателя) в пользу Д. задолженности по заработной плате произвести расчет размера пособия Д. по безработице; была ли у Д. реальная возможность представить в центр занятости населения иную справку о средней заработной плате за последние 3 месяца его работы в организации, в том числе справку по форме, рекомендованной в письме Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 августа 2016 г. № 16-5/В-421 (с 10 января 2019 г. по этому же вопросу письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 10 января 2019 г. № 16-5/В-5); была ли у центра занятости населения возможность предоставить Д. предусмотренные Законом о занятости населения меры государственной поддержки, включая выплату пособия по безработице, исходя из представленных Д. документов.

Однако судебные инстанции при рассмотрении исковых требований Д. в результате неправильного применения норм материального права и существенного нарушения норм процессуального права не определили и не установили названные обстоятельства, имеющие значение для дела, произвольно применили ст. 56 ГПК РФ и нарушили требования процессуального закона, касающиеся доказательств и доказывания в гражданском процессе, не оценили имеющиеся по делу доказательства, как это предписывает процессуальный закон (ст. 67 ГПК РФ).

Судебными инстанциями оставлены без внимания и соответствующей правовой оценки доводы Д. о том, что помимо справки о заработной плате, выданной ему работодателем, он представил в центр занятости населения решение суда от 4 декабря 2015 г. и дополнительное решение того же суда от

16 декабря 2015 г. о взыскании в его пользу с работодателя заработной платы в том числе за период приостановления им работы с 17 марта по 25 июня 2014 г.

Суждение судебных инстанций о том, что истребование центром занятости населения у Д. справки о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы по установленной форме было обусловлено необходимостью надлежащего осуществления органами службы занятости возложенных на них функций по предоставлению безработным гражданам мер государственной поддержки в области содействия занятости, нельзя признать соответствующим требованиям закона, поскольку в судебных постановлениях (в решении суда первой инстанции и в апелляционном определении суда апелляционной инстанции) не приведено каких-либо мотивов относительно того, что имеющаяся в названных документах (справке о заработной плате, выданной работодателем Д., и решениях суда о взыскании в пользу Д. с работодателя задолженности по заработной плате) информация о среднем заработке Д. препятствовала центру занятости населения в поиске для Д. подходящей ему работы, а также расчету пособия по безработице.

Указывая на то, что Д. не представил доказательств уважительности причин непредставления в центр занятости населения справки о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы, суд апелляционной инстанции не учел, что справка, содержащая сведения о заработной плате Д., была выдана ему работодателем, в выдаче другой справки о среднем заработке работодатель Д. отказал. Эти обстоятельства правовой оценки суда апелляционной инстанции не получили, вследствие чего вывод суда апелляционной инстанции о том, что Д. каких-либо необоснованных затруднений в реализации права на защиту от безработицы не создано, противоречит нормам права, подлежащим применению к спорным отношениям.

Таким образом, делая вывод о том, что Д. не исполнена обязанность по представлению в центр занятости населения полного пакета документов, необходимых для признания безработным, а именно – справки о среднем заработке за последние 3 месяца по последнему месту работы, судебные инстанции, сославшись на положения п. 2 ст. 3 Закона о занятости населения, которым определен перечень документов, при представлении которых гражданин, зарегистрированный в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, должен быть признан безработным, спор о правомерности фактического отказа Д. центром занятости населения в постановке на учет в качестве безработного и лишения Д. тем самым права на меры социальной поддержки, предусмотренные названным законом как гарантии государства на защиту от безработицы, по существу не разрешили.

Приведенные обстоятельства, по мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствуют о формальном подходе судебных инстанций к рассмотрению настоящего дела, предметом которого являлся спор, связанный с реализацией гражданином установленных законом государственных гарантий социальной защиты от безработицы, что привело к нарушению задач и смысла гражданского судопроизводства, установленных ст. 2 ГПК РФ, и права Д. на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, гарантированную каждому ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Определение № 29-КГ19-6

11. Наличие у члена семьи умершего кормильца какого-либо собственного дохода (получение пенсии) не исключает признание этого лица (члена семьи) состоявшим на его иждивении.

Л. обратилась в суд с иском к территориальному органу МВД России об установлении факта нахождения ее на иждивении мужа Г., признании права на получение пенсии по случаю потери кормильца.

В обоснование исковых требований Л. ссылалась на то, что она с 13 июля 1978 г. по 9 февраля 1993 г. состояла в зарегистрированном браке с Г., 23 сентября 1997 г. брак между ней и Г. был прекращен в связи с его расторжением, а в последующем с 16 июня 2011 г. вновь зарегистрирован.

С 13 июля 2013 г. Л. получает пенсию по старости в размере 10 996 руб. 04 коп., иных источников дохода не имеет. На основании исполнительного листа от 11 февраля 2015 г., выданного районным судом, из суммы, получаемой Л. Пенсии, производится ежемесячное денежное удержание в размере 1099 руб. 60 коп. За вычетом названной денежной суммы размер получаемой ею ежемесячно пенсии составляет 989 руб. 44 коп.

Вступившим в законную силу решением мирового судьи от 15 декабря 2015 г. с Г. в пользу супруги Л. взысканы алименты на ее содержание, начиная с 12 ноября 2015 г., размер которых составил с учетом индексации 14 833 руб. 99 коп.

Г. с 1997 года являлся получателем пенсии за выслугу лет по линии Министерства внутренних дел Российской Федерации и ежемесячной денежной доплаты к пенсии на основании Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах». Общий доход Г. за период с сентября 2016 по

август 2017 года составил 393 649 руб. 79 коп. Доход Л. за указанный период составил 116 078 руб. 82 коп.

17 августа 2017 г. Г. скончался.

Л. указывала, что как в период нахождения в зарегистрированном браке с Г., так и в период, когда между ними брак был расторгнут, они проживали совместно, вели общее хозяйство и с 2014 года до момента смерти мужа Л. находилась на его иждивении, поскольку получаемый Г. при жизни доход в виде пенсии за выслугу лет и надбавки к пенсии являлся для Л. постоянным и основным источником средств к существованию.

Л., ссылаясь на положения Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-І «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей» (далее – Закон от 12 февраля 1993 г. № 4468-І), указывала, что установление факта нахождения ее на иждивении мужа Г., умершего 17 августа 2017 г., необходимо для назначения ей пенсии по случаю потери кормильца.

Л. просила суд установить факт нахождения ее на иждивении мужа Г., умершего 17 августа 2017 г.; признать за ней право на получение пенсии по случаю потери кормильца по линии Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Представитель ответчика в судебном заседании суда первой инстанции исковые требования не признал.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении исковых требований Л. отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

При обращении в суд с названным иском Л. просила установить факт нахождения ее на иждивении мужа Г., умершего 17 августа 2017 г., Л. в качестве правовых последствий установления названного факта указывала на возможность получения ею пенсии по случаю потери кормильца, выплачиваемой членам семьи умершего кормильца на основании Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І.

Статьей 1 названного закона определен круг лиц, на которых распространяется действие данного закона. В их числе названы лица, проходившие службу в органах внутренних дел.

Частью 2 ст. 5 этого закона предусмотрено, что в случае гибели или

смерти лиц, указанных в ст. 1 данного закона, их семьи при наличии условий, предусмотренных этим законом, приобретают право на пенсию по случаю потери кормильца.

Условия, определяющие право на пенсию по случаю потери кормильца, установлены в ст. 28 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, согласно которой пенсия по случаю потери кормильца, в частности, семьям пенсионеров из числа лиц, указанных в ст. 1 этого закона, назначается, если кормилец умер в период получения пенсии или не позднее 5 лет после прекращения выплаты ему пенсии.

Частью 1 ст. 29 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 определено, что право на пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умерших (погибших) лиц, указанных в ст. 1 поименованного закона, состоявшие на их иждивении.

Нетрудоспособными членами семьи в силу п. «б» ч. 3 ст. 29 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I считаются: отец, мать и супруг, если они достигли возраста: мужчины – 60 лет, женщины – 55 лет, либо являются инвалидами.

Члены семьи умершего считаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (ч. 1 ст. 31 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I).

Членам семьи умершего, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, но которые сами получали какую-либо пенсию, может быть назначена пенсия по случаю потери кормильца (ч. 2 ст. 31 Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I).

По смыслу названных норм Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-I, понятие «иждивение» предполагает как полное содержание лица умершим кормильцем, так и получение от него содержания, являвшегося для этого лица основным, но не единственным источником средств к существованию, то есть не исключает наличие у лица (члена семьи) умершего кормильца какого-либо собственного дохода (получение пенсии). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего кормильца членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим кормильцем, и его собственными доходами, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию члена семьи умершего кормильца.

Такое толкование понятия «иждивение» согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 30 сентября 2010 г. № 1260-О-О.

Приведенные нормативные положения судами первой и апелляционной

инстанций применены неправильно.

Отказывая в удовлетворении искового заявления Л. об установлении факта нахождения ее на иждивении умершего супруга Г., о признании права на получение пенсии по случаю потери кормильца, судебные инстанции исходили из того, что Л. не представлены доказательства, подтверждающие, что материальная помощь мужа при его жизни являлась для Л. постоянным и основным источником средств к существованию, а размер собственных доходов истца не был достаточным для обеспечения необходимых жизненных потребностей.

Между тем согласно материалам дела на момент смерти Г. и в настоящее время Л. является получателем страховой пенсии по старости, размер которой составляет 10 996 руб. 04 коп. в месяц. На основании вступившего в законную силу судебного постановления Г. выплачивал Л. алименты в сумме 12 000 руб. При жизни муж Л. – Г. являлся получателем пенсии за выслугу лет по линии Министерства внутренних дел Российской Федерации на основании Закона от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, сумма которой за период с сентября 2016 по август 2017 года составила 355 449 руб. 79 коп., также с 15 апреля 2017 г. ему назначена страховая часть пенсии по старости. Ежемесячный доход Г. на момент его смерти, как установлено судом, составлял 36 446 руб. 07 коп. в месяц.

Пунктом 1 ст. 89 СК РФ предусмотрено, что супруги обязаны материально поддерживать друг друга.

В случае отказа от такой поддержки и отсутствия соглашения между супругами об уплате алиментов право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от другого супруга, обладающего необходимыми для этого средствами, имеют нетрудоспособный нуждающийся супруг (абзац второй п. 2 ст. 89 СК РФ).

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» разъяснено, что под нетрудоспособными совершеннолетними лицами, имеющими право на алименты (ст. 85, 89, 90, 93–97 СК РФ), следует понимать лиц, признанных в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а также лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста.

Вступившим в законную силу судебным постановлением с Г. в пользу супруги Л. взысканы алименты на ее содержание ежемесячно, начиная с 12 ноября 2015 г., следовательно, в силу названных норм Семейного кодекса Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по их применению Л. при жизни ее мужа была признана лицом, нуждающимся в оказании материальной помощи, и имела право на получение такой помощи от своего супруга Г.

Ввиду того, что право на получение пенсии по случаю потери кормильца, предусмотренной Законом от 12 февраля 1993 г. № 4468-І, в силу приведенного выше правового регулирования, имеют члены семьи умершего кормильца, являющиеся на момент его смерти нетрудоспособными и находившиеся на его иждивении, а Л. на момент смерти ее мужа являлась получателем страховой пенсии по старости, проживая с супругом совместно, получала от Г. помощь в виде выплачиваемых им алиментов на основании вступившего в законную силу судебного постановления как нетрудоспособный нуждающийся член его семьи, вывод судебных инстанций об отсутствии доказательств того, что материальная помощь мужа Л. при жизни была для нее постоянным и основным источником средств к существованию, сделан без учета всех юридически значимых обстоятельств дела и является неправомерным.

Принимая во внимание, что Л. в связи со смертью супруга утратила возможность получать от него материальную помощь в виде алиментов и иного источника дохода, кроме страховой пенсии по старости, у нее не имелось, вывод судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии оснований для установления факта нахождения Л. на иждивении ее супруга Г. не соответствует подлежащим применению нормам права.

Определение № 78-КГ19-43

Процессуальные вопросы

12. Исковые требования о признании незаконными решений территориальных органов МВД России, направленные на установление права на получение единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, и об обязанности восстановить на учете для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения подлежат рассмотрению в суде общей юрисдикции по правилам гражданского судопроизводства.

Б. обратился в суд с иском к территориальному органу МВД России о признании незаконными решений по предоставлению единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения, об обязанности восстановить на учете для получения единовременной социальной выплаты для приобретения или строительства жилого помещения (далее также – единовременная социальная выплата).

Из материала следует, что Б., обращаясь в суд с иском к МВД по Республике Калмыкия о признании незаконными решений территориального

органа МВД России по предоставлению единовременной социальной выплаты от 1 июня 2018 г. и 11 октября 2018 г. о снятии Б. и членов его семьи с учета очередников на получение единовременной социальной выплаты и об отказе в восстановлении в очереди на получение единовременной социальной выплаты, одновременно просил обязать данную комиссию восстановить его с семьей в составе пяти человек (он, супруга и трое детей) на учете для получения единовременной социальной выплаты с даты первоначального принятия на данный учет, ссылаясь на наличие обстоятельств, при которых у него, как сотрудника органов внутренних дел, имеется право на единовременную социальную выплату, так как общая площадь предоставленного ему 10 мая 2016 г. по договору социального найма жилого помещения общей площадью 60,9 кв. м не соответствует установленной законом норме общей площади жилого помещения, положенной ему исходя из количества членов его семьи (90 кв. м).

Определением городского суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в принятии искового заявления Б. отказано на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации состоявшиеся по делу судебные постановления отменила, как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ) данный закон регулирует отношения, связанные с денежным довольствием и пенсионным обеспечением сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, обеспечением жилыми помещениями, медицинским обеспечением сотрудников, граждан Российской Федерации, уволенных со службы в органах внутренних дел, членов их семей и лиц, находящихся (находившихся) на их иждивении, а также с предоставлением им иных социальных гарантий.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ сотрудник, имеющий стаж службы в органах внутренних дел не менее 10 лет в календарном исчислении, имеет право на единовременную социальную выплату для приобретения или строительства жилого помещения один раз за весь период государственной службы, в том числе службы в органах внутренних дел.

Частью 4 ст. 4 названного федерального закона предусмотрено, что единовременная социальная выплата предоставляется сотруднику с учетом совместно проживающих с ним членов его семьи.

На основании п. 2 ч. 2 этой же статьи единовременная социальная выплата предоставляется сотруднику в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, иному федеральному органу исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, руководителя иного федерального органа исполнительной власти, в котором проходят службу сотрудники, при условии, что сотрудник является нанимателем жилого помещения по договору социального найма или членом семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственником жилого помещения или членом семьи собственника жилого помещения и обеспечен общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее 15 квадратных метров.

Согласно ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что Конституция Российской Федерации, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод и на судебное обжалование решений органов государственной власти, в том числе судебной (чч. 1 и 2 ст. 46,), непосредственно не устанавливает какой-либо определенный порядок судебной проверки решений судов по жалобам заинтересованных лиц. Конституционное право на судебную защиту не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания – они определяются законами на основе Конституции Российской Федерации, ее ст. 46, 123 и 128 (определения от 15 января 2008 г. № 107-О-О, от 15 мая 2017 г. № 908-О и др.).

В силу ст. 3 ГПК РФ заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 22 ГПК РФ суды рассматривают и разрешают иски с участием граждан, организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, по спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, жилищных, земельных, экологических и иных правоотношений.

Судья отказывает в принятии искового заявления в случае, если заявление не подлежит рассмотрению и разрешению в порядке гражданского судопроизводства, поскольку заявление рассматривается и разрешается в ином судебном порядке (п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ в редакции, действовавшей на момент подачи искового заявления Б. и вынесения определения об отказе в его принятии).

В соответствии с абзацем первым ч. 2 ст. 1 КАС РФ суды в порядке, предусмотренном названным кодексом, рассматривают и разрешают подведомственные им административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Частью 4 ст. 1 КАС РФ предусмотрено, что не подлежат рассмотрению в порядке, установленном данным кодексом, дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, арбитражных судов или подлежащие рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке в Верховном Суде Российской Федерации, судах общей юрисдикции.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 г. № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» в абзаце пятом п. 1 разъяснено, что, по смыслу ч. 4 ст. 1 КАС РФ и ч. 1 ст. 22 ГПК РФ, а также с учетом того, что гражданские права и обязанности возникают, в частности, из актов государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 8 ГК РФ), споры о признании таких актов недействительными (незаконными), если их исполнение привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей, не подлежат рассмотрению в порядке, предусмотренном КАС РФ.

Как следует из искового заявления, Б., оспаривая решения территориального органа МВД России по предоставлению единовременной социальной выплаты, о снятии с учета очередников на получение единовременной социальной выплаты и об отказе в восстановлении в очереди на получение единовременной социальной выплаты, просил обязать комиссию восстановить его с семьей в составе пяти человек (он, супруга и трое детей) на учете для получения единовременной социальной выплаты в связи с наличием у него, как сотрудника органов внутренних дел, права на единовременную социальную выплату, поскольку предоставленное ему с

членами семьи жилое помещение по договору социального найма не соответствует полагающейся ему общей площади жилого помещения.

Принимая во внимание, что заявленные Б. исковые требования направлены на установление права Б. на получение единовременной социальной выплаты, то эти требования подлежат рассмотрению в суде по правилам гражданского судопроизводства.

Определение № 42-КГ19-3

13. Уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, является одной из задач подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 148 ГПК РФ).

Г. обратилась в суд с иском к пенсионному органу о признании незаконными решений об отказе в назначении досрочной страховой пенсии по старости, об обязанности включить в специальный стаж период работы, о назначении досрочной страховой пенсии по старости с момента обращения за ее назначением.

В исковом заявлении Г. указала, что решениями пенсионного органа ей отказано во включении в специальный стаж периода ее работы в качестве аппаратчика подготовки сырья, отпуска полуфабрикатов и продукции в отделении доработки и подготовки продукта в цехе фосфорных удобрений в обществе и в назначении досрочной страховой пенсии по старости из-за отсутствия требуемого специального стажа.

В п. 1 просительной части искового заявления Г. просила признать незаконным решение пенсионного органа об отказе в назначении досрочной страховой пенсии по старости от 5 июля 2018 г. и от руки в этом пункте дописала – «от 15 декабря 2016 г.».

В п. 2 просительной части искового заявления Г. просила обязать пенсионный орган включить в специальный стаж периоды ее работы с 1 марта 2015 г. по 5 апреля 2017 г., назначить досрочную страховую пенсию по старости с момента обращения – с 15 декабря 2016 г.

Определением судьи районного суда от 12 ноября 2018 г. исковое заявление Г. оставлено без движения до 28 ноября 2018 г. на основании ч. 1 ст. 136 ГПК РФ, со ссылкой на то, что в просительной части искового заявления имеется дополнительная запись, не заверенная подписью истца; требования заявлены к нескольким ответчикам (управлениям), а наименование приводится только одного ответчика; истец просит включить в специальный стаж периоды работы, однако указывает временные границы только одного периода и не называют свою должность и место работы в этот период; вторая часть предложения в п. 2 просительной части искового

заявления не содержит самостоятельного требования и не имеет логической привязки к его первой части.

Судья также указал, что исходя из содержания искового заявления не представляется возможным установить достоверное волеизъявление истца и определить юридически значимые обстоятельства по делу, содержание иска не позволяет ответчику строить защиту от предъявленных исковых требований.

Во исполнение определения судьи районного суда от 12 ноября 2018 г., Г. 21 ноября 2018 г. в суд подано заявление с исправлением недостатков искового заявления. В этом заявлении Г. уточнила свои требования и просила признать незаконными решения пенсионного органа об отказе в назначении досрочной страховой пенсии по старости от 15 декабря 2016 г. и от 5 июля 2018 г., обязать ответчика включить в специальный стаж период ее работы с 1 марта 2015 г. по 5 апреля 2017 г. и назначить ей досрочную страховую пенсию по старости с 15 декабря 2016 г.

Определением судьи районного суда от 28 ноября 2018 г. исковое заявление возвращено Г. на основании ч. 2 ст. 136 ГПК РФ, ввиду того, что указания судьи, приведенные в определении об оставлении искового заявления без движения, в установленный срок не выполнены, а именно, в просительной части искового заявления не указаны должность и наименование предприятия, работу в которых истец просит включить в специальный стаж, не исправлена вторая часть предложения в п. 2 просительной части искового заявления. Суд апелляционной инстанции согласился с выводами судьи районного суда.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными по следующим основаниям.

Конституция Российской Федерации каждому гарантирует судебную защиту его прав и свобод (ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации).

Право на судебную защиту подразумевает создание условий для эффективного и справедливого разбирательства дела, реализуемых в процессуальных формах, регламентированных федеральным законом, а также возможность пересмотреть ошибочный судебный акт в целях восстановления в правах посредством правосудия.

Правила предъявления иска установлены гл. 12 (ст. 131–138) ГПК РФ.

Подача иска в суд осуществляется с соблюдением обязательных требований к исковому заявлению, перечень которых является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. К числу таких обязательных требований к исковому заявлению процессуальным законом отнесены указание истцом на факт нарушения либо угрозу нарушения ответчиком его прав, свобод или законных интересов, а также

указание истцом на обстоятельства, на которых он основывает свои требования, и ссылку на доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. В случае если исковое заявление подано истцом с нарушением установленных процессуальным законом требований, это заявление подлежит оставлению без движения с установлением судьей истцу разумного срока для устранения названных судьей в определении об оставлении искового заявления без движения недостатков. Невыполнение указанных судьей в определении об оставлении искового заявления без движения требований является основанием для возвращения истцу поданного им с нарушением установленного порядка искового заявления.

Главой 14 ГПК РФ определен порядок подготовки дела к судебному разбирательству.

Подготовка к судебному разбирательству является обязательной по каждому гражданскому делу и проводится судьей с участием сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей (ч. 2 ст. 147 ГПК РФ).

Подготовка дел к судебному разбирательству является самостоятельной стадией гражданского процесса, имеющей целью обеспечить правильное и своевременное их рассмотрение и разрешение, и обязательна по каждому гражданскому делу. Своевременная и полная подготовка дела к судебному разбирательству имеет определяющее значение для качественного рассмотрения дела в установленные законом сроки (абзацы второй и третий п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»).

В ст. 148 ГПК РФ определены задачи подготовки дела к судебному разбирательству, одной из которых является уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела.

В п. 5 названного постановления Пленума разъяснено, что под уточнением обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, следует понимать действия судьи и лиц, участвующих в деле, по определению юридических фактов, лежащих в основании требований и возражений сторон, с учетом характера спорного правоотношения и норм материального права, подлежащих применению. В случае заблуждения сторон относительно фактов, имеющих юридическое значение, судья на основании норм материального права, подлежащих применению, разъясняет им, какие факты имеют значение для дела и на ком лежит обязанность их доказывания (ст. 56 ГПК РФ).

Статьей 150 ГПК РФ предусмотрены действия судьи при подготовке дела к судебному разбирательству.

Так, согласно пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ при подготовке дела к судебному разбирательству судья разъясняет сторонам их процессуальные

права и обязанности; опрашивает истца или его представителя по существу заявленных требований и предлагает, если это необходимо, представить дополнительные доказательства в определенный срок.

Судья опрашивает истца или его представителя по существу заявленных требований в целях выяснения характера этих требований, обстоятельств, на которых они основаны, и доказательств, подтверждающих эти обстоятельства. Все это имеет значение для определения судьей закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела и установлении правоотношений сторон, определении обстоятельств, имеющих значение для дела, и решения вопроса о распределении обязанностей по их доказыванию (п. 21 названного выше постановления Пленума).

Однако приведенные процессуальные нормы и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по их применению судьей районного суда и судом апелляционной инстанции во внимание не приняты. Те вопросы, которые возникли у судьи по поводу содержания искового заявления Г. и его обоснования подлежали рассмотрению на стадии подготовки дела к судебному разбирательству путем определения судьей юридических фактов, лежащих в основании требований Г., с учетом характера спорного правоотношения и норм материального права, подлежащих применению.

Исходя из содержания искового заявления Г. и приложенных ею в обоснование заявленного иска документов, у судьи не имелось оснований ни для оставления искового заявления Г. без движения, ни для его возвращения, поскольку Г. подробно на 9 листах изложила в нем обстоятельства, на которых основывала свои требования, приведя доводы о том, в чем, по ее мнению, заключается нарушение ее пенсионных прав со ссылкой на нормы законодательства, и приложила к исковому заявлению соответствующие документы (трудовую книжку, решения пенсионного органа, судебные решения по другим делам, связанные с льготным характером работы Г., справки общества, уточняющие особый характер ее работы и другие документы).

При таких обстоятельствах определение судьи районного суда и апелляционное определение о возвращении искового заявления Г. на основании ст. 136 ГПК РФ признаны незаконными.

Определение № 32-КГ19-21

14. Разъяснение решения суда производится в случае его неясности, противоречивости и нечеткости. При этом суд не может под видом разъяснения решения суда изменить его или разрешить вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства.

Городская больница обратилась в суд с заявлением о разьяснении решения суда от 5 февраля 1996 г., принятого по иску П. к городской больнице о возмещении вреда здоровью, ссылаясь на неясности в исполнении этого решения по вопросу оплаты больницей проживания и лечения лиц, которые сопровождают П., за которой признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий туда и обратно с сопровождающим.

Как следует из материалов дела, П. в июне 1995 г. обратилась в суд с иском к городской больнице о возмещении вреда здоровью, указав, что в период ее нахождения на лечении в этой городской больнице произошел несчастный случай, в результате которого она по вине больницы получила увечье, была признана инвалидом I группы, утратила 100% профессиональной трудоспособности. Ранее решением суда от 11 июня 1987 г. за П. признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий и обратно с сопровождающим, в связи с чем П. просила признать за ней право на оплату городской больницей санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий и обратно с сопровождающим бессрочно. К исковому заявлению П. приложила, в частности, справку врачебно-трудовой экспертной комиссии от 12 мая 1986 г., где содержались сведения о том, что П. нуждается в постоянном постороннем уходе, заключение судебной медицинской экспертизы от 12 апреля 1990 г., которым определена ее нуждаемость в постороннем уходе как инвалида I группы, ежегодном санаторно-курортном лечении для спинальных больных (г. Саки) по направлению лечащего врача с сопровождающим.

Вступившим в законную силу решением суда от 5 февраля 1996 г. исковые требования П. удовлетворены частично.

С расчетного счета городской больницы в пользу П. взысканы денежные средства в счет возмещения утраченного заработка, на дополнительное питание с последующей индексацией, на посторонний постоянный уход ежемесячно с последующей индексацией; за П. признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий туда и обратно с сопровождающим, право на возмещение расходов на приобретение одного комплекта постельного белья в год.

По заявлению представителя городской больницы определением суда от 6 апреля 2010 г. было разьяснено решение суда от 5 февраля 1996 г. Судом разьяснено, что в целях устранения препятствий в исполнении городской больницей этого решения взысканные по решению суда суммы подлежат выплате в установленных судом размере и порядке пожизненно; санаторно-курортное лечение должно оплачиваться пожизненно ежегодно при наличии направления врача в санаторий для спинальных больных типа санатория в

г. Саки в сопровождении.

19 марта 2018 г. представитель городской больницы обратился в суд с заявлением о разъяснении решения суда от 5 февраля 1996 г.

Определением суда от 3 апреля 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 4 мая 2018 г., в удовлетворении заявления городской больнице отказано, поскольку, по мнению суда, смысл решения суда от 5 февраля 1996 г. понятен, неясностей не содержит.

13 апреля 2018 г. представитель городской больницы вновь обратился в суд с заявлением о разъяснении решения суда от 5 февраля 1996 г., ссылаясь на неясности в исполнении этого решения по вопросу оплаты больницей проживания и лечения лиц, которые сопровождают П., за которой признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий туда и обратно с сопровождающим.

Представитель городской больницы полагал, что сопровождающим П. лицам следует компенсировать только оплату их проезда до места ее санаторно-курортного лечения и обратно. Поскольку больницей вред сопровождающим П. лицам не причинялся, понятие сопровождения относится к проезду к месту лечения П. и обратно, а не к самому санаторно-курортному лечению сопровождающих ее лиц. Лечение сопровождающих П. лиц не подлежит оплате больницей.

Определением суда от 17 августа 2018 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 26 сентября 2018 г., заявление городской больницы от 13 апреля 2018 г. о разъяснении решения суда от 5 февраля 1996 г. по делу по иску П. к городской больнице о возмещении вреда здоровью удовлетворено. Суд в определении разъяснил, что только за П. признано право на оплату санаторно-курортного лечения, при этом проезд в санаторий туда и обратно подлежит возмещению как самой П., так и лицу, ее сопровождающему.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что обжалуемые определения судов первой и апелляционной инстанций о разъяснении решения суда от 5 февраля 1996 г. приняты с существенным нарушением норм процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 202 ГПК РФ в случае неясности решения суд, принявший его, по заявлению лиц, участвующих в деле, судебного пристава-исполнителя вправе разъяснить решение суда, не изменяя его содержания. Разъяснение решения суда допускается, если оно не приведено в исполнение и не истек срок, в течение которого решение суда может быть принудительно исполнено.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» указано, что поскольку ст. 202 ГПК РФ предоставляет суду возможность разъяснить

решение, не изменяя его содержания, суд не может под видом разъяснения изменить, хотя бы частично, существо решения, а должен только изложить его же в более полной и ясной форме.

Таким образом, разъяснение решения является одним из способов устранения его недостатков. Оно производится в случае неясности, противоречивости и нечеткости решения. При этом суд не может под видом разъяснения решения изменить или разрешить вопросы, которые не были предметом судебного разбирательства.

Как следует из вступившего в законную силу решения суда от 5 февраля 1996 г., за П. было признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий туда и обратно с сопровождающим ввиду того, что П. является инвалидом I группы и ей необходима постоянная посторонняя помощь.

Между тем, разъясняя данное решение суда, суд в резолютивной части определения от 17 августа 2018 г. нормы процессуального закона применил неправильно, вследствие чего признал этим разъяснением право на оплату санаторно-курортного лечения только за П., а возмещение расходов на проезд в санаторий туда и обратно как самой П., так и лицу, ее сопровождающему, тем самым, по сути, изменил содержание резолютивной части решения суда от 5 февраля 1996 г., в которой для сопровождающего лица ограничений по оплате санаторно-курортного лечения не установлено. В резолютивной части решения суда от 5 февраля 1996 г. в ясной и недвусмысленной форме за П. признано право на оплату санаторно-курортного лечения и проезда в санаторий туда и обратно с сопровождающим.

Суд апелляционной инстанции не устранил допущенные судом первой инстанции существенные нарушения норм процессуального права.

При таких обстоятельствах и с учетом того, что в соответствии с приведенными выше положениями ст. 202 ГПК РФ судом не может быть принято определение о разъяснении решения, изменяющее содержание этого решения, а заявление городской больницы направлено именно на изменение содержания решения суда от 5 февраля 1996 г., что недопустимо в силу предписаний процессуального закона, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда от 17 августа 2018 г. и апелляционное определение от 26 сентября 2018 г., и, не передавая дело на новое рассмотрение, отказала в удовлетворении заявления городской больницы о разъяснении решения суда.

Определение № 5-КГ19-103

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о несостоятельности (банкротстве)

15. В целях защиты преимущественного права, установленного ст. 179 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», владелец смежного земельного участка вправе обратиться в суд с требованием о переводе на себя прав и обязанностей покупателя по договору купли-продажи земельного участка должника.

В рамках дела о банкротстве общества, являющегося сельскохозяйственной организацией, конкурсный управляющий выставил на торги два земельных участка и нежилые здания.

Торги признаны состоявшимися и конкурсный управляющий заключил с участником торгов договор купли-продажи.

К. обратился в арбитражный суд с иском к участнику торгов о переводе на себя прав покупателя по договору купли-продажи. К. указал, что занимается производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и владеет на праве аренды земельным участком, непосредственно прилегающим к земельному участку должника, проданному на торгах. К. ссылаясь на то, что конкурсный управляющий вопреки требованиям ст. 179 Закона о банкротстве не предложил ему воспользоваться преимущественным правом покупки спорного имущества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды указали на то, что К. выбрал ненадлежащий способ защиты своего права, а надлежащим способом в данном случае является оспаривание торгов.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Как правило, осуществление сельскохозяйственной деятельности предполагает использование земельного участка. В целях защиты прав владельцев соседних земельных участков, заинтересованных в укрупнении своих владений, Закон о банкротстве предоставил этим владельцам преимущественное право приобретения имущества должника.

Так, в ст. 179 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)

установлено преимущественное право приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, требования к лицам, обладающим таким правом, и порядок реализации данного права.

Смысл преимущественного права приобретения, как правило, заключается в том, что какое-то имущество продается третьему лицу (потенциальному покупателю), и только в этом случае обладатель преимущественного права может им воспользоваться на тех же условиях, что и потенциальный покупатель.

Согласно п. 2 данной статьи, прежде всего, преимущественным правом приобретения имущества должника обладают лица, занимающиеся производством или производством и переработкой сельскохозяйственной продукции и владеющие земельными участками, непосредственно прилегающими к земельному участку должника. Данные лица могут реализовать свое преимущественное право при продаже имущества в порядке, установленном абзацем четвертым п. 1 ст. 179 Закона о банкротстве, в том числе и при продаже посредством публичного предложения.

Для обеспечения реализации этого права арбитражный управляющий помимо опубликования информации о продаже имущества должника в печатном органе по месту нахождения должника с указанием начальной цены продажи имущества должника, выставляемого на торги, должен также направить уведомление о продаже имущества должника лицам, отвечающим признакам покупателя, имеющего преимущественное право приобретения имущества.

Из п. 3 указанной статьи следует, что цена продаваемого имущества должника определяется на торгах. По этой цене арбитражный управляющий должен продать это имущество лицу, имеющему право преимущественного приобретения. Если никто из указанных лиц не заявил о своем желании приобрести имущество в течение месяца, то имущество реализуется в общем порядке, предусмотренном Законом о банкротстве, то есть передается победителю торгов.

Таким образом, занимающиеся сельскохозяйственной деятельностью владельцы смежного с участком должника земельного участка, который выставлен на продажу (смежные землепользователи), должны быть персонально извещены арбитражным управляющим о проводимых торгах. После проведения публичных торгов арбитражный управляющий обязан предложить смежным землепользователям выкупить имущество должника по цене, сформированной на этих торгах. При этом даже не будучи участниками торгов смежные землепользователи вправе воспользоваться их результатом для реализации своего преимущественного права приобретения имущества должника.

Вопрос о конкуренции смежных землепользователей разрешается в пользу того, чье заявление поступило арбитражному управляющему первым (п. 3 ст. 179 Закона о банкротстве).

В соответствии со ст. 12 ГК РФ защита гражданских прав осуществляется способами, предусмотренными этим кодексом и законами. Правовых норм, регулирующих защиту преимущественного права приобретения имущества должника – сельскохозяйственной организации, Законом о банкротстве не установлено. В то же время специальный способ защиты аналогичного преимущественного права покупки того или иного имущества – иск о переводе на себя прав и обязанностей стороны по сделке установлен иными законами: п. 3 ст. 250 ГК РФ, п. 4 ст. 7 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», п. 18 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Правовая позиция, подтверждающая возможность применения аналогичного иска к п. 3 ст. 179 Закона о банкротстве, изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 июля 2009 г. № 1989/09 и актуальна для разрешения настоящего спора.

Вопреки выводам судов, К. избрал надлежащий способ защиты. Оспаривание результатов торгов и признание их недействительными не может привести к восстановлению нарушенного преимущественного права приобретения имущества должника. Недействительность торгов повлечет недействительность установленной на них рыночной цены и недействительность договора купли-продажи, чем фактически будет заблокирована возможность реализации преимущественного права приобретения. В то же время перевод прав и обязанностей покупателя не посягает на действительность (законность) торговой процедуры и дает возможность К., признающему результаты торгов законными, воспользоваться их результатом.

Определение № 302-ЭС19-17986

16. Если требование одного кредитора к должнику было передано в залог в целях обеспечения требования другого кредитора к этому должнику, то обеспечивающее требование подлежит субординации по отношению к основному требованию.

Банком и обществом заключен договор кредитной линии, по условиям которого банк предоставил должнику денежные средства в виде кредитной линии с лимитом выдачи.

В целях обеспечения исполнения обязательств по кредиту компания передала банку в залог семь простых векселей самого общества по договору залога векселей. Суды установили, что векселя содержат залоговый индоссамент: «платите по приказу банка».

Впоследствии общество признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

Требования банка, вытекающие из указанного кредита, включены в реестр требований кредиторов общества.

После этого банк и компания обратились в арбитражный суд с заявлением о включении их требований, вытекающих из векселей, в реестр требований кредиторов общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требования банка, вытекающие из залога векселей, включены в реестр требований кредиторов, компании отказано во включении ее требований в реестр.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части отказа во включении в реестр требований компании и в указанной части приняла новый судебный акт о том, что требования банка по вексельному долгу переходят к компании после погашения требований по кредитному договору по следующим основаниям.

Отношения между банком, должником и компанией были построены по следующей модели. Банк выдавал кредит, в то же самое время принимая в залог от компании эмитированные самим же должником векселя на сопоставимую с размером кредита сумму. Такое обеспечение, с экономической точки зрения, не является классическим: с одной стороны, оно в отличие от обычного залога не обособляет ценность неденежного имущества должника для целей удовлетворения конкретного кредитора, с другой стороны, оно не повышает гарантии возврата долга за счет имущества стороннего (третьего) лица, не являющегося заемщиком.

В то же время передача векселей самого заемщика в залог повышает вероятность исполнения обязательства перед кредитором иным образом: подобное структурирование отношений предполагает, что долг перед компанией по векселю не будет уплачен ранее долга перед банком, в результате чего банк фактически начинает контролировать долговую нагрузку на должника со стороны иных кредиторов (векселеполучателей), предоставивших обеспечение. Соответственно, гарантия исполнения обязательства по кредиту увеличивается в связи с тем, что внутри отношений банка и выдавшего обеспечение кредитора (залогодателя) удовлетворение из относительно ограниченного имущества должника будет предоставлено сначала банку, а затем иным кредиторам. Следовательно, требование

залогодателя фактически субординируется по отношению к требованию банка (применительно к правилам ст. 309¹ ГК РФ).

Тем не менее суды установили, что требование по векселю является реальным и подлежащим включению в третью очередь. Исходя из этого перед судами стояла задача принять решение, которое, с одной стороны, позволяло бы включить требование по векселю в третью очередь реестра (поскольку могут быть иные кредиторы, не участвующие в отношениях банка с залогодателем, перед которыми последний не обязывался получить удовлетворение в пониженной очереди), а с другой стороны, обеспечить субординацию вексельного долга перед кредитным обязательством.

Для этих целей необходим следующий механизм: по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. После реализации имущества должника (или наполнения конкурсной массы в результате иных действий, например, оспаривания сделок) при определении пропорции, на основе которой выручка будет распределяться между кредиторами, данное консолидированное требование учитывается целиком, как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору. Затем поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) – на удовлетворение обеспечительного требования.

Решая вопрос, кто должен быть учтен в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суды в рассматриваемой ситуации правильно приняли во внимание, что в пользу банка был совершен залоговый индоссамент, в связи с чем он в силу п. 19 Положения о переводном и простом векселе (утверждено постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341) как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них.

В то же время по смыслу п. 4 ст. 329 ГК РФ прекращение основного обязательства по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. Применительно к настоящему обособленному спору это означает следующее: после того, как размер удовлетворенного обязательства в рамках единого консолидированного требования будет соответствовать размеру долга по кредиту, залоговое обязательство компании перед банком прекратится. Следовательно, у банка не останется оснований как быть кредитором по векселям в реестре, так и удерживать ценные бумаги. После погашения кредитного обязательства права кредитора по вексельному долгу должны перейти к компании; такая замена конкурсного кредитора должна

осуществляться арбитражным управляющим автоматически без необходимости вынесения дополнительного судебного акта.

Определение № 308-ЭС19-17398 (2)

17. Отказ кредитора от заявленного в деле о банкротстве требования к должнику влечет те же правовые последствия, что и отказ истца от требования к ответчику в общеисковом производстве.

В рамках дела о банкротстве компании общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении его требования в реестр требований кредиторов.

Впоследствии общество на основании ч. 2 ст. 49 АПК РФ отказалось от данного заявления и определением суда первой инстанции производство по нему прекращено.

В дальнейшем определением суда первой инстанции производство по делу о банкротстве компании прекращено в связи с отказом всех кредиторов от заявленных ими требований (абзац шестой п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве).

После этого общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании той же задолженности. Компания признала иск общества.

Решением суда иск общества к компании удовлетворен.

Арбитражным судом по заявлению уполномоченного органа возбуждено новое дело о банкротстве компании. Решением суда первой инстанции компания признана банкротом по упрощенной процедуре ликвидируемого должника, в отношении нее открыта процедура конкурсного производства.

Общество подало заявление о включении в реестр требований кредиторов его требования, основанного на вступившем в законную силу решении суда первой инстанции.

Уполномоченный орган в порядке, предусмотренном п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», обратился с апелляционной жалобой на решение суда первой инстанции об удовлетворении исковых требований общества к компании. Уполномоченный орган, в частности, настаивал на том, что производство по данному делу подлежит прекращению, так как ранее общество реализовало право на судебную защиту, подав в первом деле о банкротстве заявление о включении

требования в реестр требований кредиторов, а затем распорядилось этим правом, отказавшись от заявления в соответствии с ч. 2 ст. 49 АПК РФ.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции об удовлетворении исковых требований оставлено без изменений. Суды пришли к выводу, что общество, отказавшись от заявления о включении требования в реестр требований кредиторов компании в рамках первого дела о его банкротстве, не утратило возможность предъявить это же требование в общеисковом порядке.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановления судов апелляционной инстанции и арбитражного суда округа по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 49 АПК РФ истец вправе до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции или в арбитражном суде апелляционной инстанции, отказаться от иска полностью или частично. Последствием такого отказа и его принятия судом является прекращение производства по делу (п. 4 ч. 1 ст. 150 АПК РФ), а также недопустимость повторного обращения в суд по спору между теми же лицами, о том же предмете и по тем же основаниям (ч. 3 ст. 151 АПК РФ).

Установленный Законом о банкротстве специальный порядок предъявления и рассмотрения денежных требований конкурсных кредиторов к несостоятельному должнику заключается в разрешении требований всех кредиторов в рамках одного дела (в рамках дела о банкротстве). Данный порядок обусловлен необходимостью обеспечения равной правовой защиты всем кредиторам, в том числе посредством заявления ими возражений по требованиям друг друга, и справедливого распределения конкурсной массы, недостаточной для покрытия совокупных долговых обязательств, исходя из предписанной законодателем очередности проведения расчетов и недопустимости погашения требований одних кредиторов в ущерб другим.

Несмотря на указанные особенности, суд, рассматривая заявление о включении требования в реестр, решает те же вопросы, что и при взыскании долга в общеисковом порядке: он проверяет обоснованность денежного требования, то есть устанавливает, имеется ли у должника неисполненное обязательство перед кредитором. В случае вынесения судом определения о признании требования кредитора обоснованным задействуется механизм принудительного исполнения соответствующего судебного акта специально уполномоченным лицом – арбитражным управляющим, сходный с механизмом взыскания денежных средств путем передачи исполнительного документа судебному приставу-исполнителю.

Следовательно, заявление кредитора о включении его требования в реестр требований кредиторов должника по своему значению аналогично исковому заявлению, а определение о включение данного требования в реестр – судебному решению об удовлетворении иска о взыскании денежных средств. Такой вывод вытекает и из смысла разъяснений, данных в п. 8 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Поэтому отказ кредитора от заявленного в деле о банкротстве требования к должнику влечет те же правовые последствия, что и отказ истца от требования к ответчику в общеисковом производстве. Подача конкурсным кредитором заявления об отказе от требования, заявленного в деле о банкротстве, свидетельствует о нежелании дальнейшего использования механизмов судебной защиты путем взыскания денежного долга. Последующее предъявление им иска к должнику по тому же самому требованию противоречит принципу недопустимости повторного обращения в суд с тождественным иском (заявлением). Производство по такому иску подлежит прекращению.

При этом следует различать отказ кредитора от заявления о включении его требования в реестр требований кредиторов должника и отказ кредитора от заявления о признании должника банкротом. Соответствующая правовая позиция изложена в п. 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»: если до принятия судом определения по результатам рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом заявитель откажется от своего требования о признании должника банкротом, то повторное обращение того же кредитора в суд с заявлением о признании должника банкротом по тем же основаниям не допускается. Однако в случае введения процедуры банкротства по заявлению другого лица о признании должника банкротом упомянутый кредитор вправе обратиться с заявлением об установлении в деле о банкротстве своего требования, на котором было основано заявление о признании должника банкротом.

Этот подход вызван тем, что заявитель по делу о банкротстве имеет особый статус, предполагающий иной объем прав и обязанностей по сравнению с обычными кредиторами должника (обязанность возместить расходы на выплату вознаграждения арбитражным управляющим в деле о банкротстве и оплату услуг привлекаемых ими лиц в случае отсутствия средств у должника (п. 3 ст. 59 Закона о банкротстве), право самостоятельно выдвинуть дополнительные требования к кандидатуре арбитражного управляющего (п. 3 ст. 20² Закона о банкротстве) и др.).

Подача кредитором ходатайства об отказе от заявления о признании должника банкротом свидетельствует лишь о его нежелании сохранить за собой статус заявителя – лица, возбудившего дело о несостоятельности. Вследствие этого прекращение судом производства по данному заявлению влечет для кредитора утрату возможности повторно инициировать дело о банкротстве. Однако такой кредитор не считается отказавшимся от материально-правового требования к должнику об исполнении обязательства и поэтому он не утрачивает право на предъявление соответствующего имущественного требования в рамках иного процесса.

Определение № 305-ЭС19-21315

18. В целях исключения двойного учета стоимости предмета лизинга при определении доли выручки, идущей на удовлетворение залогового кредитора из средств, которые получены в результате продажи с торгов права требования должника-банкрота как лизингодателя и предмета лизинга, находящегося в залоге, необходимо учитывать выкупной характер договора лизинга.

В рамках дела о банкротстве должником выставлено на торги и реализовано одним лотом следующее имущество:

- права требования должника как лизингодателя по договору финансовой аренды (лизинга), заключенному с обществом; предметом лизинга являлись 160 вагонов должника;
- переданные в лизинг по названному договору 80 вагонов, обремененных залогом в пользу банка;
- переданные в лизинг по названному договору 80 вагонов, не обремененных залогом.

Имущество было реализовано на торгах.

Конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о разрешении разногласий между ним и конкурсным управляющим о порядке распределения выручки от реализации имущества должника.

Конкурсный управляющий полагал, что 77,3 процентов от оставшейся после оплаты услуг организатора торгов выручки подлежат распределению в пользу залогового кредитора, поскольку как права требования по лизингу, так и 80 вагонов находятся в залоге у банка. Соответствующая доля была исчислена конкурсным управляющим в результате деления суммы стоимости заложенных вагонов и прав требования на общую стоимость лота.

В то же время конкурсный кредитор полагал, что лизинг являлся выкупным и при определении стоимости прав требований по договору в расчет уже была включена выкупная стоимость, в связи с чем при

определении доли залогового кредитора стоимость вагонов не должна учитываться дважды. Компания предлагала из стоимости прав требований вычесть стоимость вагонов и определять долю залогового кредитора как сумму стоимостей прав требований (без учета выкупной стоимости) и обремененных вагонов, поделенную на общую стоимость лота без двойного учета стоимости вагонов, в результате чего доля залогового кредитора должна была составить 58,47 процентов. Соответственно, в конкурсную массу должно было поступить 41,53 процентов от выручки, уменьшенной на оплату услуг организатора торгов.

Разрешая спор, суды исходили из того, что при выставлении имущества на торги и определении структуры лота исходная стоимость складывалась из отдельных стоимостей права требования, залоговых вагонов и не обремененных залогом вагонов. Суды отметили, что оценщиком отдельно оценивалась рыночная стоимость права требования и рыночная стоимость вагонов с разделением на залоговые и незалоговые. Суды обратили внимание, что стоимость права требования в принципе не может покрывать стоимость предмета лизинга, так как по условиям договора лизинговые платежи не включали в себя выкупную стоимость. Из этого суды заключили, что предложенный конкурсным управляющим порядок распределения выручки от продажи имущества должника является верным, а потому разрешили разногласия в его пользу.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила акты судов нижестоящих инстанций и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В ситуации, когда единым лотом продается залоговое и незалоговое имущество, в целях правильного распределения вырученных средств между кредиторами для начала необходимо определить состав заложенного имущества, а затем стоимостную долю, которую это имущество составляет в общей цене и, соответственно, в объеме вырученных средств.

В настоящем обособленном споре суды исходили из того, что лизинг, в который были переданы все 160 вагонов, не являлся выкупным.

По смыслу разъяснений п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга», если договор лизинга содержит условие о переходе права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю при внесении им всех лизинговых платежей, включая выкупную цену, то такой лизинг является выкупным.

При рассмотрении спора конкурсный кредитор ссылаясь на то, что по условиям договора лизинга после уплаты лизинговых периодических платежей стороны обязаны заключить договор купли-продажи имущества по определенной выкупной стоимости. Они также указывали, что рыночная

стоимость предмета лизинга значительно превышала названную выкупную цену, из чего следует вывод, что лизинговые платежи частично содержали в себе и плату за право собственности на спорные вагоны.

Кроме того, конкурсный кредитор приводил довод о том, что эксперт, определяя стоимость договорной позиции должника как лизингодателя (как указали суды – «стоимость прав требований по договору лизинга»), учитывал при расчете этой стоимости как лизинговые, так и выкупные платежи.

Если названные доводы соответствовали действительности, то при определении пропорции распределения выручки стоимость как залоговых, так и незалоговых вагонов могла быть ошибочно учтена более одного раза. Однако в нарушение положений ст. 71, 168, 170 АПК РФ названным доводам суды правовой оценки не дали.

Суды также не исследовали вопрос о том, какое имущество в действительности передано должником в залог банку, в частности, включали ли в себя переданные в залог права на получение лизинговых платежей те из них, которые относились к незаложенным вагонам, либо нет.

Как указывал банк, по договору залога были переданы в качестве обеспечения имущественные права требования лизинговых платежей независимо от обременения залогом самих вагонов.

В то же время компания указывала, что передача в залог первой партии вагонов и прав требования по договору лизинга состоялось до приобретения и передачи в лизинг второй партии вагонов, в связи с чем банк априори не должен был рассчитывать на возможность получения удовлетворения от незалоговых вагонов и прав на получение лизинговых платежей за них.

До тех пор, пока соответствующие противоречия не устранены, определение доли залогового кредитора в общем объеме выручки не представляется возможным, в связи с чем не могут быть и разрешены разногласия между компанией и конкурсным управляющим должником.

Определение № 305-ЭС18-15073 (4)

19. Заявление конкурсного кредитора об обжаловании судебного акта в порядке, предусмотренном п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», не является тождественным заявлению о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в порядке гл. 37 АПК РФ.

Компания обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании неотработанного аванса. Общество обратилось со встречным иском о взыскании фактически понесенных затрат и стоимости выполненных работ.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении первоначального иска отказано, встречный иск удовлетворен частично.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, первоначальный иск удовлетворен, во встречном иске отказано.

Впоследствии общество признано банкротом, в отношении него открыто конкурсное производство.

Общество и его конкурсный кредитор обратились с заявлениями о пересмотре постановления суда апелляционной инстанции по вновь открывшимся обстоятельствам, сославшись на вступление в законную силу решения суда по другому делу, подтвердившие факт выполнения работ.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявлений о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам отказано.

После этого конкурсный кредитор общества по правилам п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» (далее – постановление № 35) обратился с жалобой на постановление суда апелляционной инстанции об удовлетворении первоначального иска и об отказе в удовлетворении встречного иска, предоставив новые доказательства в подтверждение факта выполнения работ.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления конкурсного кредитора отказано, причем суд в резолютивной части указал на отказ в пересмотре постановления суда апелляционной инстанции по вновь открывшимся обстоятельствам.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила данные постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Рассматривая заявление (далее – новое заявление, данный обособленный спор) конкурсного кредитора, суды фактически констатировали его тождественность заявлению о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, поданному кредитором ранее, в результате

чего суды не перешли к рассмотрению данного обособленного спора по существу приведенных кредитором доводов.

Однако из содержания нового заявления следует, что кредитор ссылаясь на порядок обжалования, предусмотренный п. 24 постановления № 35.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-12643, обжалование кредитором (или арбитражным управляющим) судебных актов по правилам п. 24 постановления № 35 (далее – экстраординарное обжалование ошибочного взыскания) является одним из выработанных судебной практикой правовых механизмов обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

При этом названный механизм отличается от предусмотренных АПК РФ порядков обжалования (пересмотра), закрепленных в ст. 42 и гл. 37.

Так, с жалобой по правилам ст. 42 АПК РФ может обратиться лицо, чьи права и обязанности затрагиваются судебным актом непосредственно (п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» (далее – постановление № 36), то есть такое лицо, которое должно было участвовать в деле, но которое не было привлечено к участию в нем ввиду судебной ошибки.

Предусмотренный гл. 37 АПК РФ порядок (пересмотр вступившего в законную силу судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам) предполагает, что с подобным заявлением могут обращаться лица, участвующие в деле (ч. 1 ст. 312 АПК РФ).

В отличие от названных двух порядков экстраординарное обжалование ошибочного взыскания предполагает, что с заявлением обращается лицо (кредитор или арбитражный управляющий в интересах кредиторов), не участвовавшее в деле, которое и не подлежало привлечению к участию в нем, но которому судебный акт о взыскании долга объективно противопоставляется в деле о банкротстве ответчика (должника). В случае признания каждого нового требования к должнику обоснованным доля удовлетворения требований остальных кредиторов снижается, в связи с чем они объективно заинтересованы, чтобы в реестр включалась только реально существующая задолженность (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2018 г. № 305-ЭС18-3533). Этим и обусловлено наделение иных кредиторов

правом на экстраординарное обжалование ошибочного взыскания в рамках общеискового процесса.

Из этого следует также, что названный порядок обжалования по своей функциональности предполагает как возможность приведения новых доводов, так и представления (в случае необходимости) новых доказательств.

Согласно позиции, изложенной в упомянутом выше определении от 24 декабря 2015 г. № 304-ЭС15-12643, вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке п. 24 постановления № 35 и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции (п. 22 постановления № 36).

При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии (ч. 5 ст. 3 АПК РФ) применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не умаляют правовую природу экстраординарного порядка и не препятствуют представлению новых доказательств.

В рассматриваемом же случае суды не учли нюансов различных порядков обжалования (пересмотра) судебных актов и фактически приравнивали процедуру, предусмотренную гл. 37 АПК РФ, к порядку, установленному п. 24 постановления № 35, в силу чего ошибочно квалифицировали новое заявление конкурсного кредитора как тождественное заявлению предыдущему.

В действительности такое заявление не является повторным. Кредитор ранее не обращался в суд апелляционной инстанции с заявлением об экстраординарном обжаловании ошибочного взыскания (обращение в суд округа также не должно считаться тождественным заявлением, так как в суд округа не могут быть представлены новые доказательства).

Определение № 305-ЭС18-5193 (3)

20. Лицо, право которого на участие в выборе кандидатуры конкурсного управляющего было нарушено принятым участником должника решением о добровольной ликвидации, в случае признания этого решения недействительным, вправе обратиться с заявлением о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам решения суда о назначении конкурсного управляющего.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании компании несостоятельной (банкротом). Определением суда первой инстанции назначено судебное заседание по проверке его обоснованности.

После этого единственным участником компании принято решение о ее добровольной ликвидации. В государственный реестр внесена запись о нахождении компании в процедуре добровольной ликвидации.

Вступившим в законную силу решением суда признано обоснованным заявление общества о несостоятельности (банкротстве) компании, требование общества включено в реестр требований кредиторов с удовлетворением в третью очередь. Судом введена процедура конкурсного производства в отношении компании по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника и утверждена кандидатура конкурсного управляющего, предложенная обществом.

Впоследствии в рамках другого дела вступившим в законную силу судебным актом по заявлению банка признаны недействительными решение о ликвидации компании, а также регистрационная запись на основании данного решения.

Банк, являющийся мажоритарным кредитором компании, сославшись на указанный судебный акт по другому делу, подал заявление о пересмотре решения суда о введении конкурсного производства компании по упрощенной процедуре в порядке гл. 37 «Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» АПК РФ.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из недостаточности имущества компании для удовлетворения требований кредиторов, невозможности восстановления ее платежеспособности, и, как следствие, нецелесообразности введения в отношении компании иной процедуры банкротства, в частности процедуры наблюдения. При этом судами отклонены доводы банка о нарушении его права на участие в собрании кредиторов по вопросу о выборе кандидатуры конкурсного управляющего компанией. Суды указали на непредставление банком доказательств несоответствия утвержденной ранее кандидатуры управляющего требованиям, предусмотренным ст. 20 и 20² Закона о банкротстве, на наличие у банка права оспорить действия (бездействие) управляющего и подать ходатайство об его отстранении от исполнения возложенных обязанностей при несогласии с его действиями (бездействием) (ст. 60, 145 Закона о банкротстве).

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда первой инстанции и постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, а также решение суда первой инстанции по вновь открывшимся обстоятельствам в части утверждения конкурсного управляющего по следующим основаниям.

Если бы суд, рассматривающий дело о банкротстве, располагал судебным постановлением о недействительности решения о ликвидации и основанного на нем акта регистрирующего органа, он бы принял иное решение – ввел бы в отношении должника процедуру наблюдения, утвердил предложенную обществом кандидатуру в качестве временного управляющего, а вопрос о выборе кандидатуры конкурсного управляющего разрешался бы собранием кредиторов с участием банка, обладающего преобладающим числом голосов (п. 2 ст. 12, п. 5 ст. 45, п. 3 ст. 48, п. 1 ст. 65, п. 1 ст. 127 Закона о банкротстве).

Банк, обратившийся за судебной защитой в рамках другого дела об оспаривании ликвидации, предпринял усилия для отстаивания своей позиции о том, что решение о ликвидации компании принято с целью необоснованного отстранения кредитной организации от разрешения вопросов о выборе процедуры банкротства и кандидатуры конкурсного управляющего, подтвердил правоту этой позиции, поэтому вправе был рассчитывать на то, что решение об удовлетворении его требований будет способствовать дальнейшей защите прав банка в деле о банкротстве компании.

Отказав в удовлетворении заявления о пересмотре решения о банкротстве, поданного в порядке гл. 37 АПК РФ, суды нарушили положения ч. 3 ст. 311 АПК РФ, не обеспечили эффективное восстановление в правах.

В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве процедура наблюдения служит целям обеспечения сохранности имущества должника, проведения анализа его финансового состояния, составления реестра требований кредиторов и проведения первого собрания кредиторов, а конкурсное производство вводится в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов.

Суды первой и апелляционной инстанций установили, что реестр требований кредиторов компании уже сформирован, активов компании недостаточно для расчетов с кредиторами, ее платежеспособность не может быть восстановлена. В кассационной жалобе банка не содержатся доводы, опровергающие эти выводы судов. При таких обстоятельствах, Судебная коллегия не нашла оснований для отмены решения суда первой инстанции в части применяемой к компании процедуры банкротства.

Согласно абзацу шестому п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве к исключительной компетенции собрания кредиторов относится принятие решений о выборе кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, из числа членов которой арбитражным судом утверждается арбитражный управляющий.

Право на участие в выборе кандидатуры конкурсного управляющего или саморегулируемой организации является одним из основных прав кредитора.

Банк был лишен этого права по независящим от него обстоятельствам – из-за действий единственного участника компании, принявшего незаконное решение о ее ликвидации.

Поскольку при утверждении кандидатуры конкурсного управляющего суду первой инстанции не были известны обстоятельства, связанные с недействительностью корпоративного решения и основанной на нем записи государственного реестра, он не мог принять во внимание эти обстоятельства. Представленный банком позднее судебный акт по другому делу свидетельствует о том, что результат рассмотрения вопроса об утверждении кандидатуры конкурсного управляющего должен быть иным. Следовательно, указанные банком обстоятельства являются новыми обстоятельствами, предусмотренными пп. 1 и 2 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, а судебное решение в этой части подлежит отмене.

Определение № 306-ЭС19-19051

Практика применения законодательства о вещных правах и земельного законодательства

21. Иск о признании права собственности на самовольную постройку может быть удовлетворен при наличии условий, указанных в п. 3 ст. 222 ГК РФ, в отсутствие со стороны истца очевидных признаков явного и намеренно недобросовестного поведения.

Предприниматель обратилась в уполномоченный орган (далее – администрация) для получения разрешения на строительство магазина на земельном участке категории земель «земли населенных пунктов», с видом разрешенного использования «для размещения объектов розничной торговли», принадлежавшем Г. В качестве основания пользования земельным участком предприниматель представила договор о намерениях с Г. Администрация отказала в выдаче разрешения на строительство, указав, что такое основание пользования земельным участком не предусмотрено законодательством.

Предприниматель возвела на данном земельном участке нежилое здание магазина.

Впоследствии предпринимателем и Г. заключен договор мены земельными участками, на основании которого предприниматель стала собственником земельного участка, расположенного под зданием магазина.

Предприниматель повторно несколько раз обращалась в администрацию с целью получения разрешения на строительство, но получала отказы с указанием на непредставление необходимого пакета документов и отсутствие возможности выдать разрешение, поскольку объект уже был возведен.

Предприниматель обратилась в арбитражный суд с иском к администрации о признании права собственности на указанное нежилое здание.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что принятие предпринимателем мер по получению разрешительной документации после окончания строительства спорного объекта не свидетельствует о добросовестности поведения лица и не может служить основанием для легализации гражданского правонарушения, которым является самовольное строительство.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу пп. 1, 2 ст. 222 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 13 июня 2015 г. № 258-ФЗ, действовавшей на момент возведения постройки) здание, возведенное без разрешения на строительство, является самовольной постройкой (п. 1); лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности, оно не вправе распоряжаться постройкой – продавать, дарить, сдавать в аренду, совершать другие сделки; самовольная постройка подлежит сносу осуществившим ее лицом либо за его счет, кроме в том числе случая, предусмотренного п. 3 данной статьи.

В соответствии с п. 3 ст. 222 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 339-ФЗ, действовавшей на момент принятия решения судом первой инстанции) право собственности на самовольную постройку может быть признано судом за лицом, в собственности которого находится земельный участок, где возведена постройка, при одновременном соблюдении следующих условий: если в отношении земельного участка лицо, осуществившее постройку, имеет права, допускающие строительство на нем данного объекта; если на день обращения в суд постройка соответствует установленным требованиям; если сохранение постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан.

Признание права собственности на самовольную постройку является основанием возникновения права собственности по решению суда. В связи с этим при рассмотрении иска о признании права собственности на

самовольную постройку применению подлежат положения п. 3 ст. 222 ГК РФ в той редакции, которая действовала на момент принятия решения суда (п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»)(далее – постановление № 10/22).

Таким образом, п. 3 ст. 222 ГК РФ прямо предусмотрены условия, при одновременном соблюдении которых за лицом, в собственности которого находится земельный участок, в судебном порядке может быть признано право собственности на самовольную постройку, поэтому эти условия подлежат судебной проверке в обязательном порядке.

При этом отсутствие требуемого разрешения на строительство должно обсуждаться в контексте квалификации постройки как самовольной (п. 1 ст. 222 ГК РФ), а п. 3 ст. 222 ГК РФ, регулирующий вопрос признания права собственности на постройку, в отношении которой установлено, что она является самовольной, не содержит такого условия для удовлетворения соответствующего иска, как наличие разрешения на строительство или предваряющее строительство принятие мер для получения такого разрешения.

Поэтому в п. 26 постановления № 10/22 указано, что отсутствие разрешения на строительство само по себе не может служить основанием для отказа в иске о признании права собственности на самовольную постройку.

Если иное не установлено законом, иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению при определении судом того, что единственными признаками самовольной постройки является отсутствие разрешения на строительство, к получению которого лицо, создавшее самовольную постройку, предпринимало меры. В этом случае суд должен также установить, не нарушает ли сохранение самовольной постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает ли угрозу жизни и здоровью граждан.

Однако, как верно отметили суды, в названном пункте постановления №10/22 также указано, что суду необходимо установить, предпринимало ли лицо, создавшее самовольную постройку, надлежащие меры к ее легализации, в частности, к получению разрешения на строительство, а также правомерно ли отказал уполномоченный орган в выдаче такого разрешения.

Приведенное выше разъяснение направлено на то, чтобы воспрепятствовать явным злоупотреблениям правом легализовать постройку, которое предусмотрено п. 3 ст. 222 ГК РФ (ст. 10 ГК РФ). Оно касается, например, ситуации, когда лицо, создавшее постройку, обращается в компетентный орган за выдачей разрешения на ее строительство лишь для

вида, очевидно понимая, что к его заявлению не приложены требуемые документы, то есть в отсутствие заблуждений относительно их перечня и порядка выдачи разрешения.

При этом разъяснение п. 26 постановления № 10/22 не может быть истолковано так, что удовлетворение иска о признании права собственности на самовольную постройку допускается лишь тогда, когда истец своевременно и надлежаще обращался за получением недостающего разрешения. В подавляющем числе таких случаев при надлежащем обращении за разрешением оно будет выдано, а следовательно, обсуждаемый признак самовольности постройки будет отсутствовать. Подобное прочтение п. 26 постановления № 10/22 может блокировать применение п. 3 ст. 222 ГК РФ в случае создания постройки без разрешения и по сути введет дополнительное условие для удовлетворения иска о признании права собственности на самовольную постройку, которое не предусмотрено данным пунктом.

На недопустимость такого понимания п. 26 постановления № 10/22 и п. 3 ст. 222 ГК РФ указывалось, в частности, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 г. № 14057/10. Названная правовая позиция в полной мере согласуется с п. 9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации № 143, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 9 декабря 2010 г., и Обзором судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 марта 2014 г.

Из изложенного следует, что суды необоснованно уклонились от исследования по существу вопросов наличия у истца прав, допускающих строительство на спорном земельном участке данного объекта; о соответствии постройки установленным требованиям; а также о том, нарушает ли сохранение постройки права и охраняемые законом интересы других лиц и создает ли данная постройка угрозу жизни и здоровью граждан (п. 3 ст. 222 ГК РФ).

Определение № 306-ЭС19-19642

22. В случае обоснованной необходимости орган власти, уполномоченный распоряжаться земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляет предоставление соответствующего участка органу власти, его территориальному органу, учреждению, казенному предприятию для использования в установленных целях. Такое предоставление является

основанием для разграничения права и последующей регистрации права собственности на земельный участок соответствующего публично-правового образования.

Администрация муниципального образования, наделенная правом распоряжаться земельными участками, право государственной собственности на которые не разграничено, предоставила федеральному государственному казенному учреждению (далее – учреждение) в соответствии со ст. 20 ЗК РФ, действовавшей в момент предоставления, в постоянное (бессрочное) пользование земельный участок, право государственной собственности на который не разграничено.

Межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом (далее – управление Росимущества) обратилось в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации права федеральной собственности на названный земельный участок, указав в качестве основания возникновения права собственности Российской Федерации п. 1 ст. 3¹ Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ).

Регистрирующий орган приостановил государственную регистрацию права федеральной собственности на указанный земельный участок, указав на отсутствие основания возникновения у Российской Федерации права собственности.

Управление Росимущества обратилось в арбитражный суд с заявлением к регистрирующему органу о признании незаконным данного решения о приостановлении регистрации права собственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано. Суд исходил из того, что передача администрацией, не уполномоченной в силу п. 2 ст. 16 ЗК РФ на издание актов о разграничении государственной собственности на землю, учреждению спорного земельного участка на праве постоянного бессрочного пользования не могла повлечь разграничение государственной собственности по правилам ст. 3¹ Закона № 137-ФЗ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

По смыслу ст. 17–19 ЗК РФ одним из оснований возникновения права собственности того или иного публично-правового образования является разграничение государственной собственности на землю.

Правовое регулирование разграничения государственной собственности на землю до 1 июля 2006 г. было определено Федеральным законом от 17 июля 2001 г. № 101-ФЗ «О разграничении государственной собственности на землю» (далее – Закон № 101-ФЗ).

Согласно ч. 2 ст. 2 данного Закона основанием государственной регистрации права собственности на земельные участки Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований являлись акты Правительства Российской Федерации об утверждении перечней (согласованных с соответствующими органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления) земельных участков, на которые соответственно у Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований возникает право собственности при разграничении государственной собственности на землю а также вступившие в законную силу судебные решения по спорам, связанным с разграничением государственной собственности на землю.

Федеральным законом от 17 апреля 2006 г. № 53-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» Закон № 101-ФЗ признан утратившим силу, а в Закон № 137-ФЗ введена ст. 3¹, которой закреплен нормативный механизм разграничения государственной собственности на землю, состоящий в том, что определенное государственное имущество признается собственностью конкретного публичного образования в силу закона (то есть без проведения каких-либо административных процедур передачи участков) в соответствии в перечисленными в указанной норме критериями.

Закрепленные законодателем критерии для разграничения публичной земли, прежде всего, касаются земельных участков, на которых расположены объекты недвижимости или которые по своему назначению необходимы органам власти того или иного уровня, а также отдельным (названным в законе лицам) в целях выполнения ими своих функций. В отношении незастроенных публичных участков или участков, не предоставленных лицам, указанным в ст. 3¹ Закона № 137-ФЗ, разграничение права государственной собственности на дату вступления в силу данной нормы не произошло.

Поскольку из содержания указанной статьи и иных норм земельного законодательства не следует, что применение критериев разграничения возможно только к тем отношениям, которые сложились на момент вступления в силу ст. 3¹ Закона № 137-ФЗ, ее положения должны применяться не только к отношениям, сложившимся по состоянию на 1 июля 2006 г., но и к отношениям, которые возникнут в последующем.

Одним из критериев разграничения государственной собственности и отнесения земельного участка к федеральной собственности является предоставление участка органам государственной власти Российской Федерации, их территориальным органам, а также казенным предприятиям, государственным унитарным предприятиям или некоммерческим организациям, созданным федеральными органами государственной власти (абзац третий п. 1 ст. 3¹ Закона № 137-ФЗ).

Согласно ст. 20 ЗК РФ, действовавшей до 1 марта 2015 г., и ст. 39⁹ ЗК РФ, действующей в настоящее время, в постоянное (бессрочное) пользование земельные участки предоставляются исключительно органам государственной власти и органам местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждениям, казенным предприятиям, центрам исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий.

Предоставление земельного участка в постоянное (бессрочное) пользование осуществляется на основании решения уполномоченного органа (п. 1 ст. 39¹ ЗК РФ).

В силу п. 2 ст. 3³ Закона № 137-ФЗ распоряжение (в том числе предоставление на праве постоянного (бессрочного) пользования) земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления, а в случаях, предусмотренных законом, – федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Из содержания приведенных норм следует, что в случае обоснованной необходимости орган власти, уполномоченный распоряжаться земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляет предоставление соответствующего участка органу власти, его территориальному органу, учреждению, казенному предприятию для использования в установленных целях. Такое предоставление является основанием для разграничения права и последующей регистрации права собственности соответствующего публично-правового образования.

При этом уполномоченный орган, осуществляя предоставление земельного участка на соответствующем праве, не может действовать произвольно, в своих (или иных) интересах без обоснования необходимости

такого предоставления (например, в отсутствие подтверждения необходимости предоставления конкретного участка документами территориального планирования, программами развития той или иной области). Так, орган местного самоуправления, осуществляющий распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, расположенными в границах соответствующего муниципального образования, не вправе принять решение о закреплении на праве постоянного (бессрочного) пользования такого участка земли за иным органом местного самоуправления или муниципальным учреждением только с целью последующего разграничения права собственности на этот участок в пользу муниципального образования.

Определение № 307-ЭС19-13722

23. Положения п. 2 ст. 621 ГК РФ о возобновлении договора аренды на неопределенный срок применяются в том числе к договорам аренды земельных участков, находящихся в публичной собственности, для заключения которых до 1 марта 2015 г. не требовалось проведения торгов.

В 2004 году уполномоченный орган (арендодатель) и агрокомплекс (арендатор) в порядке переоформления права постоянного бессрочного пользования заключили договор аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, находящийся в публичной собственности, на срок до 2014 года.

Ссылаясь на то, что крестьянское (фермерское) хозяйство (далее – хозяйство) без оснований использовало спорный земельный участок в течение 2017 года, агрокомплекс обратился в арбитражный суд с иском к хозяйству о взыскании сумм, равных стоимости выращенной продукции.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды указали на отсутствие у агрокомплекса прав на земельный участок в связи с истечением срока договора аренды.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 2 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее – Закон № 101-ФЗ) в редакции, действовавшей на момент заключения договора аренды, было предусмотрено, что передача в аренду находящихся в

государственной или муниципальной собственности земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения осуществляется в порядке, установленном ст. 34 ЗК РФ, в случае, если имеется только одно заявление о передаче земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в аренду, при условии предварительного и заблаговременного опубликования сообщения о наличии предлагаемых для такой передачи земельных участков в средствах массовой информации, определенных субъектом Российской Федерации.

Вместе с тем в случае, когда юридические лица владеют земельными участками, в том числе сельскохозяйственного назначения, на праве постоянного (бессрочного) пользования, подлежат применению правила, предусмотренные п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ). Согласно данному пункту в редакции, действовавшей на момент заключения спорного договора аренды, юридические лица, за исключением указанных в п. 1 ст. 20 ЗК РФ юридических лиц, обязаны переоформить право постоянного (бессрочного) пользования земельными участками на право аренды земельных участков или приобрести земельные участки в собственность, до 1 января 2006 г. в соответствии с правилами ст. 36 ЗК РФ, то есть без проведения торгов.

Федеральным законом от 18 июля 2005 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и Федеральный закон «О землеустройстве» ст. 10 Закона № 101-ФЗ дополнена п. 7, в котором указано, что приобретение сельскохозяйственными организациями для осуществления их деятельности права собственности на земельные участки или права аренды земельных участков, которые находятся у них на праве постоянного (бессрочного) пользования осуществляется в соответствии с Законом № 137-ФЗ.

В п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» разъяснено, что лица, которым земельные участки на праве постоянного (бессрочного) пользования предоставлены до вступления в силу Земельного кодекса Российской Федерации, вправе по своему выбору оформить их в аренду или приобрести в собственность в соответствии с порядком, установленным правилами ст. 36 ЗК РФ, независимо от того, для какой цели были предоставлены эти участки.

Земельным кодексом Российской Федерации и Законом № 101-ФЗ в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г., не был установлен запрет на возможность возобновления на неопределенный срок по правилам п. 2

ст. 621 ГК РФ договоров аренды публичных земельных участков, при заключении которых не требовалось проведения торгов.

В соответствии с разъяснениям, приведенными в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», договор аренды государственного или муниципального имущества может быть возобновлен на неопределенный срок в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 621 ГК РФ, если этот договор заключен до вступления в силу закона, требующего обязательного проведения торгов для заключения договора аренды (ст. 422 ГК РФ).

Положениями Земельного кодекса Российской Федерации в редакции, действующей с 1 марта 2015 г., прямо не исключено применение положений п. 2 ст. 621 ГК РФ к договору аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, правомерно заключенному без проведения торгов, в случае, когда арендатор имеет право на заключение нового договора аренды без проведения торгов.

Согласно подп. 11 п. 2 ст. 39^б ЗК РФ без проведения торгов заключается договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, в случае предоставления земельного участка, находящегося в постоянном (бессрочном) пользовании юридических лиц, этим землепользователям.

Следовательно, если после 1 марта 2015 г. арендатор продолжил пользование таким земельным участком после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок.

При этом суды не исследовали доводы агрокомплекса о возобновлении договора аренды на неопределенный срок и неправомерно отказали в иске со ссылкой на прекращение договора аренды по истечении установленного в нем срока.

Определение № 308-ЭС19-19368

24. Собственник объекта незавершенного строительства, правомерно возведенного в период действия договора аренды и на основании надлежащих разрешительных документов на земельном участке, предоставленном для его строительства, имеет право на заключение (продлонгацию) после 1 марта 2015 г. однократно договора аренды для завершения строительства без торгов на три года при условии, что такой земельный участок после указанной даты не предоставлялся для завершения строительства этого объекта ни одному из предыдущих собственников этого объекта.

Уполномоченный орган муниципального образования (арендодатель; далее – комитет) и предприниматель (арендатор) в 2007 году заключили договор аренды земельного участка сроком на три года для проектирования пансионата.

В 2010 году стороны заключили новый договор аренды указанного земельного участка сроком на три года для проектирования пансионата.

Впоследствии вид разрешенного использования земельного участка изменен на вид «под строительство санатория – лечебного корпуса». Соответствующие изменения внесены в договор аренды.

В 2010 году предпринимателю выдано разрешение на строительство на указанном земельном участке сроком действия до октября 2011 года.

Арендатор возвел на арендованном земельном участке объект незавершенного строительства степенью готовности 16 процентов, на который в октябре 2011 года зарегистрировано право его собственности.

Дополнительным соглашением комитет и предприниматель продлили срок аренды до 2018 года.

Срок разрешения на строительство продлен до февраля 2017 года.

До окончания срока действия договора аренды предприниматель обратился в комитет с заявлениями о продлении договора для завершения строительства.

Комитет отказал предпринимателю в предоставлении испрашиваемого земельного участка в аренду без проведения торгов.

Предприниматель, считая, что отказ комитета в предоставлении в аренду без торгов испрашиваемого земельного участка для завершения строительства не соответствует закону и нарушает его права и законные интересы, обратился в арбитражный суд с требованиями о признании отказа незаконным и об обязанности комитета предоставить земельный участок в аренду.

Решением суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Основания и порядок предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в аренду, в том числе для строительства, с 1 марта 2015 г. регулируются гл. V.I ЗК РФ, а также положениями ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г.

№ 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 137-ФЗ).

В силу п. 1 ст. 39⁶ ЗК РФ, по общему правилу, договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах.

Исключительные случаи, при которых договор аренды публичного земельного участка может быть заключен без проведения торгов, приведены в п. 2 ст. 39⁶ ЗК РФ, а также в п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ.

Согласно п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ в редакции Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 171-ФЗ), действующей с 1 марта 2015 г., в случае, если объект незавершенного строительства расположен на земельном участке, находящемся в государственной или муниципальной собственности, и право собственности на указанный объект зарегистрировано до 1 марта 2015 г. или такой земельный участок предоставлен до 1 марта 2015 г. в аренду для строительства такого объекта, собственник указанного объекта имеет право приобрести такой земельный участок в аренду сроком на три года однократно для завершения его строительства без проведения торгов в порядке, установленном ст. 39¹⁴–39¹⁷ ЗК РФ. Положения данного пункта применяются в случае, если ранее такой земельный участок не предоставлялся любому из предыдущих собственников указанного объекта незавершенного строительства в соответствии с этим пунктом.

Правило, закрепленное в п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ (в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.), о том, что собственник объекта незавершенного строительства, право собственности на который зарегистрировано до 1 января 2012 г., имеет право приобрести публичный земельный участок, на котором расположен указанный объект, в аренду без проведения торгов в порядке, установленном для оформления прав на земельные участки собственниками зданий, сооружений, не содержало оговорки об однократном предоставлении участка в аренду собственнику объекта незавершенного строительства, а действовавшим до 1 марта 2015 г. п. 3 ст. 22 ЗК РФ было предусмотрено преимущественное право арендатора земельного участка на заключение нового договора аренды по истечении срока действия прежнего.

В соответствии с п. 1 ст. 422 ГК РФ договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами императивным нормам, действующим в момент его заключения.

Согласно п. 2 названной статьи, если после заключения договора принят закон, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем

те, которые действовали при заключении договора, условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

Исходя из приведенных норм, поскольку редакция п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, действовавшая до 1 марта 2015 г., не содержала ограничений для собственника объекта незавершенного строительства заключить договор аренды (ни по срокам такого договора, ни по однократности), а из п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, равно как из положений Закона № 171-ФЗ, прямо не следует, что введенное ограничение однократности для договора аренды, заключаемого в целях завершения строительства объекта, распространяется на ранее заключенные договоры аренды, оснований считать, что редакция п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ, действующая с 1 марта 2015 г., распространяется на отношения, возникшие из заключенного до указанной даты договора аренды земельного участка, на котором расположен объект незавершенного строительства, не имеется.

Кроме того, Законом № 171-ФЗ в целях определения правовой судьбы объекта незавершенного строительства после истечения срока договора аренды земельного участка, предоставленного из публичной собственности для строительства, внесены изменения как в Земельный кодекс Российской Федерации, так и Гражданский кодекс Российской Федерации, который дополнен ст. 239¹, предусматривающей продажу такого объекта с публичных торгов в случае прекращения действия договора аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности.

Пунктом 33 ст. 34 Закона № 171-ФЗ установлено, что положения ст. 239¹ ГК РФ не распространяются на случаи, если договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключен до дня вступления в силу этого Федерального закона (1 марта 2015 г.).

Согласно данным нормам права применение положений ст. 239¹ ГК РФ возможно в случае, если собственником объекта незавершенного строительства для его завершения уже было реализовано предусмотренное п. 21 ст. 3 Закона № 137-ФЗ в редакции (действующей с 1 марта 2015 г.), право на однократное его предоставление для целей завершения строительства путем заключения без торгов договора аренды после 1 марта 2015 г.

Таким образом, совокупное толкование приведенных норм права позволяет сделать вывод о том, что действующим земельным законодательством предусмотрено право собственника объекта незавершенного строительства, правомерно возведенного в период действия договора аренды и на основании надлежащих разрешительных документов

на земельном участке, предоставленном для его строительства, на заключение (продлонгацию) после 1 марта 2015 г. однократно договора аренды для завершения строительства без торгов на три года при условии, что такой земельный участок после указанной даты не предоставлялся для завершения строительства этого объекта ни одному из предыдущих собственников этого объекта. В случае если объект так и не был введен в эксплуатацию по истечении срока такого договора, уполномоченный орган вправе обратиться в суд в порядке ст. 239¹ ГК РФ с заявлением о продаже объекта незавершенного строительства с публичных торгов.

Определение № 308-ЭС19-25765

25. Земельный участок, находящийся в публичной собственности, на котором расположены здания, строения, сооружения нескольких собственников, не может быть предоставлен в единоличную собственность только одного из собственников таких объектов недвижимости. В таком случае сособственник, зарегистрировавший за собой право собственности на земельный участок в нарушение прав других сособственников, не вправе требовать с них уплаты арендной платы за пользование этим земельным участком.

Фирмой в 1994–1995 годах на земельном участке, принадлежащем обществу, с его согласия построено здание.

По договору о реальном разделе здания, определении идеальных долей в праве собственности на здание, заключенному в 2016 году обществом и фирмой, стороны выделили доли каждого в праве совместной собственности на недвижимое имущество, находящееся на спорном земельном участке.

Договор аренды земельного участка между обществом и фирмой не заключался.

Ссылаясь на неуплату фирмой в добровольном порядке денежных средств в размере сбереженной арендной платы за фактическое пользование земельным участком, общество обратилось в арбитражный суд с иском к фирме о взыскании неосновательного обогащения в размере арендной платы.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ установлен принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому

все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами.

В соответствии с п. 1 ст. 36 ЗК РФ (в редакции от 21 июля 2005 г.), действовавшей на момент приватизации земельного участка обществом, исключительное право на приватизацию земельных участков или приобретение права аренды земельных участков имеют граждане и юридические лица – собственники зданий, строений, сооружений в порядке и на условиях, которые установлены данным кодексом, федеральными законами.

Исключительный характер права на приватизацию земельного участка означает, что никто, кроме собственника здания, строения, сооружения, не имеет права на приватизацию земельного участка, занятого этим зданием, строением, сооружением. Приватизация одним лицом земельного участка в той его части, которая необходима для использования этого участка другим лицом, являющимся собственником расположенного на нем объекта недвижимого имущества, нарушает исключительное право последнего на приватизацию данного земельного участка.

Следовательно, исключительность закрепленного в ст. 36 ЗК РФ права на приватизацию земельного участка собственником здания, строения, сооружения, на нем расположенного, означает также, что такой собственник вправе приватизировать исключительно земельный участок, занятый этим объектом и необходимый для его использования.

Пунктом 3 ст. 36 ЗК РФ предусмотрено, что в случае, если здание (помещения в нем), находящееся на неделимом земельном участке, принадлежит нескольким лицам на праве собственности, эти лица имеют право на приобретение данного земельного участка в общую долевую собственность или в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора, если иное не предусмотрено данным кодексом, федеральными законами.

Пунктами 1 и 2 ст. 39²⁰ ЗК РФ (в редакции, действовавшей с 1 марта 2015 г.) также предусмотрено, что если иное не установлено данной статьей или другим федеральным законом, исключительное право на приобретение земельных участков в собственность или в аренду имеют граждане, юридические лица, являющиеся собственниками зданий, сооружений, расположенных на таких земельных участках. В случае если здание, сооружение, расположенные на земельном участке, раздел которого невозможно осуществить без нарушений требований к образуемым или измененным земельным участкам (неделимый земельный участок), или помещения в указанных здании, сооружении принадлежат нескольким лицам на праве частной собственности либо на таком земельном участке расположены несколько зданий, сооружений, принадлежащих нескольким лицам на праве частной собственности, эти лица имеют право на

приобретение такого земельного участка в общую долевую собственность или в аренду с множественностью лиц на стороне арендатора.

В соответствии с п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (действовавшего с 31 января 1998 г. по 1 января 2020 г.), п. 1 ст. 69 Федерального закона от 13 июля 2018 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации. Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 6 сентября 2011 г. № 4275/11 и от 2 октября 2012 г. № 5361/12, ст. 36 ЗК РФ не допускает возможности предоставления земельного участка, расположенного под объектом недвижимости и необходимого для его использования, лицу, не являющемуся собственником этого объекта. Поэтому земельный участок, на котором расположены здания, строения, сооружения нескольких собственников, не может быть предоставлен в единоличную собственность только одного из собственников таких объектов недвижимости.

В случае если собственник объекта недвижимости, чьи права при приватизации участка не были учтены, готов реализовать предусмотренное ст. 36 ЗК РФ право на выкуп участка, он вправе предъявить иск об установлении (признании) на этот участок права общей долевой собственности независимо от делимости участка.

Из пояснений представителей сторон в судебном заседании следует, что в настоящее время в арбитражном суде рассматривается спор о признании права общей долевой собственности на спорный земельный участок.

Таким образом, на момент приватизации обществом на спорном земельном участке находились объекты недвижимости, в отношении которых общество не могло не знать, что они принадлежат фирме на праве собственности. То обстоятельство, что на момент приватизации земельного участка фирма не зарегистрировала право собственности на эти объекты недвижимости в государственном реестре, не могло служить основанием для приватизации публичного земельного участка без учета правил ст. 36 ЗК РФ.

Согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего),

обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

В связи с тем, что фирма имеет право на общую долевую собственность на спорный земельный участок, размер долей сторон подлежит определению в рамках рассмотрения другого дела, фирма обязана уплачивать земельный налог пропорционально своей доле в общей долевой собственности на спорный земельный участок. В случае если земельный налог за весь земельный участок был полностью уплачен одним из собственников, он вправе требовать возмещения расходов на уплату земельного налога по правилам о неосновательном обогащении.

Определение № 305-ЭС19-22153

26. Поскольку извещение об организации аукциона на продажу права аренды земельного участка для комплексного освоения в целях жилищного строительства было опубликовано до 1 марта 2015 г., арендатор вправе передать свои права и обязанности по этому договору другому лицу.

Уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее – администрация) и обществом по результатам аукциона 19 марта 2015 г. заключен договор аренды для комплексного освоения в целях жилищного строительства.

Впоследствии из указанного земельного участка выделен другой земельный участок, который предоставлен обществу в аренду по договору 8 августа 2017 г.

Общество и предприниматель 14 августа 2018 г. заключили договор перенайма земельного участка, предоставленного по договору аренды 8 августа 2017 г.

Решением регистрирующего органа 4 декабря 2018 г. обществу и предпринимателю отказано в государственной регистрации договора перенайма со ссылкой на то, что действующее на момент заключения договора перенайма законодательство не допускает возможность уступки прав и перевода долга по обязательствам, возникшим из заключенного на торгах договора.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения регистрирующего органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с подп. 1 и 2 ст. 2 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 42-ФЗ), указанный федеральный закон вступает в силу с 1 июня 2015 г., положения ГК РФ (в редакции указанного закона) применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления в силу названного федерального закона. По правоотношениям, возникшим до дня вступления в силу данного федерального закона, положения Гражданского кодекса (в редакции указанного закона) применяются к тем правам и обязанностям, которые возникнут после дня вступления в силу этого федерального закона, если иное не предусмотрено названной статьей.

Положения ГК РФ в измененной Законом № 42-ФЗ редакции не применяются к правам и обязанностям, возникшим из договоров, заключенных до дня вступления его в силу (до 1 июня 2015 г.), при рассмотрении споров из названных договоров следует руководствоваться ранее действовавшей редакцией ГК РФ с учетом сложившейся практики ее применения (п. 2 ст. 4, абзац второй п. 4 ст. 421, п. 2 ст. 422 ГК РФ).

Соответствующая правовая позиция закреплена в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 декабря 2019 г., а также в пп. 82 и 83 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Делая выводы о наличии установленного п. 7 ст. 448 ГК РФ запрета на уступку прав арендатора по спорному договору, арбитражный суд округа не учел, что правоотношения из договора аренды земельного участка, предоставленного для комплексного освоения в целях жилищного строительства, возникли у его сторон в марте 2015 г., то есть до 1 июня 2015 г.

При этом дата заключения договора аренды от 8 августа 2017 г. не имеет определяющего значения, поскольку правоотношения по выделу земельного участка, являющегося предметом указанного договора, возникли не в момент его государственной регистрации, а вследствие реализации

обществом его обязанности по комплексному освоению изначально имевшегося земельного участка.

Учитывая специфику отношений по предоставлению земельного участка для комплексного освоения в целях жилищного строительства, договор аренды от 19 марта 2015 г. и договор аренды от 8 августа 2017 г. являются взаимосвязанными, так как после образования земельных участков в границах территории первоначально предоставленный участок прекращает свое существование и заключаются новые договоры аренды в отношении образованных земельных участков.

При этом следует также учитывать, что, в силу п. 8 ст 46⁴ ГрК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 171-ФЗ), прекращение существования земельного участка, в отношении которого заключен договор о комплексном освоении территории, в связи с его разделом или возникновением у третьих лиц прав на земельные участки, образованные из такого земельного участка, не является основанием для прекращения прав и обязанностей, определенных договором.

В силу изложенного, выводы арбитражного суда округа о несоответствии договора перенайма от 14 августа 2018 г. положениям п. 7 ст. 448 ГК РФ в редакции Закона № 42-ФЗ нельзя признать обоснованными, как противоречащие п. 2 ст. 2 названного закона.

Кроме того, в соответствии с п. 14 ст. 34 Закона № 171-ФЗ отношения, связанные с реализацией положений заключенных до дня вступления в силу данного федерального закона или после дня вступления в силу данного федерального закона в соответствии с ч. 2 этой статьи договоров аренды земельных участков, предоставленных для комплексного освоения в целях жилищного строительства, и договоров аренды земельных участков, образованных из таких земельных участков, регулируются ЗК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу данного Федерального закона).

Согласно ч. 2 ст. 34 Закона № 171-ФЗ, в случае, если до дня вступления в силу данного федерального закона органом государственной власти или органом местного самоуправления в соответствии с ЗК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу данного федерального закона) опубликовано извещение о проведении торгов (конкурса, аукциона) по продаже земельного участка или торгов (конкурса, аукциона) по продаже права на заключение договора аренды земельного участка либо сообщение о наличии предлагаемых для передачи в аренду и находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков, предоставление таких земельных участков осуществляется согласно статьям

30, 38, 38¹ и 38² ЗК РФ (в редакции, действовавшей до дня вступления в силу данного федерального закона).

Таким образом, с учетом положений ч. 14 ст. 34 Закона № 171-ФЗ, отношения, связанные с реализацией договоров, заключенных по результатам данного аукциона регулируются ЗК РФ в редакции, действовавшей до 1 марта 2015 г.

В силу п. 1 ст. 30² ЗК РФ (далее – в редакции до 1 марта 2015 г.) земельные участки для их комплексного освоения в целях жилищного строительства, которое включает в себя подготовку документации по планировке территории, выполнение работ по обустройству территории посредством строительства объектов инженерной инфраструктуры, осуществление жилищного и иного строительства в соответствии с видами разрешенного использования, из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, предоставляются в аренду без предварительного согласования места размещения объекта.

Предоставление в аренду земельного участка для его комплексного освоения в целях жилищного строительства осуществляется на аукционе в порядке, установленном ст. 38² ЗК РФ, за исключением случаев, предусмотренных п. 10 этой статьи (п. 2).

Согласно п. 4 ст. 30² ЗК РФ арендатор земельного участка, предоставленного для его комплексного освоения в целях жилищного строительства, имеет право, предусмотренное п. 9 ст. 22 ЗК РФ, независимо от срока действия договора аренды такого земельного участка.

В соответствии с п. 9 ст. 22 ЗК РФ при аренде земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на срок более чем пять лет арендатор земельного участка имеет право, если иное не установлено федеральными законами, в пределах срока договора аренды земельного участка передавать свои права и обязанности по этому договору третьему лицу, в том числе права и обязанности, указанные в пп. 5 и 6 этой статьи, без согласия собственника земельного участка при условии его уведомления. Изменение условий договора аренды земельного участка без согласия его арендатора и ограничение установленных договором аренды земельного участка прав его арендатора не допускаются. Если иное не предусмотрено указанным кодексом, другим федеральным законом, досрочное расторжение договора аренды земельного участка, заключенного на срок более чем пять лет, по требованию арендодателя возможно только на основании решения суда при существенном нарушении договора аренды земельного участка его арендатором.

Таким образом, исходя из положений чч. 2, 14 ст. 34 Закона № 171-ФЗ, п. 4 ст. 30² ЗК РФ, с учетом правовой позиции, сформулированной в п. 15 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской

Федерации от 24 марта 2005 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства», в котором даны разъяснения о применении пп. 5, 6, 9 ст. 22 ЗК РФ, учитывая особенности предоставления земельного участка для его комплексного освоения в целях жилищного строительства, судебная коллегия полагает обоснованными выводы судов первой и апелляционной инстанций о наличии у общества как арендатора земельного участка, предусмотренного п. 9 ст. 22 ЗК РФ права на передачу прав и обязанностей по договору аренды в порядке перенайма.

Определение № 310-ЭС19-26737

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

27. По общему правилу, условие о наступлении срока исполнения обязанности по оплате встречного предоставления с момента наступления обстоятельства, относительно которого неизвестно наступит оно или нет, является действительным. При этом указанный момент считается наступившим по истечении разумного срока, в который данное обстоятельство должно было наступить, если иной срок не установлен законом, иным правовым актом или договором.

Обществом и уполномоченным органом (далее – администрация) заключено мировое соглашение, по условиям которого общество признает задолженность в виде основного долга и неустойки за определенный период перед администрацией и обязуется приступить к ее погашению с момента вынесения администрацией постановления об окончании отопительного сезона 2017–2018 годов, согласовав предварительно с администрацией график погашения задолженности. При этом из материалов дела, условий мирового соглашения, позиций сторон следует, что контрагенты, заключая мировое соглашение, не исключили взыскание неустойки при будущей просрочке исполнения обязательства.

Ссылаясь на неисполнение обществом мирового соглашения, администрация обратилась в арбитражный суд с иском к обществу о взыскании задолженности по договору и неустойки за просрочку исполнения обязательства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, иск удовлетворен.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания неустойки и в указанной части

направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По общему правилу, установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 314 ГК РФ, если обязательство предусматривает или позволяет определить день его исполнения либо период, в течение которого оно должно быть исполнено (в том числе в случае, если этот период исчисляется с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором), обязательство подлежит исполнению в этот день или, соответственно, в любой момент в пределах такого периода.

Согласно ст. 327¹ ГК РФ исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству, может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

В абзаце первом п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» разъяснено, что по смыслу п. 1 ст. 314 ГК РФ, ст. 327¹ ГК РФ срок исполнения обязательства может исчисляться в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или с момента наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Если действия кредитора, совершением которых обусловлено исполнение обязательства должником, не будут выполнены в установленный законом, иными правовыми актами или договором срок, а при отсутствии такого срока – в разумный срок, кредитор считается просрочившим (ст. 328 или 406 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 314 ГК РФ исчисление срока исполнения обязательства допускается в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной или наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Подобным же образом в силу ст. 327¹ ГК РФ исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных

обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон (ответ на вопрос 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г.).

Таким образом, обществу в соответствии со ст. 314 и 327¹ ГК РФ была предоставлена отсрочка уплаты долга до наступления указанных обстоятельств: вынесение администрацией постановления об окончании отопительного сезона 2017–2018 годов, после чего общество составляет график погашения задолженности, который согласовывает с истцом.

Суды установили, что постановление об окончании отопительного сезона 2017–2018 годов администрацией было принято 27 апреля 2018 г.

Кроме того, в соответствии с условиями мирового соглашения момент возврата задолженности также зависел от согласования графика погашения. Во исполнение мирового соглашения общество направило в администрацию график платежей 11 февраля 2019 г., то есть почти через год после принятия постановления об окончании отопительного сезона, во время рассмотрения данного дела арбитражным судом первой инстанции. График согласован администрацией не был.

Поскольку сроки согласования указанного графика в мировом соглашении не установлены, а его согласование является обстоятельством, относительно которого не известно, наступит оно или нет, в целях сохранения договоренности сторон необходимо толковать данное соглашение в пользу действительности и исключения возможности недобросовестного поведения одной из сторон, в том числе путем необоснованного затягивания момента наступления срока выплаты (пп. 43, 44 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора»).

Следовательно, необходимость наступления данного события ограничена разумным сроком, после истечения которого событие считается наступившим (абзац третий п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», ответ на вопрос 2 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 апреля 2017 г. Таким образом, график погашения задолженности должен был быть согласован в разумный срок после принятия постановления об окончании отопительного сезона. Схожая правовая позиция изложена

в п. 15 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2016), утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 19 октября 2016 г.

Вместе с тем, при установлении периода, за который подлежит начислению неустойка, суды не учли указанных правовых позиций, взыскав неустойку в том числе за период до вынесения постановления об окончании отопительного сезона и истечения разумного срока на согласование графика погашения задолженности.

Определение № 305-ЭС19-24867

28. Поскольку условие, от наступления которого зависело исчисление срока исполнения обязательства, не наступило на дату, указанную в договоре и ограничивающую его наступление, срок исполнения обязательства необходимо исчислять с указанной даты.

Предпринимателем (участник долевого строительства) и обществом (застройщик) заключен договор долевого участия в строительстве, в соответствии с условиями которого объект должен быть передан в течение шести месяцев с даты получения в установленном порядке разрешения на ввод многоквартирного дома в эксплуатацию. Ориентировочный срок ввода многоквартирного дома в эксплуатацию – IV квартал 2017 года (не позднее 31 декабря 2017 г.); датой ввода многоквартирного дома в эксплуатацию является дата выдачи уполномоченным органом разрешения на ввод этого дома в эксплуатацию.

Застройщик получил разрешение на ввод многоквартирного дома в эксплуатацию 7 сентября 2018 г. и по акту приема-передачи от 21 сентября 2018 г. передал предпринимателю объект.

Предприниматель, полагая, что общество нарушило на 83 дня предусмотренный договором срок передачи объекта, который истек 30 июня 2018 г., обратился в арбитражный суд с иском к застройщику о взыскании неустойки за просрочку исполнения обязательства по передаче объекта по договору долевого участия в строительстве.

Решением суда первой инстанции исковые требования рассмотрены в упрощенном порядке и удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суд указал, что поскольку в договоре стороны установили обязанность застройщика передать участнику долевого строительства по передаточному акту объект долевого строительства в течение шести месяцев с даты получения в установленном порядке разрешения на ввод многоквартирного

дома в эксплуатацию, застройщик, получив указанное разрешение 7 сентября 2018 г. и передав объект третьему лицу 21 сентября 2018 г., не допустил нарушения срока передачи объекта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

В силу ст. 190 ГК РФ установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом срок определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить.

Согласно правовой позиции, изложенной в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее – постановление № 54), по смыслу п. 1 ст. 314 ГК РФ, ст. 327¹ ГК РФ срок исполнения обязательства может исчисляться в том числе с момента исполнения обязанностей другой стороной, совершения ею определенных действий или с момента наступления иных обстоятельств, предусмотренных законом или договором. Если действия кредитора, совершением которых обусловлено исполнение обязательства должником, не будут выполнены в установленный законом, иными правовыми актами или договором срок, а при отсутствии такого срока – в разумный срок, кредитор считается просрочившим (ст. 328 или 406 ГК РФ).

Если наступлению обстоятельства, с которым связано начало течения срока исполнения обязательства, недобросовестно воспрепятствовала или содействовала сторона, которой наступление или ненаступление этого обстоятельства невыгодно, то по требованию добросовестной стороны это обстоятельство может быть признано соответственно наступившим или ненаступившим (п. 1 ст. 6, ст. 157 ГК РФ).

Исполнение застройщиком обязательства по строительству (созданию) многоквартирного дома удостоверяется разрешением на ввод дома в эксплуатацию, получение которого в силу ст. 55 ГК РФ является обязанностью застройщика и до получения которого обязательства застройщика по строительству (созданию) многоквартирного дома не могут считаться исполненными.

В соответствии с буквальным толкованием ст. 314 ГК РФ срок исполнения застройщиком обязательства по передаче квартиры может быть определен с даты ввода дома в эксплуатацию.

Однако поскольку срок – это событие, которое должно неизбежно наступить (ст. 190 ГК РФ), то момент совершения стороной определенных

действий (сдача дома в эксплуатацию) должен быть ограничен такого рода неизбежными обстоятельствами.

Так, постановление № 54 содержит ограничение, согласно которому, если срок поставлен в зависимость от действий кредитора, то такие действия кредитора должны быть совершены в срок, указанный в законе, ином правовом акте или договоре, а при их отсутствии – в разумный срок.

По условиям спорного договора долевого участия в строительстве дом должен быть введен в эксплуатацию не позднее 31 декабря 2017 г., а объект долевого строительства передан участнику в течение шести месяцев с момента получения разрешения на ввод в эксплуатацию.

Таким образом, как правильно указал суд первой инстанции, застройщик должен передать объект участнику по акту не позднее 30 июня 2018 г., а поскольку он нарушил этот срок, с него надлежит взыскать неустойку.

Определение № 305-ЭС19-20142

29. В случае, когда цены (тарифы) на электрическую энергию и (или) их предельные уровни вводятся в действие не с начала очередного календарного года и на срок менее 12 месяцев, потребители вправе самостоятельно выбрать вариант тарифа путем письменного уведомления сетевой организации (гарантирующего поставщика) в течение одного месяца со дня официального опубликования решения регулирующего органа об установлении таких цен.

Гарантирующий поставщик и потребитель в 2014 году заключили договор энергоснабжения, по условиям которого гарантирующий поставщик обязался осуществлять продажу электрической энергии, самостоятельно или через привлеченных третьих лиц оказывать услуги по передаче электрической энергии и иные услуги, неразрывно связанные с процессом снабжения электрической энергии, а потребитель – оплачивать приобретаемую электрическую энергию и оказанные услуги.

Сетевой организацией (исполнитель) и гарантирующим поставщиком (заказчик) в 2014 году заключен договор оказания услуг по передаче электрической энергии, по условиям которого исполнитель обязался оказывать заказчику услуги по передаче электрической энергии от точек отпуска до точек поставки, а заказчик – оплачивать услуги исполнителя в порядке, установленном договором.

Регулирование тарифа осуществлялось постановлением Государственного комитета Республики Карелия по ценам и тарифам от 29 декабря 2017 г. № 221 «Об установлении единых (котловых) тарифов на

услуги по передаче электрической энергии по сетям Республики Карелия на 2018 год» (далее – постановление от 29 декабря 2017 г. № 221).

Потребитель в соответствии с этим постановлением осуществил выбор третьей ценовой категории при расчетах за электрическую энергию.

Впоследствии было принято постановление Государственного комитета Республики Карелия по ценам и тарифам от 6 марта 2018 г. № 16 «Об установлении единых (котловых) тарифов на услуги по передаче электрической энергии по сетям Республики Карелия с 1 апреля 2018 года по 31 декабря 2018 года» (далее – постановление от 6 марта 2018 г. № 16).

Потребитель 12 марта 2018 г. уведомил гарантирующего поставщика о выборе третьей ценовой категории при расчетах за электрическую энергию.

Гарантирующий поставщик 13 марта 2018 г. уведомил сетевую организацию о заключении договора энергоснабжения и применении в расчетах за электрическую энергию третьей ценовой категории.

Сетевая организация, полагая необходимым применение в отношении потребителя четвертой ценовой категории при расчетах за электрическую энергию, потребовала от гарантирующего поставщика оплатить задолженность по договору оказания услуг по передаче электрической энергии. Отказ гарантирующего поставщика послужил основанием для обращения сетевой организации в арбитражный суд с иском к гарантирующему поставщику о взыскании задолженности по договору и неустойки за просрочку исполнения обязательства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично, взыскана неустойка за определенный период просрочки. Суды исходили из правомерности выбора потребителем варианта тарифа в течение месяца с момента принятия постановления от 6 марта 2018 г. № 16).

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции изменено, исковые требования удовлетворены в части задолженности и неустойки до дня фактической уплаты долга. Суд исходил из того, что тарифы на спорный период регулирования были установлены постановлением от 29 декабря 2017 г. № 221, ввиду чего месячный срок извещения потребителем о выборе варианта тарифа истек 29 января 2018 г., тогда как постановление от 6 марта 2018 г. № 16, принятое после начала спорного периода регулирования, не может являться основанием для изменения варианта тарифа по заявлению потребителя.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда

первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с пп. 5, 86 Основных положений функционирования розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 (далее – Основные положения № 442), на территориях субъектов Российской Федерации, объединенных в ценовые зоны оптового рынка, электрическая энергия продается гарантирующими поставщиками по нерегулируемым ценам в рамках предельных уровней нерегулируемых цен, рассчитываемых по шести ценовым категориям.

В силу абзаца одиннадцатого п. 15(1) Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861, определение обязательств гарантирующего поставщика, действующего в интересах обслуживаемых им по договорам энергоснабжения потребителей электрической энергии, по оплате таким гарантирующим поставщиком услуг по передаче электрической энергии осуществляется в отношении каждого уровня напряжения по совокупности точек поставки каждого из обслуживаемых им потребителей электрической энергии, соответствующих энергопринимающему устройству, исходя из варианта цены (тарифа), применяемого в отношении соответствующего потребителя электрической энергии (мощности) в соответствии с Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 (далее – Основы ценообразования № 1178), и объема услуг по передаче электрической энергии, оплачиваемых потребителем электрической энергии.

В силу абзацев четвертого и пятого п. 86, абзацев второго и десятого п. 97 Основных положений № 442 потребители электрической энергии осуществляют выбор ценовой категории самостоятельно посредством уведомления гарантирующего поставщика в течение одного месяца с даты принятия решения об установлении тарифов на услуги по передаче электрической энергии в соответствующем субъекте Российской Федерации, а выбранная ценовая категория применяется для расчетов за электрическую энергию с даты введения в действие указанных тарифов на услуги по передаче электрической энергии. При этом потребители, максимальная мощность энергопринимающих устройств которых в границах балансовой принадлежности менее 670 кВт, вправе выбрать ценовую категорию с первой по шестую, а потребители, соответствующая максимальная мощность которых не менее 670 кВт, вправе выбрать третью, четвертую, пятую или шестую ценовую категорию. В случае выбора третьей ценовой категории

стоимость услуг по передаче электрической энергии определяется по тарифу на услуги по передаче электрической энергии в одноставочном выражении, а при выборе четвертой ценовой категории – в двухставочном выражении.

В силу абзацев первого и четвертого п. 7 Правил государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178, по общему правилу, цены (тарифы) и (или) их предельные уровни вводятся в действие с начала очередного года на срок не менее 12 месяцев. Указанное правило не распространяется, в частности, на решения регулирующих органов, направленные на приведение ранее принятых решений об установлении тарифов или их предельных уровней в соответствие с законодательством Российской Федерации об электроэнергетике.

В силу абзацев двадцать восьмого, тридцать первого и тридцать второго п. 81 Основ ценообразования № 1178 для расчетов за услуги по передаче электрической энергии по электрическим сетям, принадлежащим на праве собственности или ином законном основании территориальным сетевым организациям, потребители самостоятельно выбирают вариант тарифа на период регулирования путем направления письменного уведомления в сетевую организацию (гарантирующему поставщику, действующему в интересах указанных потребителей) в течение одного месяца со дня официального опубликования решений органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области государственного регулирования тарифов об установлении соответствующих цен (тарифов). При этом гарантирующие поставщики обязаны в течение пяти дней со дня получения соответствующего уведомления потребителя направить информацию о выбранном варианте тарифа в сетевую организацию, с которой заключен договор на оказание услуг по передаче электрической энергии в интересах данного потребителя, а в расчетах за услуги по передаче электрической энергии, гарантирующие поставщики обязаны применять только цены (тарифы), выбранные обслуживаемыми ими потребителями в соответствии с вышеизложенными правилами.

Из приведенных законоположений следует, что исходя из технических характеристик конкретного энергопринимающего устройства (максимальная мощность, уровень напряжения в точке поставки, наличие приборов учета и т.п.) выбор варианта тарифа зависит исключительно от усмотрения владеющего этим устройством потребителя, которое он осуществляет самостоятельно, то есть исходя из собственных разумно понимаемых и добросовестно реализуемых экономических интересов, тогда как уведомление сетевой организации о состоявшемся выборе носит исключительно информационный характер, не предусматривающий

возможности возражения со стороны сетевой организации против волеизъявления потребителя.

При этом следует иметь в виду, что отсутствие в вышеприведенных положениях каких-либо условий (кроме чисто технических характеристик энергопринимающего устройства), ограничивающих самостоятельность усмотрения потребителя при выборе варианта тарифа, означает, что такой потребитель не связан обязанностью мотивировать свою заинтересованность в выборе определенного варианта тарифного меню.

Поскольку суды первой и апелляционной инстанции, сославшись на то, что выбор потребителем третьей ценовой категории был вызван изменением уровня напряжения вследствие приобретения объектов электросетевого хозяйства на правах аренды, не установили, что соответствующие действия были предприняты потребителем исключительно в целях причинения вреда сетевой организации или его контрагентам и разбалансировки действующей в регионе «котловой» модели регулирования отношений по передаче электрической энергии, у арбитражного суда округа отсутствовали предусмотренные законом основания для негативной оценки «экономической целесообразности» действий потребителя по выбору наиболее выгодного для него варианта тарифа после приобретения указанных объектов электросетевого хозяйства.

Принимая во внимание, что постановление от 6 марта 2018 г. № 16 было издано во исполнение постановления Правительства Российской Федерации от 19 января 2018 г. № 29 «О внесении изменений в приложение № 3 к Правилам оптового рынка электрической энергии и мощности и в сводный прогнозный баланс производства и поставок электрической энергии (мощности) в рамках Единой энергетической системы России по субъектам Российской Федерации», то есть в целях приведения ранее принятого решения об установлении тарифа (постановление от 29 декабря 2017 г. № 221) в соответствие с законодательством Российской Федерации об электроэнергетике, спорный тариф подпадает под предусмотренное абзацем четвертым п. 7 Правил № 1178 исключение, допускающее установление тарифа на срок менее 12 месяцев. Следовательно, у арбитражного суда округа отсутствовали основания для вывода о том, что потребитель не имел права самостоятельного выбора варианта тарифа в течение одного месяца с даты принятия постановления от 6 марта 2018 г. № 16.

Суды первой и апелляционной инстанций, установив, что о выборе третьей ценовой категории для расчетов за электрическую энергию потребитель уведомил гарантирующего поставщика 12 марта 2018 г., то есть в пределах месячного срока с даты принятия постановления от 6 марта 2018 г. № 16, а гарантирующий поставщик уведомил сетевую организацию о выбранной потребителем ценовой категории 13 марта 2018 г., то есть в

пределах пяти дней со дня получения соответствующего уведомления потребителя, пришли к выводу о соблюдении гарантирующим поставщиком и потребителем предусмотренного п. 97 Основных положений № 442 и п. 81 Основ ценообразования № 1178 порядка выбора варианта тарифа, отказав во взыскании в пользу сетевой организации неосновательного обогащения, составляющего стоимость услуг по передаче электрической энергии, рассчитанную исходя из четвертой ценовой категории без учета волеизъявления потребителя после изменения тарифов постановлением от 6 марта 2018 № 16.

Учитывая, что постановление от 6 марта 2018 г. № 16 было принято в соответствии с предусмотренным законодательством об электроэнергетике порядком изменения тарифов после начала периода регулирования, а порядок и сроки уведомления сетевой организации о выборе тарифа были потребителем и гарантирующим поставщиком соблюдены, судебная коллегия приходит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска в полном объеме.

Определение № 307-ЭС19-26110

30. В силу п. 2 ст. 621 ГК РФ в отсутствие своевременного возражения арендодателя (ссудодателя) арендатор (ссудополучатель) пользуется вещью на основании возобновленного на неопределенный срок договора аренды (ссуды) и к нему не могут быть применены меры ответственности за нарушение обязанности по возврату имущества в связи с окончанием срока договора.

Обществом (ссудодатель) и компанией (ссудополучатель) заключен договор о передаче в безвозмездное пользование оборудования на срок до 31 декабря 2017 г. включительно. В соответствии с условиями договора по истечении указанного срока компания в течение пяти рабочих дней обязуется передать оборудование уполномоченному представителю общества или отправить имущество обществу через транспортную компанию (перевозчика), указанную обществом, с выставлением счета за транспортировку обществу (в случае оплаты перевозчику). Общество обязано оплатить счет за транспортировку компании, если она произвела оплату перевозчику в течение пяти банковских дней с момента получения счета от компании. За нарушение срока возврата имущества компания по требованию общества уплачивает неустойку в размере 0,1 процента от стоимости не возвращенного в срок имущества за каждый день просрочки.

В срок, установленный договором, компания имущество не возвратила.

Общество 19 июня 2018 г. направило компании уведомление о том, что согласно договору срок пользования имуществом закончился 31 декабря 2017 г., в связи с чем просило направить обществу заявку на приобретение расходных материалов к оборудованию для криоабляции, ссылаясь на наличие государственного контракта с третьим лицом, в противном случае указывало на необходимость возвратить переданное имущество.

Общество 20 июля 2018 г. направило компании претензию с требованием о возврате оборудования в срок до 24 июля 2018 г. и уплате неустойки за нарушение срока возврата имущества.

Оборудование возвращено компанией обществу по акту 24 июля 2018 г., а требование об уплате неустойки оставлено без исполнения, что послужило основанием для обращения общества в арбитражный суд с иском к компании о взыскании неустойки за просрочку возврата имущества.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 2 ст. 689 ГК РФ к договору безвозмездного пользования соответственно применяются правила, предусмотренные ст. 607, п. 1 и абзацем первым п. 2 ст. 610, пп. 1 и 3 ст. 615, п. 2 ст. 621, пп. 1 и 3 ст. 623 данного кодекса.

Таким образом, в силу прямого указания нормы п. 2 ст. 689 ГК РФ к договору безвозмездного пользования подлежит применению п. 2 ст. 621 ГК РФ.

В соответствии с п. 2 ст. 621 ГК РФ, если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок (ст. 610).

Исходя из существа регулирования договора аренды положения п. 2 ст. 621 ГК РФ содержат указание на правовую квалификацию отношений сторон, не прекратившихся по истечении срока первоначального договора аренды (ссуды): возобновление договора на ранее согласованных условиях на неопределенный срок. При этом согласие арендодателя (ссудодателя) на продолжение отношений в случае отсутствия своевременных возражений с его стороны предполагается. Соответственно, в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ в отсутствие своевременного возражения арендодателя (ссудодателя) арендатор (ссудополучатель) является стороной действующего договора и к нему не могут быть применены установленные договором меры ответственности за нарушение обязанности по возврату имущества в связи с окончанием срока

договора. От договора, возобновившегося на неопределенный срок, ссудодатель вправе отказаться в порядке, предусмотренном ст. 699 ГК РФ.

Само по себе установление контрагентами срока договора, порядка возврата имущества после истечения этого срока и условия о неустойке за несвоевременный возврат имущества по окончании срока действия договора не означают, что положения п. 2 ст. 621 ГК РФ не подлежат применению.

По окончании срока договора ссудополучатель продолжал пользоваться имуществом, а ссудодатель не возражал против продолжения нахождения имущества в пользовании компании вплоть до 20 июля 2018 г., когда в претензии ссудодатель прямо потребовал вернуть имущество в срок до 24 июля 2018 г.

Более того, в уведомлении от 19 июня 2018 г. общество просило направить ему заявку на приобретение расходных материалов к оборудованию, переданному в безвозмездное пользование, и только в случае отказа от такой заявки предлагало вернуть имущество, тем самым подтверждая отсутствие возражений против пользования имуществом по состоянию на 19 июня 2018 г.

При таких обстоятельствах спорный договор возобновлен на неопределенный срок.

Определение № 305-ЭС19-15922

31. Акт приема-передачи имущества арендодателю не является единственным допустимым доказательством прекращения арендатором пользования арендуемой вещью. Отсутствие такого акта при условии прекращения пользования арендатором не может служить основанием для возобновления действия договора аренды на неопределенный срок в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ.

Предприниматель (арендодатель) обратился в арбитражный суд с иском к обществу (арендатор) о взыскании задолженности по арендной плате.

В возражениях на иск общество указало, что договор аренды являлся срочным, прекратил свое действие, задолженность по арендной плате за период действия договора отсутствует, по истечении срока действия договора общество не осуществляло владение и пользование арендуемой вещью.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение. Суд исходил из того, что арендатором не представлен акт возврата имущества арендодателю, составление которого требовалось по условиям договора, а, следовательно, арендатор продолжал пользоваться арендованной вещью. По мнению суда, сам факт освобождения арендатором спорного помещения без расторжения договора и без возврата арендодателю имущества по акту приема-передачи не может служить основанием для освобождения его от внесения арендной платы.

Судебная коллегия Верхового Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Отсутствие предусмотренного договором письменного уведомления со стороны арендатора по окончании срока договора аренды, а также акта о возврате объекта аренды может свидетельствовать, но не является безусловным доказательством того, что арендатор продолжил пользоваться имуществом и договор аренды был возобновлен на неопределенный срок.

Суды первой и апелляционной инстанций, в пределах своей компетенции установив, что, в действительности, арендатор прекратил использование объекта аренды после окончания срока действия договора, пришли к выводу о том, что он не был возобновлен.

Арбитражный суд округа иначе оценил доказательственное значение имеющихся в деле материалов, счел отсутствие названного уведомления и акта о возврате помещения доказательствами того, что арендатор продолжил пользование объектом аренды, и проигнорировал иные доказательства, которые положили в основу своих судебных актов суды первой и апелляционной инстанций. Тем самым суд кассационной инстанции переоценил установленные судами первой и апелляционной инстанций обстоятельства, выйдя за пределы полномочий, установленные ст. 286 АПК РФ.

Пункт 2 ст. 621 ГК РФ связывает возобновление ранее заключенного и прекратившего действие по истечении установленного в нем срока договора аренды исключительно с продолжением использования арендатором ранее арендованного имущества, но не с фактом составления акта приема-передачи.

Судами первой и апелляционной инстанций было установлено, что по возникшим с взаимного согласия сторон деловым отношениям в процессе исполнения договора письменный документ о передаче имущества в аренду не составлялся. Следовательно, мог не составляться и письменный документ о возврате арендованного имущества, что не лишает силы иных

доказательств прекращения использования объекта аренды, предоставленных ответчиком.

Определение № 310-ЭС19-26908

32. Оценщик обязан возместить заказчику убытки, причиненные ненадлежащим оказанием согласованных услуг по оценке.

В соответствии с заключенным обществом (заказчик) и компанией (исполнитель) договором на проведение оценки земельных участков, исполнитель принял на себя обязательства: провести оценку и подготовить отчет об оценке рыночной стоимости земельных участков, представлять интересы заказчика в заседаниях Комиссии при Управлении Росреестра (далее – комиссия) по рассмотрению споров до получения положительного результата, заказчик обязался оплатить эти услуги. Обязательства по названному договору выполняются в соответствии с заданием на оценку (приложение № 1 к договору), который является неотъемлемой частью договора, согласно которому цель оценки – определение рыночной стоимости объекта оценки; результаты оценки предполагается использовать для оспаривания кадастровой стоимости.

Общество приняло результат оказанных ему услуг в виде подготовленных ответчиком заключений об оценке.

При обращении общества в комиссию заявления о пересмотре кадастровой стоимости в отношении земельных участков в размере их рыночной стоимости были отклонены, поскольку не было приложено положительное экспертное заключение саморегулируемой организации оценщиков (СРО), членом которой является компания, составившая отчеты.

Впоследствии обществом были поданы административные заявления в суд об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости земельных участков, которые были удовлетворены.

Поскольку, как полагает общество, компанией ненадлежащим образом выполнены предусмотренные договором обязательства, отчеты об оценке не соответствуют федеральным стандартам оценки, общество направило исполнителю претензию о возмещении убытков в размере оплаты услуг по договору, после чего, ссылаясь на отсутствие возможности использовать отчеты об оценке для определения стоимости земельных участков, обратилось в арбитражный суд с требованиями о взыскании убытков в связи с некачественным оказанием услуг по договору.

Решением суда первой инстанции, принятом по делу в порядке упрощенного производства, в удовлетворении иска отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Правовые основы регулирования оценочной деятельности в отношении объектов оценки, принадлежащих Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, физическим лицам, юридическим лицам, определены Федеральным законом от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон № 135-ФЗ).

Согласно ст. 3 Закона № 135-ФЗ под рыночной стоимостью объекта оценки понимается наиболее вероятная цена, по которой данный объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства, перечисленные в названной статье.

Итоговым документом, составленным по результатам определения стоимости объекта оценки независимо от вида определенной стоимости, является отчет об оценке объекта.

В силу ст. 11 Закона № 135-ФЗ отчет не должен допускать неоднозначного толкования или вводить в заблуждение.

Согласно п. 3 Федерального стандарта оценки «Требования к отчету об оценке (ФСО № 3)», утвержденного приказом Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации от 20 мая 2015 г. № 299, отчет об оценке представляет собой документ, содержащий сведения доказательственного значения, составленный в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности, в том числе указанным федеральным стандартом оценки, нормативными правовыми актами уполномоченного федерального органа, осуществляющего функции по нормативно-правовому регулированию оценочной деятельности, а также стандартами и правилами оценочной деятельности, установленными СРО, членом которой является оценщик, подготовивший отчет.

Статьей 24⁶ Закона № 135-ФЗ предусмотрено, что убытки, причиненные заказчику, заключившему договор на проведение оценки, или имущественный вред, причиненный третьим лицам вследствие использования итоговой величины рыночной или иной стоимости объекта оценки, указанной в отчете, подписанном оценщиком или оценщиками, подлежат возмещению в полном объеме за счет имущества оценщика или оценщиков, причинивших своими действиями (бездействием) убытки или

имущественный вред при осуществлении оценочной деятельности, или за счет имущества юридического лица, с которым оценщик заключил трудовой договор.

Как было установлено судами, по результатам рассмотрения административных заявлений общества об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости земельных участков, поданных в суд, кадастровая стоимость земельных участков в размере их рыночной стоимости была установлена судом согласно заключениям, составленным другим оценщиком в рамках проведенных по этим делам судебных экспертиз об установлении рыночной стоимости земельных участков и проверке отчетов ответчика об установлении их рыночной стоимости.

При этом в решении суда указано, что в отчетах об оценке, выполненных компанией, нарушены основные требования федеральных стандартов оценки, предъявляемых к форме и содержанию отчетов, описанию объекта оценки, и допущены иные нарушения, которые повлияли на определение итоговой величины рыночной стоимости земельных участков, в том числе неправильно определены факторы, влияющие на стоимость земельных участков; допущены ошибки при выполнении математических действий, которые тоже повлияли на итоговую рыночную стоимость. Информация, использованная оценщиком, не может быть признана достоверной, достаточной и проверяемой.

Кадастровая стоимость земельных участков в размере их рыночной стоимости определена судом согласно заключениям эксперта в ином размере, установленном в спорном отчете об оценке.

Отсутствие возможности использовать результат работ компании для определения стоимости земельных участков свидетельствует о том, что работы им по договору выполнены с ненадлежащим качеством, в связи с чем он обязан возместить убытки ввиду некачественного оказания услуг по договору.

Поскольку общество не является профессионалом в данной области, о некачественном выполнении работ оно узнало только после вынесения вышеуказанных решения судом об оспаривании результата кадастровой оценки.

Определение № 305-ЭС19-21740

***Практика применения законодательства
об интеллектуальных правах***

33. Использование без согласия патентообладателя лишь отдельных признаков полезной модели, приведенных в независимом пункте, не нарушает исключительное право патентообладателя.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о признании ряда устройств контрафактными, об обязанности компании прекратить их изготовление, применение, предложение к продаже, продажу, иное введение в гражданский оборот или хранение для этих целей, о взыскании с компании компенсации.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, иски удовлетворены в отношении части устройств, в отношении других устройств – в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Вывод суда первой инстанции, с которым согласился суд апелляционной инстанции, о доказанности использования в продуктах ответчика технических решений, описанных в формуле к полезной модели по патенту общества, что послужило основанием для удовлетворения иска, и вывод суда кассационной инстанции о подтверждении материалами дела факта использования существенного признака формулы полезной модели по патенту общества в изделиях компании основаны на неправильном толковании приведенных норм материального права.

В силу абзаца третьего п. 3 ст. 1358 ГК РФ при установлении использования изобретения или полезной модели толкование формулы изобретения или полезной модели осуществляется в соответствии с п. 2 ст. 1354 ГК РФ, согласно которому охрана интеллектуальных прав на изобретение или полезную модель предоставляется на основании патента в объеме, определяемом содержащейся в патенте формулой изобретения или, соответственно, полезной модели. Для толкования формулы изобретения и формулы полезной модели могут использоваться описание и чертежи.

Формула полезной модели предназначается для определения объема правовой охраны, предоставляемой патентом. Независимый пункт формулы полезной модели характеризует полезную модель совокупностью ее признаков, определяющей объем испрашиваемой правовой охраны, и излагается в виде логического определения объекта полезной модели. Зависимый пункт формулы полезной модели содержит развитие и/или уточнение совокупности признаков полезной модели, приведенных в независимом пункте, признаками, характеризующими полезную модель лишь

в частных случаях ее выполнения или использования (п. 9.8 Административного регламента исполнения Федеральной службой по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам государственной функции по организации приема заявок на полезную модель и их рассмотрения, экспертизы и выдачи в установленном порядке патентов Российской Федерации на полезную модель, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 октября 2008 г. № 326, действовавшего на дату приоритета патентов).

Действительно, как следует из внесудебного заключения, экспертом исследовано использование каждого признака полезной модели, приведенного в независимом пункте содержащейся в патенте общества формулы, в изделии ответчика по нотариальному протоколу осмотра фотографий и описания изделия и установлено, что все признаки независимого пункта формулы полезной модели по патенту общества использованы в изделии компании.

Между тем из судебных актов и материалов дела усматривается, что вследствие внесения изменений в формулу полезной модели новый патент общества содержит дополнительный признак.

В силу п. 3 ст. 1358 ГК РФ для определения того, использована ли другим лицом полезная модель, требуется совпадение всех признаков запатентованного решения, содержащихся в независимом пункте формулы и в противопоставленном продукте (решении).

Использование без согласия патентообладателя лишь отдельных признаков полезной модели, приведенных в независимом пункте, исключительное право патентообладателя не нарушает (п. 123 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Однако суды, разрешая спор, не исследовали вопросы о том, каким образом внесенные в формулу полезной модели изменения влияют на объем правовой охраны полезной модели, предоставленной патентом общества, а также содержится ли в продуктах компании каждый признак полезной модели, приведенный в независимом пункте содержащейся в патенте общества формулы, что являлось юридически значимым для установления факта нарушения исключительных прав общества.

Поскольку судами не установлен объем правовой охраны полезной модели, предоставляемой патентом общества, оснований для удовлетворения иска в обжалуемой части не имелось.

Определение № 309-ЭС19-26352

***Практика применения законодательства о защите конкуренции и
законодательства в сфере закупок для государственных
(муниципальных) нужд***

34. Нарушение заказчиком при заключении договора процедуры, установленной Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», не может являться основанием для отказа в оплате исполнителю выполненных для заказчика работ.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к компании о взыскании платы за выполненные работы и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Суд исходил из того, что отношения по заключению договора между обществом и компанией регулируются положениями Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ), однако договор, заключенный по предусмотренным этим законом процедурам между сторонами отсутствует, поэтому общество не имеет права на оплату выполненных работ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

При разрешении настоящего спора судом кассационной инстанции не приняты во внимание особенности целей и принципов Закона № 223-ФЗ и Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ), имеющих различные сферы правового регулирования.

Цели правового регулирования этих законов, в силу прямого на то в них указания, нельзя назвать аналогичными, в случае осуществления закупок для государственных или муниципальных нужд основополагающим является эффективное, зачастую экономное расходование бюджетных средств, а при закупках отдельными видами юридических лиц – эффективное удовлетворение потребностей самого заказчика, который самостоятельно

устанавливает правила осуществления им закупок, утверждая соответствующее положение о закупках, определяя виды конкурентных процедур, критерии отбора (ч. 1 ст. 1 Закона № 44-ФЗ, ч. 1 ст. 1 Закона № 223-ФЗ).

Как ранее было указано Верховным Судом Российской Федерации в определении от 11 июля 2018 г. № 305-ЭС17-7240, ч. 1 ст. 2 Закона № 223-ФЗ, а также регламентируемые нормами ГК РФ организационно-правовые формы и правовой статус лиц, являющихся субъектами отношений закупки, регулируемой Законом № 223-ФЗ, и определенных нормами чч. 2, 5 ст. 1 названного закона (государственные корпорации, государственные компании, автономные учреждения, хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает 50 процентов, бюджетные учреждения и унитарные предприятия (при соблюдении ряда дополнительных условий), свидетельствуют о воле законодателя на регулирование спорных отношений в целом как гражданско-правовых, то есть основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Субъекты, указанные в чч. 2, 5 ст. 1, п. 2 ч. 1 ст. 3.1 Закона № 223-ФЗ, в силу норм ГК РФ (гл. 4), являются субъектами гражданских правоотношений и участниками гражданского оборота. Создавая такие юридические лица или участвуя в их деятельности, государство реализует невластные полномочия (ст. 124, 125 ГК РФ).

Различные цели действия указанных законов и принципы осуществления закупок определяют особенности регулирования отношений, возникших при применении этих законов, а также правовые последствия несоблюдения субъектами закупок их требований.

Арбитражный суд округа, рассматривая спор, по сути, пришел к выводу о том, что по настоящему делу подлежит применению правовой подход, основанный на положениях ч. 2 ст. 8 Закона № 44, согласно которой запрещается совершение заказчиками, специализированными организациями, их должностными лицами, комиссиями по осуществлению закупок, членами таких комиссий, участниками закупок, операторами электронных площадок, операторами специализированных электронных площадок любых действий, которые противоречат требованиям настоящего федерального закона, в том числе приводят к ограничению конкуренции, в частности, к необоснованному ограничению числа участников закупок.

В соответствии с п. 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом Верховного Суда

Российской Федерации 28 июня 2017 г. (далее – Обзор по Закону № 44-ФЗ), по общему правилу, поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд в отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления. Такой подход применим как в случае, когда государственный контракт заключен в отсутствие закупочных процедур, так и в случае, когда стороны контракта превысили согласованные объем и/или цену контракта в нарушение требований закона о допустимых изменениях контракта.

Исключение из правила, содержащегося в п. 20 этого обзора, составляют отдельные случаи, которые прямо названы в ст. 95 Закона № 44-ФЗ, как допускающие изменение контракта, а также отраженные в судебной практике (пп. 21–24 Обзора по Закону № 223-ФЗ).

Между тем поскольку Закон № 223-ФЗ не содержит норм об явно выраженном законодательном запрете, аналогичном запрету, изложенному в ч. 2 ст. 8 Закона № 44-ФЗ, исходя из цели указанного закона, принципов закупочной деятельности, гражданско-правового характера этих отношений, при установленных по делу обстоятельствах оснований для вывода о нарушении публичных интересов незаключением сторонами спора договора не имелось.

При осуществлении закупочной деятельности заказчик в соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона № 223-ФЗ должен также наряду с законами, нормативными актами руководствоваться Положением о закупке, то есть документом, который регламентирует закупочную деятельность заказчика и должен содержать требования к закупке, в том числе порядок подготовки и проведения процедур закупки (включая способы закупки) и условия их применения, порядок заключения и исполнения договоров, а также иные связанные с обеспечением закупки положения; соблюдать предусмотренные ст. 4 этого закона иные требования по информационному обеспечению закупки.

Поскольку положения Закона № 223-ФЗ возлагают именно на заказчика вышеперечисленные обязанности по соблюдению закупочной деятельности, суды неправомерно возложили последствия нарушения процедуры заключения договора на исполнителя по договору, лишив его права на получение платы за выполненные работы.

В силу вышеизложенного правовые последствия для подрядчика, выполнившего работы без договора, подлежащего заключению согласно требованиям Закона № 223-ФЗ, не идентичны последствиям выполнения работ с нарушениями правил Закона № 44-ФЗ. Ссылки заказчика, допустившим собственные неправомерные действия при заключении договора, на нарушение норм Закона № 223-ФЗ не являются при

установленных по делу обстоятельствах основанием для отказа в иске подрядчика о взыскании задолженности за выполненные работы.

Определение № 308-ЭС19-13774

35. Подрядчик по государственному контракту не вправе взыскивать с государственного заказчика стоимость дополнительных работ, которые были оказаны в отсутствие согласия заказчика и в нарушение процедуры их согласования, установленной законом и договором.

Учреждением (заказчик) и обществом (подрядчик) по результатам открытого аукциона на основании положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) заключен договор подряда. В соответствии с условиями договора цена является твердой, определяется на весь срок исполнения контракта и не может изменяться в ходе его исполнения, за исключением следующего: цена контракта может быть снижена по соглашению сторон без изменения предусмотренных контрактом объема работ, качества работ и используемых при выполнении работ товаров и иных условий контракта. Также контрактом предусмотрено право заказчика по согласованию с подрядчиком в ходе исполнения контракта изменить не более чем на 10 процентов объем предусмотренных контрактом работ при изменении потребности в таких работах. При выполнении дополнительного объема работ заказчик по согласованию с подрядчиком вправе изменить первоначальную цену контракта пропорционально дополнительному объему таких работ, исходя из установленной в контракте цены единицы работы, но не более чем на 10 процентов цены контракта, а при внесении соответствующих изменений в контракт в связи с сокращением потребности в соответствующем объеме работ стороны обязаны уменьшить цену контракта указанным образом.

В сметной стоимости по контракту были согласованы затраты подрядчика, связанные с перевозкой грузов на расстояние до 30 км включительно. Однако ввиду отсутствия в пределах 30 км от объекта строительства организаций-поставщиков строительных материалов обществом понесены дополнительные затраты, связанные с доставкой материальных ресурсов на объект строительства из других населенных пунктов за пределами этого расстояния.

Общество, ссылаясь на необходимость несения дополнительных затрат на доставку материальных ресурсов на объект строительства, не включенных

в цену контракта, обратилось в арбитражный суд с иском к учреждению о взыскании стоимости указанных затрат.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены частично.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Общество, по существу, просило взыскать стоимость предусмотренных контрактом работ по транспортировке материалов, но по сметным расценкам, отличным от предусмотренных аукционной документацией, представив иные сметные расчеты и сводный сметный расчет транспортных затрат на сумму иска.

При этом работы по выставленным заказчику актам по форме КС-2, КС-3 по расценкам, установленным в локальных сметных расчетах в соответствии с условиями заключенного контракта, полностью оплачены заказчиком.

При указанных обстоятельствах и с учетом условия контракта о твердой цене, включающей все расходы на строительство объекта, суды не дали оценки доводу учреждения о том, что закрепленная в контракте стоимость согласованных работ не должна соотноситься с фактическими расходами победителя торгов на выполнение конкретных работ.

В п. 12 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г. (далее – Обзор по Закону № 44-ФЗ) содержится указание на то, что с учетом положений ст. 8, ч. 5 ст. 24 Закона № 44-ФЗ увеличение объема работ по государственному (муниципальному) контракту, в том числе когда такое увеличение превышает 10 процентов от цены или объема, предусмотренных контрактом, допустимо исключительно в случае, если их невыполнение грозит годности и прочности результата выполняемой работы. К дополнительным работам, подлежащим оплате заказчиком, также могут быть отнесены исключительно те работы, которые исходя из имеющейся информации на момент подготовки документации и заключения контракта объективно не могли быть учтены в технической документации, но должны быть произведены, поскольку без их выполнения подрядчик не может приступать к другим работам или продолжать уже начатые либо ввести объект в эксплуатацию и достичь предусмотренного контрактом результата.

Между тем учреждение при рассмотрении дела указывало на то, что аукционная документация была в полном объеме размещена на сайте, в том

числе и сметный расчет стоимости работ по реконструкции объекта, который произведен с использованием Федеральных единичных расценок на материалы, изделия и конструкции, применяемых в строительстве, утвержденных приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 30 января 2014 г. № 31/пр (далее – Федеральные расценки), в локальных сметных расчетах, размещенных на сайте, указаны шифры и номера позиций нормативов, которые применены при расчетах.

Со сметными расчетами, произведенными на основании Федеральных расценок, как указывало учреждение, подрядчик был ознакомлен до заключения контракта, и как профессиональный участник в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, он не мог не знать, каким образом сформирована цена контракта. Из изложенного следует, что до заключения контракта истцу было известно об условиях его исполнения.

В соответствии с п. 2 ст. 34 Закона № 44-ФЗ при заключении контракта указывается, что цена контракта является твердой и определяется на весь срок его исполнения, при исполнении контракта изменение его условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных указанной статьей и ст. 95 этого закона.

Согласно п. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ изменение существенных условий государственного (муниципального) контракта допускается только при одновременном соблюдении в том числе следующих условий: если возможность изменения условий контракта была предусмотрена документацией о закупке и контрактом; при снижении цены контракта без изменения предусмотренных контрактом количества товара, объема работы или услуги, качества поставляемого товара, выполняемой работы, оказываемой услуги и иных условий контракта; если по предложению заказчика увеличиваются предусмотренные контрактом (за исключением контракта, предметом которого является выполнение работ по строительству, реконструкции, капитальному ремонту, сносу объекта капитального строительства, проведению работ по сохранению объектов культурного наследия) количество товара, объем работы или услуги не более чем на 10 процентов или уменьшаются предусмотренные контрактом количество поставляемого товара, объем выполняемой работы или оказываемой услуги не более чем на 10 процентов.

Законом № 44-ФЗ предусмотрены ограничения для изменения цены контракта. Данные ограничения установлены как для подрядчика, так и для заказчика и обусловлены тем, что заключению контракта предшествует выбор поставщика на торгах, при проведении которых участники предлагают

условия заранее и победитель определяется исходя из предложенных им условий.

Подтверждение наличия оснований, предусмотренных непосредственно п. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ, а также условиями контракта, в судебных актах отсутствует, указание на выполнение истцом дополнительного объема работ является недостаточным.

Позиция судов противоречит положениям п. 1 ст. 95 Закона № 44-ФЗ и разъяснениям, изложенным в п. 20 Обзора по Закону № 44-ФЗ, где указано, что, по общему правилу, поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд в отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления.

Исключение из правила п. 20 Обзора по Закону № 44-ФЗ составляют отдельные случаи, которые прямо названы в ст. 95 Закона № 44-ФЗ как допускающие изменение контракта, а также отраженные в судебной практике, в частности в пп. 21–24 Обзора по Закону № 44-ФЗ.

Определение № 303-ЭС19-21127

36. Отказ от заключения договора на стажировку лоцманов в связи с отсутствием у юридического лица соответствующей лицензии на осуществление образовательной деятельности не свидетельствует о нарушении положений Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и не создает со стороны юридического лица препятствий для доступа на рынок услуг лоцманской проводки судов.

Общество, основным видом деятельности которого является оказание услуг по обеспечению лоцманской проводки судов в морских портах, обратилось в филиал предприятия с просьбой направить в адрес общества договор (договоры) на оказание услуг по стажировке морских лоцманов общества на судах, лоцманская проводка которых осуществляется в морском порту, а также по стажировке морских лоцманов в качестве дублера оператора СУДС, в зоне действия которой находится район лоцманской проводки судов.

Предприятие отказало обществу в заключении договора на оказание услуг по стажировке лоцманов в морском порту, поскольку у него отсутствует право осуществлять образовательную деятельность.

Общество обратилось с жалобой в антимонопольный орган. По результатам рассмотрения указанной жалобы антимонопольный орган пришел к выводу о нарушении предприятием п. 9 ч. 1 ст. 10 Федерального

закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон № 135-ФЗ) в связи с уклонением от осуществления стажировки морских лоцманов, без прохождения которой лоцманы общества не могут оказывать услуги лоцманской проводки в морском порту.

Антимонопольным органом выдано предписание, согласно которому предприятию надлежит в течение 20 дней с момента получения предписания начать оказывать кандидатам в морские лоцманы общества на взаимовыгодных условиях услуги по стажировке морских лоцманов на судах, лоцманская проводка которых осуществляется в морском порту, и продолжать оказание указанных услуг по стажировке не менее шести месяцев подряд, но не более одного года; разместить на официальном сайте предприятия типовой договор на оказание услуг по стажировке морских лоцманов на судах, лоцманская проводка которых осуществляется в морском порту.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предписания антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды указали, что, обладая рыночной властью ввиду единоличного присутствия на рынке услуг лоцманской проводки судов в морском порту и осознавая, что без проведения стажировки лоцманов общество как конкурирующая компания в принципе не имеет возможности выйти на этот рынок, предприятие создало искусственный барьер для входа иного хозяйствующего субъекта на рынок услуг по обеспечению лоцманской проводки судов в морском порту.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования предприятия, указав на следующее.

Отношения, связанные с деятельностью морских лоцманов, регулируются Кодексом торгового мореплавания Российской Федерации и Положением о морских лоцманах Российской Федерации, утвержденным Приказом Министерства транспорта Российской Федерации от 22 июля 2008 г. № 112 (далее – Положение № 112).

Пунктом 29 Положения № 112 установлено, что подготовка кандидатов в морские лоцманы и повышение квалификации морских лоцманов осуществляется в образовательных учреждениях профессионального образования.

Стажировка проводится под руководством квалифицированных морских лоцманов, имеющих стаж работы в качестве морского лоцмана не менее пяти лет. Морским лоцманам и кандидатам в морские лоцманы,

успешно прошедшим стажировку, выдается справка, подготовленная на основании отзывов морских лоцманов, операторов СУДС, проводивших стажировку морского лоцмана (кандидата в лоцманы), и подписанная руководителем лоцманской организации (п. 30 Положения № 112).

Согласно п. 2 ст. 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон № 273-ФЗ) дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки).

Частью 12 ст. 76 Закона № 273-ФЗ определено, что дополнительная профессиональная программа может реализовываться в формах, предусмотренных Законом № 273-ФЗ, а также полностью или частично в форме стажировки.

Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 499 утвержден Порядок осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам (далее – Порядок № 499), который устанавливает правила организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам организациями, осуществляющими образовательную деятельность.

В п. 13 Порядка № 499 дано описание такой формы реализации дополнительной профессиональной программы как стажировка. Содержание стажировки определяется организацией с учетом предложений организаций, направляющих специалистов на стажировку, содержания дополнительных профессиональных программ.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 91 Закона № 273-ФЗ деятельность по реализации образовательных программ является образовательной деятельностью, которая подлежит лицензированию.

Таким образом, из системного толкования названных норм следует, что стажировка морских лоцманов, являясь одной из форм дополнительной профессиональной программы повышения квалификации морского лоцмана сторонних лоцманских организаций, должна производиться в учреждениях, осуществляющих образовательную деятельность и имеющих соответствующую лицензию.

Как установлено судами, предприятие образовательную деятельность не осуществляет и не осуществляло, соответствующей лицензией не располагает, в структуре предприятия отсутствует специализированное образовательное подразделение.

На основании вышеизложенного отказ в заключении с обществом договора на стажировку лоцманов в связи с отсутствием у предприятия

соответствующей лицензии на осуществление образовательной деятельности не свидетельствует о нарушении положений Закона № 135-ФЗ и не создает со стороны предприятия препятствий для доступа общества на рынок услуг лоцманской проводки судов в морском порту.

Определение № 305-ЭС19-22302

37. Применение антимонопольным органом мер государственного принуждения на стадии вынесения предупреждения при обнаружении признаков нарушения законодательства является недопустимым.

В антимонопольный орган поступила жалоба организации на недобросовестное конкурентное поведение общества, допущенное при участии в электронном аукционе на оказание предприятию услуг по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

По результатам рассмотрения жалобы антимонопольный орган посчитал, что расчет предложенной цены контракта выполнен обществом без учета положений аукционной документации и Указания Банка России от 19 сентября 2014 г. № 3384-У «О предельных размерах базовых ставок страховых тарифов и коэффициентах страховых тарифов, а также порядке их применения страховщиками при определении страховой премии по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в результате чего данное лицо получило необоснованное преимущество при участии в конкурсной процедуре перед иными участниками аукциона, в том числе организацией, не имевшими возможности принять участие в закупке на равных с обществом условиях.

Поскольку указанные действия общества привели к введению заказчика в заблуждение в отношении цены контракта и направлены на получение преимуществ перед другими участниками аукциона при осуществлении предпринимательской деятельности, антимонопольный орган пришел к выводу о наличии в действиях общества признаков недобросовестной конкуренции, запрещенной ст. 14.8 Закона № 135-ФЗ.

Данный вывод послужил основанием для выдачи обществу предупреждения о необходимости устранения причин и условий, способствовавших возникновению нарушения, путем издания локального нормативного акта (внесения изменений в существующий), содержащего требование осуществлять расчет страховых сумм в соответствии с нормами действующего законодательства при участии в электронных аукционах на оказание услуг по обязательному страхованию гражданской ответственности владельцев транспортных средств и осуществлять контроль за результатами

работы сотрудников, ответственных за расчеты цен контрактов, предлагаемых обществом при участии в электронных аукционах, а также о необходимости устранения последствий выявленного нарушения путем перечисления в бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, в размере суммы страховой премии, причитающейся обществу в соответствии с муниципальным контрактом, заключенным с предприятием по результатам названного электронного аукциона.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании предупреждения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявленного требования отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции в части указания обществу на необходимость устранения последствий выявленного нарушения путем перечисления в бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства отменено, в указанной части требование общества удовлетворено. В остальной части решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменений постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, обратив внимание на следующее.

В силу ч. 3 ст. 51 Закона № 135-ФЗ лицо, чьи действия (бездействие) в установленном данным законом порядке признаны монополистической деятельностью или недобросовестной конкуренцией и являются недопустимыми в соответствии с антимонопольным законодательством, по предписанию антимонопольного органа обязано перечислить в федеральный бюджет доход, полученный от таких действий (бездействия).

Данная мера, как отмечено в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 24 июня 2009 г. №11-П, имеет компенсаторный характер – она призвана обеспечивать восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсировать таким образом не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства, что обуславливает возможность ее применения за совершение деяний, связанных с монополистической деятельностью и нарушением требований добросовестной конкуренции, параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер.

В то же время правовой механизм взыскания с хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением

антимонопольного законодательства, должен основываться на конституционных принципах справедливости, юридического равенства, пропорциональности и соразмерности вводимых мер конституционно значимым целям и их согласованности с системой действующего правового регулирования, в связи с чем лицо, к которому применяется мера государственного принуждения за нарушение антимонопольного законодательства, – должно иметь возможность подтверждать свою невиновность в предусмотренных законом процедурах. На этом основании Конституционный Суд Российской Федерации признал, что ст. 51 Закона № 135-ФЗ не предполагает выдачу предписания о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного хозяйствующим субъектом вследствие нарушения антимонопольного законодательства, без установления его вины.

Таким образом, перечисление дохода хозяйствующего субъекта в федеральный бюджет как особая мера государственного принуждения может быть применена только при условии, что, во-первых, в действиях хозяйствующего субъекта установлен факт нарушения антимонопольного законодательства, во-вторых, данный факт установлен в надлежащей правовой процедуре, регламентированной Законом № 135-ФЗ, в рамках которой хозяйствующему субъекту гарантируется право на защиту.

Однако цель вынесения предупреждения состоит в предоставлении возможности хозяйствующему субъекту самостоятельно устранить допущенные им нарушения антимонопольного законодательства и их последствия, если таковые имели место в действительности, при согласии с этим хозяйствующего субъекта, а не в применении мер государственного принуждения.

При выдаче предупреждения антимонопольный орган согласно ч. 2 ст. 39¹ Закона № 135-ФЗ устанавливает лишь признаки нарушения антимонопольного законодательства, а не факт допущенного нарушения. Вопрос о виновности хозяйствующего субъекта в антимонопольном правонарушении при выдаче предупреждения также не исследуется.

Факт нарушения антимонопольного законодательства и вина в его совершении устанавливаются антимонопольным органом в порядке, установленном гл. 9 Закона № 135-ФЗ, после возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства.

Именно в рамках процедуры рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства лицу, в отношении которого возбуждено дело, законом гарантируется право на защиту, включающее в себя, помимо прочего, право на ознакомление с доказательствами, собранными антимонопольным органом, право на предоставление своих объяснений и доказательств, право быть выслушанным комиссией

антимонопольного органа в проводимом ею заседании (ст. 43 и 45 Закона № 135-ФЗ).

Учитывая изложенное, предупреждение антимонопольного органа о необходимости устранения последствий выявленного нарушения путем перечисления в бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, не соответствует положениям Закона № 135-ФЗ и, следовательно, является неправомерным.

Определение № 309-ЭС19-19206

38. Участник закупки, не направивший подписанный экземпляр контракта в период приостановления определения поставщика в связи с рассмотрением жалобы контрольным органом в сфере закупок, не считается уклонившимся от заключения контракта.

Муниципальным казенным предприятием (далее – заказчик) проведен открытый конкурс на оказание услуг по уборке территории общего пользования города, победителем которого признано общество.

Общество, не согласившись с проектом контракта, полученным для подписания от заказчика, обратилось с жалобой на действия заказчика в антимонопольный орган по субъекту Российской Федерации.

Антимонопольным органом в адрес заказчика направлено уведомление о приостановлении определения поставщика (подрядчика, исполнителя) в порядке ч. 7 ст. 106 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ).

По результатам рассмотрения жалобы общества антимонопольный орган вынес решение об отказе в ее удовлетворении, после чего общество направило заказчику подписанный контракт.

Заказчиком составлен протокол о признании общества уклонившимся от заключения контракта в связи с непоступлением подписанного контракта в установленный срок.

Жалоба общества на данное решение заказчика оставлена антимонопольным органом без удовлетворения.

Общество, считая свои права нарушенными, обратилось в суд с заявлением, в котором просило признать недействительным решение антимонопольного органа об отказе в удовлетворении жалобы на действия заказчика в части признания общества уклонившимся от заключения контракта.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанции, в удовлетворении требования общества отказано.

Суды исходили из того, что обществом как победителем конкурса не соблюден предусмотренный ч. 3 ст. 54 Закона № 44-ФЗ десятидневный срок подписания контракта и предоставления обеспечения исполнения контракта. Как отметили суды, общество должно было представить заказчику подписанный контракт и обеспечение его исполнения не позднее десяти дней после размещения проекта контракта в единой информационной системе. Принимая во внимание, что в обозначенный срок необходимые документы в адрес заказчика не поступили, последний был обязан признать общество уклонившимся от заключения контракта.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Глава 6 Закона № 44-ФЗ устанавливает возможность защиты прав участников закупки в административном порядке путем обжалования в контрольный орган в сфере закупок действий (бездействия) заказчика, комиссии по осуществлению закупок, если такие действия (бездействие) нарушают права и законные интересы участника закупки.

Механизм защиты прав участников закупки в административном порядке путем рассмотрения их жалоб контрольным органом в сфере закупок должен применяться в случаях действительных, а не мнимых нарушений прав и законных интересов участников закупки, и не должен создавать предпосылки для нарушения публичных интересов, состоящих в удовлетворении государственных (муниципальных) нужд при обеспечении экономности и результативности соответствующих бюджетных ассигнований.

В связи с этим положения гл. 6 Закона № 44-ФЗ должны толковаться и применяться таким образом, чтобы обеспечить восстановление прав участников закупки, исключить возможность злоупотребления правом как со стороны участников закупки, так и заказчиков, обеспечить удовлетворение публичных интересов.

К одному из таких положений относится ч. 7 ст. 106 Закона № 44-ФЗ, согласно которой контрольный орган в сфере закупок вправе приостановить определение поставщика в части заключения контракта до рассмотрения жалобы по существу, направив заказчику требование о приостановлении определения поставщика в части заключения контракта до рассмотрения жалобы по существу, которое является для них обязательным. В случае принятия решения о приостановлении определения поставщика контракт не может быть заключен до рассмотрения жалобы по существу. При этом срок,

установленный для заключения контракта, подлежит продлению на срок рассмотрения жалобы по существу.

Из содержания приведенной нормы вытекает, что в случае, когда контрольный орган в сфере закупок приостанавливает определение поставщика в части заключения контракта, продлению подлежит именно срок заключения контракта.

В соответствии со ст. 432 ГК РФ (пп. 1 и 2) заключение договора требует достижения соглашения по всем существенным условиям, в требуемой в подлежащих случаях форме, между всеми его участниками, и происходит посредством направления оферты (предложения заключить договор) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения) другой стороной.

Основываясь на данных положениях гражданского законодательства, а также учитывая, что в соответствии со ст. 54 Закона № 44-ФЗ заключение контракта опосредуется взаимными действиями заказчика и победителя закупки (обмен подписанными экземплярами договора), продлению на основании ч. 7 ст. 106 Закона № 44-ФЗ подлежит, в том числе срок, установленный ч. 3 ст. 54 Закона № 44-ФЗ для подписания контракта победителем закупки и для его направления заказчику.

Противоположное толкование положений Закона № 44-ФЗ не может быть признано правильным, поскольку вместо обеспечения восстановления прав победителя закупки оно создает формальные основания для признания победителя уклонившимся от заключения контракта, в то время как в действительности имело место не уклонение, а реализация участником закупки своего законного права на защиту в административном порядке.

Поскольку с учетом приостановления срока определения поставщика на период обжалования действий заказчика в антимонопольном органе, общество не нарушило десятидневный срок подписания контракта, оно не могло быть признано уклонившимся от заключения контракта.

Определение № 303-ЭС19-20549

Практика применения законодательства о налогах и сборах

39. Положения ст. 5 НК РФ не препятствуют применению уменьшенной кадастровой стоимости, вновь утвержденной по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом, если опубликованным (обнародованным) правовым актом субъекта Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости предусмотрено его применение с указанной даты.

В отношении принадлежащих предпринимателю на праве собственности земельных участков налоговый орган направил в адрес предпринимателя налоговое уведомление о перерасчете земельного налога за 2016 год, сумма которого исчислена исходя из кадастровой стоимости земельных участков, установленной постановлением Администрации Приморского края от 30 декабря 2010 г. № 437-па «О результатах государственной кадастровой оценки земель населенных пунктов Приморского края» (далее – постановление № 437-па).

Не согласившись с указанным налоговым уведомлением, предприниматель оспорил его в арбитражном суде, ссылаясь на то, что при исчислении земельного налога за 2016 год подлежала применению кадастровая стоимость земельных участков, установленная постановлением Департамента земельных и имущественных отношений Приморского края от 14 декабря 2015 г. № 5-п «Об утверждении результатов определения кадастровой стоимости земельных участков в составе земель населенных пунктов Приморского края» (далее – постановление № 5-п).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды пришли к выводу о том, что постановление № 5-п, на которое ссылается предприниматель, было опубликовано 16 декабря 2015 г. и вступило в силу с 16 января 2016 г., а, соответственно, на основании положений ст. 391, 393, п. 14 ст. 396 НК РФ подлежало применению при исчислении земельного налога с 1 января 2017 г. При этом доводы предпринимателя о том, что постановлением № 5-п снижена кадастровая стоимость его земельных участков, в связи с чем в силу ст. 5 НК РФ постановление № 5-п как улучшающее положение налогоплательщика действует с 1 января 2016 г. – дата вступления в силу, предусмотренная в п. 4 постановления № 5-п, суды отклонили, указав, что постановление № 5-п не содержит положений об обратной силе нормативного акта для целей налогообложения, а указание в нормативном правовом акте на его вступление в силу с 1 января 2016 г., не влияет на порядок определения момента вступления в силу для целей налогообложения.

На основании изложенного суды признали правомерным исчисление налоговым органом земельного налога за 2016 год исходя из кадастровой стоимости земельных участков, установленной постановлением № 437-па.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

В силу п. 4 ст. 5 НК РФ акты законодательства о налогах и сборах, отменяющие налоги, сборы и (или) страховые взносы, снижающие налоговые

ставки, размеры сборов и (или) тарифы страховых взносов, устраняющие обязанности налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов, налоговых агентов, их представителей или иным образом улучшающие их положение, могут иметь обратную силу, если прямо предусматривают это.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 2 июля 2013 г. № 17-П, рассматривая вопрос о конституционности положений п. 1 ст. 5 и ст. 391 НК РФ, признал их не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения предполагают, что нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости земельных участков в той части, в какой они порождают правовые последствия для граждан и их объединений как налогоплательщиков, действуют во времени в том порядке, который определен в НК РФ для вступления в силу актов законодательства о налогах и сборах.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 29 сентября 2016 г. № 1837-О, при решении вопроса о порядке введения в действие для целей налогообложения нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости земельных участков надлежит учитывать положения ст. 5 НК РФ, определяющие действие актов законодательства о налогах и сборах во времени. При этом в зависимости от конкретного содержания нормативного акта общее правило – «по истечении одного месяца и не ранее 1-го числа очередного налогового периода» – подлежит применению с учетом специального регулирования в отношении актов, улучшающих положение налогоплательщиков: такие акты могут вступать в силу в сроки, прямо предусмотренные этими актами, но не ранее даты их официального опубликования (абзацы первый и четвертый п. 1 ст. 5 НК РФ).

Таким образом, положения ст. 5 НК РФ не препятствуют применению уменьшенной кадастровой стоимости, вновь утвержденной по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом, если опубликованным (обнародованным) правовым актом субъекта Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости предусмотрено его применение с указанной даты.

С учетом изложенного при исчислении предпринимателю земельного налога за 2016 год в отношении спорных земельных участков подлежало применению постановление № 5-п, опубликованное 16 декабря 2015 г. и вступившее в силу с 1 января 2016 г. – с даты вступления в силу,

предусмотренной в п. 4 этого постановления, как улучшающее положение налогоплательщика.

Определение № 303-ЭС19-11712

40. При оценке законности доначисления налогов по результатам налоговой проверки значение имеет правильность определения недоимки налоговым органом, исходя из обстоятельств, которые были установлены в ходе налоговой проверки и давали основания для уменьшения суммы налога, а также обстоятельств, которые могли быть установлены при добросовестном исполнении своих обязанностей должностными лицами налогового органа и содействии налогоплательщика в их установлении.

По результатам выездной налоговой проверки, проведенной за период 2014–2016 годов, предпринимателю начислена недоимка по единому сельскохозяйственному налогу (далее – ЕСХН), соответствующие суммы пени и штрафа в связи с завышением расходов, включенных в налоговую базу.

Апелляционная жалоба предпринимателя на решение налогового органа о доначислении недоимки, пени и штрафа оставлена вышестоящим налоговым органом без удовлетворения.

Не согласившись с результатами налоговой проверки, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением, в котором просил признать решение налогового органа недействительным по основанию неправильного определения размера недоимки и завышения в связи с этим сумм пени и штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования предпринимателя отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Из материалов дела следовало, что предприниматель занимается выращиванием зерновых культур, между ним и банком в период 2010–2013 годов заключен ряд кредитных договоров. За счет средств, полученных в кредит, предприниматель приобрел сельскохозяйственную технику.

Основанием для доначисления ЕСХН по результатам выездной налоговой проверки послужил вывод налогового органа о неправомерном уменьшении в 2014–2015 годах доходов на затраты по приобретению сельскохозяйственной техники, поскольку данные затраты должны были учитываться в предшествующих налоговых периодах, когда техника была приобретена и фактически оплачена.

Суды трех инстанций признали выводы налогового органа правомерными.

Однако согласно п. 2 ст. 87 НК РФ налоговые проверки проводятся в целях контроля за соблюдением налогоплательщиком законодательства о налогах и сборах.

На основании п. 5 ст. 101 НК РФ в ходе рассмотрения материалов налоговой проверки руководитель (заместитель руководителя) налогового органа устанавливает, совершало ли лицо, в отношении которого был составлен акт налоговой проверки (участник (участники) консолидированной группы налогоплательщиков), нарушение законодательства о налогах и сборах.

В решении о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения излагаются обстоятельства совершенного привлекаемым к ответственности лицом налогового правонарушения так, как они установлены проведенной проверкой, со ссылкой на документы и иные сведения, подтверждающие указанные обстоятельства, доводы, приводимые лицом, в отношении которого проводилась проверка, в свою защиту, и результаты проверки этих доводов, решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности за конкретные налоговые правонарушения с указанием статей НК РФ, предусматривающих данные правонарушения, и применяемые меры ответственности. В решении о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения указываются размер выявленной недоимки и соответствующих пеней, а также подлежащий уплате штраф (п. 8 ст. 101 НК РФ).

Установленный законодательством о налогах и сборах порядок должен обеспечивать надлежащую реализацию прав и законных интересов налогоплательщиков в правовом государстве, что предполагает обязанность руководителя (заместителя руководителя) налогового органа провести всестороннюю и объективную проверку обстоятельств, влияющих на вывод о наличии недоимки (суммы налога, не уплаченной в срок), не ограничиваясь содержанием налоговой декларации, установить действительный размер налоговой обязанности, в том числе при разумном содействии налогоплательщика – с учетом сведений и документов, представленных им с возражениями на акт налоговой проверки и в ходе рассмотрения материалов налоговой проверки в соответствии с п. 6 ст. 100, п. 4 ст. 101 НК РФ.

Таким образом, при оценке законности доначисления налогов по результатам налоговой проверки значение имеет правильность определения недоимки налоговым органом, исходя из обстоятельств, которые были установлены в ходе налоговой проверки и давали основания для уменьшения суммы налога, а также обстоятельств, которые могли быть установлены при

добросовестном исполнении своих обязанностей должностными лицами налогового органа и при содействии налогоплательщика в их установлении.

Выявленное налоговым органом нарушение состояло в том, что затраты на приобретение объектов основных средств, подлежащие учету для целей налогообложения в соответствующих налоговых периодах после приобретения этих объектов, были неправильно квалифицированы налогоплательщиком как расходы на возврат основного долга по кредитам и ошибочно учтены в более поздних налоговых периодах 2014–2015 годов.

Само по себе то обстоятельство, что приобретение объектов основных средств имело место до 2014 года, не исключало необходимости учета фактически понесенных налогоплательщиком расходов в той мере, в какой они имеют отношение к налоговым периодам, охваченным выездной налоговой проверкой с учетом права плательщика ЕСХН на перенос убытков прошлых лет (п. 5 ст. 346⁶ НК РФ).

В данном случае в ходе проведения налоговой проверки предприниматель представил в инспекцию документы, подтверждающие, по его мнению, расходы на приобретение объектов основных средств (в том числе договоры, товарные накладные и платежные поручения), а в возражениях на акт налоговой проверки – просил инспекцию учесть фактически понесенные им расходы на приобретение производственного оборудования, оплаченные за счет кредитных средств.

Поскольку данные документы не являлись предметом оценки судов, и судами не дана оценка законности оспариваемого решения налогового органа с учетом вышеназванных норм права, дело направлено на новое рассмотрение.

Определение № 309-ЭС19-21200

Практика применения таможенного законодательства

41. Выявление брака в поставленном товаре после его ввоза на таможенную территорию само по себе не является основанием для изменения кода классификации товара для таможенных целей и дополнительной уплаты таможенных платежей, если согласно Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза критерием классификации товара является его предполагаемое использование и в действиях декларанта отсутствуют признаки ввоза одного товара под видом другого с целью экономии на уплате таможенных платежей.

Общество осуществило ввоз и заявило к таможенному оформлению товары, классифицированные обществом по коду Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД) 0407 11 000 0 «оплодотворенные яйца для инкубации: кур домашних (*Gallus domesticus*)».

По результатам таможенной проверки приняты решения о классификации, согласно которым часть товара классифицирована по коду ТН ВЭД 0407 21 000 0 «неоплодотворенные яйца кур домашних (*Gallus domesticus*), свежие, бройлерные», а также решения о внесении изменений и (или) дополнений в сведения, указанные в декларации на товары.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений таможенного органа незаконными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды руководствовались Основными правилами интерпретации ТН ВЭД, входящими в Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза, утвержденными решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. № 54 (далее – ОПИ), положениями отраслевого стандарта ОСТ 10321-2003 «Яйца куриные инкубационные» (введен Минсельхозом России 1 апреля 2003 г.), ГОСТом 18473-88 «Птицеводство. Термины и определения» и исходили из того, что для классификации товара к коду ТН ВЭД ЕАЭС 0407 11 000 0 («оплодотворенные яйца для инкубации: кур домашних (*Gallus domesticus*)»), заявленному обществом, ввезенные обществом яйца домашней птицы (кур домашних) должны одновременно отвечать следующим условиям: быть инкубационными и оплодотворенными яйцами.

Поскольку часть ввезенных товаров по результатам процедуры инкубирования оказалась неоплодотворенной, суды пришли к выводу о том, что эта часть товаров не подпадает под товарную позицию ТН ВЭД 0407 11 000 0 со ставкой ввозной таможенной пошлины 0 процентов. По мнению судов, общество при обнаружении несоответствия товаров должно было инициировать процедуру внесения изменений в декларации на товар, изменив в отношении части товара классификационный код и указав код ТН ВЭД 0407 21 000 0 («неоплодотворенные яйца кур домашних (*Gallus domesticus*), свежие, бройлерные»), доплатив соответствующие суммы таможенных платежей.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявленные требования, указав следующее.

Как следует из п. 2 ст. 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.), международной основой ТН ВЭД выступает Гармонизированная система описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее – Гармонизированная система), функционирующая на основании Международной Конвенции по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (заключена в Брюсселе 14 июня 1983 г.).

С учетом этого участники внешнеэкономической деятельности вправе ожидать, что осуществляемая в соответствии с Гармонизированной системой классификация товаров, имеющая значение, в том числе, для определения размера таможенных платежей, будет носить объективный, предсказуемый и прозрачный характер, унифицированный в большинстве государств мира, и не будет зависеть от усмотрения таможенных органов, что являлось бы недопустимым в публичных правоотношениях.

В связи с изложенным, при рассмотрении споров о классификации ввозимых товаров для таможенных целей согласно ОПИ 1 и 6 должны приниматься во внимание их объективные свойства и характеристики, имеющие значение для правильной классификации согласно описанию соответствующей товарной позиции или субпозиции, а также может учитываться международная практика классификации таких товаров.

Из текста товарной субпозиции ТН ВЭД 0407 11 следует, что по данному коду классифицируются оплодотворенные яйца для инкубации кур домашних при условии подтверждения уполномоченным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в сфере ветеринарии, карантина и защиты растений, государства – члена Евразийского экономического союза целевого назначения ввозимого товара.

Таким образом, для правильной классификации товаров значение имеет предполагаемое использование ввозимых куриных яиц – их предназначение для инкубации. Соответственно, само по себе то обстоятельство, что часть ввезенных яиц оказалась непригодной для инкубации и является браком, не свидетельствует об отсутствии оснований для классификации этой части товара по коду ТН ВЭД 0407 11.

Названные товары ввозились с целью выращивания цыплят-бройлеров, целевое значение ввозимых яиц подтверждено разрешениями на ввоз, данными Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору, представленные таможенному органу при декларировании товара.

Бракованная (неоплодотворенная) часть яиц фактически не была использована обществом в своей деятельности, а была утилизирована, в подтверждение чего общество представило ветеринарные свидетельства на утилизацию и соответствующие накладные.

Кроме того, настаивая на правомерности своих действий при декларировании товара, общество отмечало, что примененные им классификационные коды соответствуют коду комбинированной номенклатуры Европейского союза, указанной в экспортной декларации. Тот факт, что на момент экспорта товара часть продукции могла уже являться технологическим браком, не менял подхода таможенных органов стран экспорта к классификации данной части товара.

При этом суды не установили обстоятельств, которые бы свидетельствовали о том, что общество заведомо знало о том, что ввозимые им куриные яйца непригодны для инкубации. Признаков того, что общество ввозило один товар (яйца свежие) под видом другого (яйца для инкубации) и имело намерение получить экономию таможенных платежей за счет этого, таможенный орган не установил. Напротив, как указывало общество, инкубационные яйца нельзя рассматривать как яйца свежие прочие в силу, в частности, наличия в инкубационном яйце высокотехнологического генетического материала, и в этой связи его существенно более высокой стоимости по сравнению с обычным пищевым яйцом.

В такой ситуации взимание таможенных платежей с неоплодотворенной части инкубационных яиц, имеющих большую стоимость и подлежащих утилизации, по тем же ставкам таможенных пошлин, которые установлены в отношении относительно более дешевых свежих яиц, предназначенных для потребления, нарушает принцип равенства и придает данным платежам характер санкции, налагаемой на добросовестных участников внешнеэкономической деятельности в связи с особенностями их хозяйственной деятельности и в отсутствие противоправного поведения с их стороны, что не может быть признано допустимым.

Определение № 310-ЭС19-24856

42. Участник внешнеэкономической деятельности, полагающий, что его права и законные интересы нарушены тем фактом, что задолженность по истечении установленного законодательством срока ее принудительного взыскания продолжает учитываться таможенными органами, не лишен права требовать в судебном порядке признания соответствующих сумм задолженности безнадежными к взысканию и списания этой задолженности.

На основании внешнеторгового контракта общество ввезло товар на таможенную территорию и осуществило его таможенное декларирование.

После уплаты таможенных платежей товар выпущен для внутреннего потребления.

По результатам контроля, начатого после выпуска товаров, таможенным органом приняты решения о классификации товаров, ввезенных по названным декларациям, по Единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. Изменение классификационного кода в сравнении с кодом, указанным в декларациях, повлекло доначисление таможенных платежей, в связи с чем таможен в адрес общества направлены требования об уплате таможенных платежей.

Общество, полагая, что задолженность, образованная в соответствии с вышеназванными требованиями, неправомерно продолжает учитываться таможенным органом после истечения срока ее принудительного взыскания, что нарушает его права и законные интересы в сфере экономической деятельности, обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором, помимо прочего, просило обязать ФТС России исключить незаконно сформированную задолженность, исчисляемую на основании вышеназванных требований.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением судов апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении требования предпринимателя отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 160 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 311-ФЗ), утрата таможенными органами возможности взыскания задолженности по уплате таможенных платежей (недоимка), пеней, процентов, числящейся за отдельными плательщиками таможенных пошлин, налогов, являлась основанием для признания такой задолженности безнадежной к взысканию в судебном порядке и ее списания таможенным органом.

В настоящее время данное основание списания задолженности также предусмотрено п. 5 ч. 1 ст. 82 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закона № 289-ФЗ).

Таким образом, участник внешнеэкономической деятельности, полагая, что его права и законные интересы нарушены тем фактом, что задолженность по истечении установленного законодательством срока ее принудительного взыскания продолжает учитываться таможенными органами, не лишен права требовать в судебном порядке признания

соответствующих сумм задолженности безнадежными к взысканию и списания этой задолженности.

Аналогичная позиция о праве налогоплательщика инициировать судебное разбирательство по вопросу признания задолженности безнадежной к взысканию применительно к сходным положениям подп. 4 п. 1 ст. 59 НК РФ сформулирована в п. 9 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июля 2013 г. № 57 «О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации» и носит универсальный характер.

Заявляя требование об исключении спорной задолженности по основанию истечения срока ее принудительного взыскания и нарушения своих прав тем фактом, что данная задолженность продолжает учитываться таможенным органом, общество по сути просило о ее списании как безнадежной к взысканию.

При таком положении судам следовало разрешить спор по существу, проверив наличие оснований для применения п. 4 ч. 1 ст. 160 Закона № 311-ФЗ (п. 5 ч. 1 ст. 82 Закона № 289-ФЗ), при необходимости привлечь таможенную, направившую требования об уплате таможенных платежей, к участию в деле в качестве ответчика.

Поскольку обстоятельства, связанные с истечением срока принудительного взыскания задолженности, не проверялись судами, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 305-ЭС19-17000

43. Выпуск для внутреннего потребления товара, ввезенного в Российскую Федерацию и происходящего не с таможенной территории Евразийского экономического союза, в отношении которого действуют специальные правила подтверждения соответствия продукции техническим требованиям в целях ее безопасности, без проведения инспекционного контроля не допускается.

Обществом в таможенный орган подана декларация, в соответствии с которой под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления заявлен товар – портландцемент.

В целях контроля за соблюдением мер технического регулирования таможенным органом у общества запрошены документы (сведения) о проведении дополнительного инспекционного контроля в отношении заявленной в декларации партии товара: акт дополнительного инспекционного контроля, подтверждающий соответствие цементной

продукции обязательным требованиям и решение органа по сертификации о подтверждении действия сертификата соответствия.

В ответ на запрос таможенного органа обществом направлено письмо об отсутствии предусмотренных законом оснований для истребования вышеназванных документов.

В связи с несоблюдением условий выпуска товаров таможенным органом отказано в выпуске товара, о чем сделана соответствующая запись в декларации.

Полагая, что отказ в выпуске товара противоречит таможенному законодательству и нарушает права заявителя в сфере экономической деятельности, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением, в котором просило признать решение таможенного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования общества удовлетворены.

Суды исходили из того, что для помещения продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия, под таможенные процедуры, предусматривающие возможность отчуждения или использования этой продукции в соответствии с ее назначением на территории Российской Федерации, достаточно представления в таможенные органы сертификата соответствия продукции. Суды отметили, что ГОСТ Р 56836-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Оценка соответствия. Правила Сертификации цемента» (далее – ГОСТ Р 56836-2016), предусматривающий проведение инспекционного контроля, имеет рекомендательный характер, что подтверждается приказом руководителя Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии «Об утверждении национального стандарта» № 1-ст, согласно которому указанный стандарт утвержден для добровольного применения и не является нормативным правовым актом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, указав на следующее.

На основании п. 1 ст. 53 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор, Союз) продукция, выпускаемая в обращение на территории Союза, должна быть безопасной.

В развитие положений п. 1 ст. 53 Договора взаимосвязанными положениями п. 1 ст. 7, подп. 10 п. 1 ст. 2 и подп. 3 п. 1 ст. 135 ТК РФ установлено, что товары перемещаются через таможенную границу Евразийского экономического союза и (или) помещаются под таможенные процедуры, в том числе под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления, при условии соблюдения запретов и ограничений,

под которыми понимаются применяемые в отношении перемещаемых товаров меры технического регулирования.

На основании подп. 3 п. 2 ст. 351 ТК РФ обеспечение запретов и ограничений в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Союза – относится к функциям таможенных органов.

Анализ приведенных положений права Союза позволяет сделать вывод о том, что обеспечение безопасности товаров, выпускаемых в обращение на территории Союза, относится к сфере публичного интереса, в связи с чем отношения, возникающие между декларантами и таможенными органами, связанные с подтверждением соответствия ввозимых товаров, строятся на императивных началах. Объем и порядок подтверждения соответствия товаров устанавливаются законодательством и не зависят от усмотрения декларанта.

В силу п. 2 ст. 184 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. №184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – Закон № 184-ФЗ) до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательная оценка соответствия, в том числе подтверждение соответствия и государственный контроль (надзор), осуществляется в соответствии с правилами и процедурами, установленными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными документами федеральных органов исполнительной власти, принятыми до дня вступления в силу данного закона.

Во исполнение указанных предписаний законодательства Правительство Российской Федерации приняло постановление № 982, которым (п. 3) поручило Федеральному агентству по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) и Федеральной таможенной службе с участием заинтересованных федеральных органов исполнительной власти на основе утвержденных единых перечней продукции обеспечить публикацию информации: о продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия с указанием нормативных документов, устанавливающих обязательные требования; о продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия при помещении под таможенные режимы, предусматривающие возможность отчуждения или использования в соответствии с ее назначением на таможенной территории Российской Федерации, с указанием кодов товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2015 г. № 930 «О внесении изменений в Единый перечень продукции, подлежащей обязательной сертификации» к числу продукции, подлежащей обязательной сертификации, отнесен цемент: портландцемент, цемент глиноземистый, цемент шлаковый, цемент суперсульфатный и аналогичные

гидравлические цементы, неокрашенные или окрашенные, готовые или в форме клинкеров.

Технический регламент в отношении цемента до настоящего времени не принят. В связи с этим Росстандарт разместил в электронно-цифровой форме на своем официальном сайте www.gost.ru информацию о том, что ввозимые в Российскую Федерацию портландцементы должны соответствовать ГОСТ Р 56836-2016.

Принимая во внимание изложенное, нормы, регламентирующие вопросы соответствия товаров, продукции определенным требованиям безопасности, установленные в целях защиты интересов третьих лиц, которые направлены на имплементацию п. 1 ст. 53 Договора, являются элементом публичного порядка Российской Федерации, и в силу этого обладают императивным характером.

Соответственно, безопасность ввозимого в Российскую Федерацию портландцемента должна подтверждаться в соответствии с ГОСТ Р 56836-2016, а вывод судов о необязательности применения этого национального стандарта применительно к отношениям, связанным с таможенным контролем за соблюдением запретов и ограничений при выпуске товаров в обращение на территории Союза противоречит императивным нормам права Союза, а именно – положениям п. 1 ст. 53 Договора и взаимосвязанным положениям пп. 1 и 2 ст. 7, подп. 3 п. 1 ст. 135 ТК РФ, п. 2 ст. 184 Закона № 184-ФЗ и п. 3 постановления № 982.

Национальный стандарт Российской Федерации в области оценки соответствия – ГОСТ Р 56836-2016 разработан для разъяснения процедур сертификации цемента на основе постановления № 982, устанавливает содержание процедур и порядок проведения работ по сертификации цемента на соответствие требованиям, установленным в соответствии с постановлением № 982.

Разделом 8 ГОСТ Р 56836-2016 (в редакции, действовавшей на момент декларирования товара), в частности, предусмотрено, что при ввозе на территорию Российской Федерации сертифицированной продукции, страной происхождения которой является страна, не являющаяся членом Евразийского экономического союза, орган по сертификации, выдавший сертификат соответствия, осуществляет дополнительный инспекционный контроль каждой ввозимой партии цемента, включающий отбор проб на границе, испытание и контроль всех характеристик, предусмотренных стандартом, на соответствие которому получен сертификат соответствия. По результатам инспекционного контроля орган по сертификации принимает решение согласно п. 8.19 (о подтверждении действия сертификата соответствия; о приостановке сертификата соответствия; о прекращении действия сертификата соответствия).

Инспекционный контроль является формой проведения систематической контрольной оценки соответствия товара, цель его проведения состоит в подтверждении того, что продукция продолжает соответствовать установленным требованиям, подтвержденным при сертификации, для поддержания правомерности выдачи сертификата соответствия (п. 3.11 ГОСТ Р 56836-2016 и п. 2.11 «ГОСТ 31815-2012. Межгосударственный стандарт. Оценка соответствия. Порядок проведения инспекционного контроля в процедурах сертификации»), является безопасной конкретная декларируемая партия товара.

Из изложенного следует, что в отношении цемента, ввозимого в Российскую Федерацию и происходящего не с таможенной территории Евразийского экономического союза, действуют специальные правила подтверждения соответствия продукции техническим требованиям, согласно которым проведение инспекционного контроля ввозимого товара является обязательным как исключаяющее риск введения в обращение опасной продукции с последующим причинением вреда жизни и здоровью человека, окружающей среде, личному, общественному и государственному имуществу.

*Определения № 306-ЭС20-387
№ 310-ЭС19-28641*

Практика обжалования предписаний административных органов

44. В силу ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» ограничение проведения проверки в 60 рабочих дней распространяется в целом на юридическое лицо, включая филиалы, представительства и обособленные подразделения, а не на определенную территорию деятельности юридического лица.

Управлением вынесено распоряжение (приказ) о проведении плановой выездной проверки общества по месту фактического осуществления им деятельности в ряде городов и районов субъекта Российской Федерации.

Полагая, что распоряжение (приказ) управления не соответствует требованиям Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального

контроля» (далее – Закон № 294-ФЗ) и нарушает его права и законные интересы, общество обратилось в арбитражный суд.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды отметили, что управление не нарушило требования Закона № 294-ФЗ в части сроков проведения проверки, оснований ее проведения и периодичности, поскольку срок проведения плановых проверочных мероприятий в отношении каждого филиала, представительства, подразделения в силу ч. 4 ст. 13 Закона № 294-ФЗ устанавливается отдельно, при этом проверка осуществляется на основании распоряжения, изданного органом государственного контроля (надзора) по месту фактического осуществления деятельности, и общий срок проведения проверки территориального подразделения не может превышать 60 рабочих дней. Названный срок представляет собой общий срок проверок всех филиалов, представительств, подразделений юридического лица и его следует исчислять в совокупности.

Поскольку общество осуществляет свою деятельность на территориях нескольких субъектов Российской Федерации, а оспариваемое распоряжение издано о проведении проверки в отношении филиалов, представительств и обособленных структурных подразделений заявителя, расположенных на территории одного субъекта Российской Федерации, срок проведения плановых проверочных мероприятий в такой ситуации должен устанавливаться отдельно. Суды также учли, что в течение последних трех лет плановых выездных проверок в отношении филиалов, представительств и обособленных структурных подразделений общества, расположенных на территории данного субъекта Российской Федерации, не проводилось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В ч. 4 ст. 13 Закона № 294-ФЗ закреплено правило установления срока проведения проверки в отношении юридического лица, которое осуществляет свою деятельность на территории нескольких субъектов Российской Федерации.

В соответствии с названной нормой срок проведения каждой из предусмотренных ст.ст. 11 и 12 Закона № 294-ФЗ проверок в отношении юридического лица, которое осуществляет свою деятельность на территории нескольких субъектов Российской Федерации, устанавливается отдельно по каждому филиалу, представительству, обособленному структурному подразделению юридического лица, при этом общий срок проведения проверки не может превышать шестьдесят рабочих дней. Данная редакция

ч. 4 ст. 13 Закона № 294-ФЗ (с указанием на общий срок проведения проверки) была уточнена Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Учитывая, что одной из основных целей принятия Закона № 294-ФЗ является усовершенствование существующей системы государственного контроля и снижения административной нагрузки на бизнес, в данном законе был установлен предельный период проверки: для юридического лица – 20 рабочих дней, а для юридического лица с филиалами – 60 рабочих дней.

Ограничение в 60 рабочих дней распространяется в целом на юридическое лицо, включая филиалы, представительства и обособленные подразделения, а не на определенную территорию деятельности юридического лица.

В отношении общества в течение 2018 года неоднократно проводились проверки его филиалов, расположенных в различных регионах Российской Федерации, общий срок проведения которых превысил 60 рабочих дней.

Довод управления о невозможности осуществить проверку общества, имеющего разветвленную сеть филиалов, за 60 рабочих дней не может быть поддержан, поскольку Закон № 294-ФЗ предоставляет возможность контролирующим органам осуществлять как выездные, так и документарные проверки, которые являются менее затратными с точки зрения временных и финансовых ресурсов контролирующего органа.

При этом Закон № 294-ФЗ, устанавливая сроки проведения плановых проверок и регулярность их проведения (не чаще, чем один раз в три года), во всех случаях имеет в виду юридическое лицо, индивидуального предпринимателя.

В соответствии с п. 2 ст. 8.1 Закона № 294-ФЗ рискориентированный подход представляет собой метод организации и осуществления государственного контроля (надзора), при котором в предусмотренных указанным федеральным законом случаях выбор интенсивности (формы, продолжительности, периодичности) проведения мероприятий по контролю, мероприятий по профилактике нарушения обязательных требований определяется отнесением деятельности юридического лица, индивидуального предпринимателя и (или) используемых ими при осуществлении такой деятельности производственных объектов к определенной категории риска либо определенному классу (категории) опасности.

В силу названной нормы отнесение к определенной категории опасности производится именно в отношении юридического лица, а не его

филиалов. Определенный класс опасности должен быть установлен один на все юридическое лицо, а не на каждый его филиал в разных регионах.

С учетом изложенного распоряжение (приказ) управления о проведении плановой выездной проверки не соответствует требованиям Закона № 294-ФЗ и нарушает права общества в предпринимательской деятельности.

Определение № 306-ЭС19-19540

45. Отсутствие деятельности по управлению многоквартирными домами в период более шести месяцев, то есть не реализация лицензиатом предоставленного ему права на осуществление лицензируемого вида деятельности, и не внесение в связи с этим соответствующих сведений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, не влечет применение административно-правовой санкции в виде аннулирования выданной лицензии.

Общество имело лицензию на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в субъекте Российской Федерации.

На заседании лицензионной комиссии субъекта Российской Федерации принято решение о направлении в суд заявления об аннулировании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в субъекте Российской Федерации.

Основанием для принятия указанного решения послужило отсутствие сведений о многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет общество, в реестре лицензий субъекта Российской Федерации более шести месяцев.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из факта отсутствия сведений о многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет общество, в реестре лицензий субъекта Российской Федерации в течение шести месяцев. Поскольку с момента получения лицензии лицензируемая предпринимательская деятельность обществом фактически не осуществлялась, суды сочли это обстоятельство основанием для аннулирования лицензии.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований, обратив внимание на следующее.

Согласно ст. 3 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – Закон № 99-ФЗ) лицензия – это специальное разрешение на право осуществления юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем конкретного вида деятельности (выполнения работ, оказания услуг, составляющих лицензируемый вид деятельности). То есть, лицензия это разрешение государства заниматься определенным видом деятельности и при получении лицензии лицензиату не вменяется обязанность осуществлять лицензируемую деятельность. Иное не установлено ни положениями Закона № 99-ФЗ, ни положениями ЖК РФ.

В силу п. 51 ч. 1 ст. 12 Закона № 99-ФЗ предпринимательская деятельность по управлению многоквартирными домами подлежит лицензированию.

Вопросам лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами посвящен раздел X ЖК РФ.

ЖК РФ также установлен судебный порядок аннулирования лицензии. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 199 ЖК РФ лицензия аннулируется по решению суда на основании рассмотрения заявления органа государственного жилищного надзора об аннулировании лицензии. Указанное заявление подается в суд на основании решения лицензионной комиссии.

Согласно ч. 6 ст. 192 ЖК РФ положения Закона № 99-ФЗ в части приостановления, возобновления действия лицензии, а также об установлении оснований для аннулирования лицензии не применяются при осуществлении лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами.

Таким образом, рассмотрение лицензионной комиссией вопроса об обращении в суд с заявлением об аннулировании лицензии возможно только по основаниям, установленным ЖК РФ.

Основания для рассмотрения лицензионной комиссией вопроса об обращении в суд с заявлением об аннулировании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами установлены ч. 2 ст. 199 ЖК РФ.

Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 485-ФЗ) указанная норма была дополнена фразой: «а также отсутствие в течение шести месяцев в реестре лицензий субъекта Российской Федерации сведений о многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат».

Этим же Законом в ст. 198 ЖК РФ введены чч. 5²–5⁴, устанавливающие новые основания для исключения многоквартирного дома из реестра лицензий субъекта Российской Федерации.

Часть 2 ст. 199 ЖК РФ в редакции Закона № 485-ФЗ изложена следующим образом: основанием для рассмотрения лицензионной комиссией вопроса об обращении в суд с заявлением об аннулировании лицензии на осуществление предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами является исключение из реестра лицензий субъекта Российской Федерации по основаниям, указанным в чч. 5–5⁴ ст. 198 ЖК РФ, сведений о многоквартирных домах, общая площадь помещений в которых составляет пятнадцать и более процентов от общей площади помещений в многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат, в течение календарного года, предшествующего дате принятия лицензионной комиссией решения об обращении в суд, а также отсутствие в течение шести месяцев в реестре лицензий субъекта Российской Федерации сведений о многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат.

Анализ названных положений ЖК РФ позволяет сделать вывод о том, что аннулирование лицензии на основании ч. 2 ст. 199 ЖК РФ в редакции Закона № 485-ФЗ допустимо, в частности, для случаев, когда из-за противоправного поведения лицензиата исключаются сведения о многоквартирных домах, из реестра лицензий субъекта Российской Федерации, в результате чего в реестре лицензий субъекта Российской Федерации отсутствуют в течение шести месяцев сведения о многоквартирных домах, деятельность по управлению которыми осуществляет лицензиат.

Норма ч. 2 ст. 199 ЖК РФ в совокупности с положениями раздела X ЖК РФ в целом не позволяет прийти к выводу о том, что отсутствие деятельности по управлению многоквартирными домами в период более шести месяцев, то есть нереализация лицензиатом предоставленного ему права на осуществление лицензируемого вида деятельности, и не внесение в связи с этим сведений о многоквартирных домах, находящихся в управлении лицензиата, в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, является противоправным и влечет применение административно-правовой санкции в виде аннулирования выданной лицензии.

Такая мера, как аннулирование лицензии, по своей правовой природе является административно-правовой санкцией и должна соответствовать требованиям, предъявляемым к подобного рода мерам юридической ответственности. В частности, применение конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным и соответствующим характеру

совершенного деяния. С учетом того, что лишение лицензии ограничивает правоспособность юридического лица, лишает возможности заниматься определенным видом деятельности, указанная мера должна являться необходимой для защиты экономических интересов Российской Федерации, прав и законных интересов потребителей и иных лиц.

Таким образом, отсутствие в управлении общества многоквартирных жилых домов не нарушает права и законные интересы потребителей и иных лиц. Аннулирование лицензии у общества при таких обстоятельствах не отвечает требованиям справедливости, является явно несоразмерным, лишает общество возможности заниматься определенным видом деятельности.

*Определения № 305-ЭС19-23363
№ 304-ЭС19-21271*

Процессуальные вопросы

46. Рассмотрение спора постоянно действующим арбитражным учреждением, не обладающим соответствующим статусом и компетенцией в Российской Федерации, является основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда согласно п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ.

Между обществом и компанией был заключен договор, согласно которому стороны договорились о рассмотрении всех споров, связанных с договором, в Хельсинском международном коммерческом арбитраже (далее – ХМКА).

Компания, ссылаясь на ненадлежащее исполнение обществом условий договора, обратилась с исковым заявлением в ХМКА.

Постановлением о компетенции и образовании третейского суда для разрешения конкретного спора председатель ХМКА постановил принять к производству заявление компании и образовать для разрешения спора третейский суд в лице арбитра ХМКА.

По результатам рассмотрения дела было вынесено решение, поименованное как решение третейского суда, которым с общества в пользу компании взыскан оплаченный аванс за непоставленный товар, неустойка, проценты за пользование чужими денежными средствами. В удовлетворении встречного иска общества о взыскании неустойки по договору отказано.

Ввиду неисполнения обществом указанного решения компания обратилось в арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения, названного как решение третейского суда.

Общество возражало против исполнения решения ХМКА, указывая, что третейский суд, названный в решении как третейский суд, образованный сторонами для разрешения конкретного спора, действовал в обход регулирования, установленного Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон об арбитраже), была создана видимость наличия третейского суда, администрируемого иностранным арбитражным учреждением, с целью избежать необходимости получения статуса постоянно действующего арбитражного учреждения (далее также – ПДАУ) в Российской Федерации. Также заявитель отмечает, что ХМКА не являлся по существу иностранным арбитражным учреждением, доказательства того, что третейское разбирательство, в результате которого состоялось решение, предъявленное к исполнению, администрировалось арбитражным учреждением, которое является иностранным, в материалах дела отсутствуют; администрирование арбитража осуществлялось в Российской Федерации.

Определением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования компании удовлетворены.

Суды указали на то, что к принудительному исполнению предъявлено решение, вынесенное состоявшимся в Российской Федерации третейским судом, администрируемым иностранным арбитражным учреждением, однако, не получившим в Российской Федерации статуса ПДАУ в соответствии с нормами Закона об арбитраже. Следовательно, по мнению судов, к такой ситуации применима специальная норма ч. 3 ст. 44 Закона об арбитраже о последствиях администрирования иностранным арбитражным учреждением, не получившим в Российской Федерации статуса ПДАУ, арбитража в Российской Федерации.

Согласно указанной норме принятые третейским судом на территории Российской Федерации при администрировании иностранными арбитражными учреждениями, которые не признаются постоянно действующими арбитражными учреждениями в соответствии с Законом об арбитраже, рассматриваются на территории Российской Федерации как арбитражные решения, принятые третейским судом, образованным сторонами для разрешения конкретного спора.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила принятые судебные акты и отказала в удовлетворении требований компании по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 44 Закона об арбитраже в Российской Федерации постоянно действующие арбитражные учреждения создаются при некоммерческих организациях. Постоянно действующее арбитражное

учреждение вправе осуществлять свою деятельность при условии получения некоммерческой организацией, при которой оно создано, права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, предоставляемого актом уполномоченного федерального органа исполнительной власти. Запрет администрирования арбитража со стороны арбитражных учреждений, не получивших права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения в соответствии со ст. 44 Закона об арбитраже, применяется по истечении одного года со дня установления Правительством Российской Федерации порядка предоставления права на осуществление функций ПДАУ, то есть, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2016 г. № 577 «Об утверждении Правил предоставления права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения и Положения о депонировании правил постоянно действующего арбитражного учреждения», с 1 ноября 2017 г.

Таким образом, с 1 ноября 2017 г. для администрирования арбитража в Российской Федерации необходимо наличие права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения.

Соответственно, из норм Закона об арбитраже, приведенных выше, следует, что постоянно действующие арбитражные учреждения, не получившие права администрировать арбитраж, не могут осуществлять эту деятельность. В отсутствие этого права учреждение, например, не может принимать иски, назначать или отводить арбитров, вести делопроизводство, собирать и распределять арбитражные сборы.

Указанный выше запрет с указанной даты применяется и в отношении иностранных арбитражных учреждений. В соответствии с ч. 3 ст. 44 Закона об арбитраже иностранные арбитражные учреждения признаются постоянно действующими арбитражными учреждениями при условии получения ими права на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения, за исключением иностранного арбитражного учреждения, которое указано в арбитражном соглашении участников (акционеров) международной компании, заключивших такое соглашение до регистрации международной компании на территории Российской Федерации.

Однако доказательств того, что ХМКА получил право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения в Российской Федерации как ПДАУ, созданное при некоммерческой организации Российской Федерации, равно как и иностранное арбитражное учреждение, отсутствуют. В перечне как российских, так и иностранных арбитражных учреждений, признаваемых постоянно действующими арбитражными учреждениями в Российской Федерации, который ведет Министерство юстиции Российской Федерации, ХМКА не упоминается.

Документы, подтверждающие факт получения разрешения постоянно действующим арбитражным учреждением с таким наименованием, не представлялись.

Исключением из вышеуказанного требования публичного порядка Российской Федерации о разрешительном характере деятельности постоянно действующих арбитражных учреждений в Российской Федерации является случай, когда арбитраж, администрируемый иностранным постоянно действующим арбитражным учреждением, не получивший статуса ПДАУ в Российской Федерации в соответствии с Законом об арбитраже, вынес решение на территории Российской Федерации по спору на основании арбитражного соглашения о разрешении спора в третейском суде *ad hoc* (ч. 3 ст. 44 Закона об арбитраже).

Суды признали ХМКА иностранным арбитражным учреждением и применили указанную норму ч. 3 ст. 44 Закона об арбитраже. Однако доказательства того, что администрирование арбитража осуществлялось иностранным ПДАУ отсутствуют. Напротив, имеются доказательства, которые свидетельствуют о том, что администрирование арбитража осуществлялось в Российской Федерации.

Поскольку отсутствуют доказательства администрирования арбитража иностранным арбитражным учреждением, норма ч. 3 ст. 44 (в части признания решения арбитража решением арбитража *ad hoc*) применена судами необоснованно.

При таких обстоятельствах процедура рассмотрения спора и принятия решения ХМКА была направлена на обход закона с целью рассмотрения спора арбитражным учреждением, не получившим статуса ПДАУ в Российской Федерации.

Между тем ст. 10 ГК РФ предусмотрено, что не допускаются действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Таким образом, с учетом указанных выше норм права и фактических обстоятельств дела, решение ХМКА противоречит публичному порядку Российской Федерации, поскольку спор между обществом и компанией был фактически рассмотрен постоянно действующим арбитражным учреждением, не обладающим соответствующим статусом и компетенцией в Российской Федерации, действующим в обход закона с противоправной целью, что является, в свою очередь, основанием для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 239 АПК РФ.

Определение № 304-ЭС19-20506

47. Правило о пропорциональном распределении судебных расходов в случае частичного удовлетворения искового требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права не препятствует их взысканию в разумных пределах, которые исключают возможность удовлетворения требования ответчика о взыскании судебных расходов в размере большем, чем взысканная с него компенсация при доказанности факта нарушения.

Институт обратился в арбитражный суд с иском к обществу и Щ. о взыскании солидарно 5 000 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и Суда по интеллектуальным правам, иски удовлетворены частично: с общества и Щ. взыскано солидарно в пользу института 100 000 руб. компенсации за нарушение исключительных прав на товарный знак, 960 руб. расходов по уплате государственной пошлины, в удовлетворении остальной части исковых требований отказано.

Щ. обратился в арбитражный суд первой инстанции с заявлением о взыскании с института понесенных в ходе рассмотрения дела судебных расходов на оплату услуг представителя в размере 392 000 руб.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление Щ. удовлетворено в полном объеме.

Постановлением Суда по интеллектуальным правам названные судебные акты оставлены без изменения, дополнительно с института в пользу Щ. взыскано 8 500 руб. в возмещение судебных расходов на оплату услуг представителя при рассмотрении кассационной жалобы.

Отклоняя довод института о неприменимости в рассматриваемом случае правила о пропорциональном распределении расходов, суды апелляционной и кассационной инстанций со ссылкой на правовую позицию, изложенную в п. 48 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г. (далее – Обзор), указали на то, что при взыскании компенсации за незаконное использование товарного знака судебные расходы относятся на истца пропорционально размеру необоснованно заявленной им компенсации.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила заявление Щ. о взыскании судебных

расходов на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В пп. 12, 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» разъяснено, что расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, взыскиваются судом с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах (ч. 2 ст. 110 АПК РФ); при неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов (ст. 110 АПК РФ); при неполном (частичном) удовлетворении имущественных требований, подлежащих оценке, судебные издержки присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответчику – пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано (ст. 110 АПК РФ).

Указанные процессуальные нормы направлены на установление условий, при которых соблюдался бы необходимый баланс процессуальных прав и обязанностей сторон.

Сформулированное в п. 48 Обзора правило о пропорциональном распределении расходов по уплате государственной пошлины, применимое и при распределении расходов на оплату услуг представителя, не препятствует справедливому их распределению в разумных пределах.

Обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым – на реализацию требования ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации. Именно поэтому в ч. 2 ст. 110 АПК РФ речь идет, по существу, об обязанности суда установить баланс между правами лиц, участвующих в деле.

В постановлении от 11 июля 2017 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации отметил возможность дифференциации правового регулирования распределения судебных расходов в зависимости от характера рассматриваемых судом категорий дел, в том числе с учетом особенностей заявляемых требований, что само по себе не может расцениваться как отступление от конституционных принципов правосудия.

Размер компенсации в защиту нарушенных интеллектуальных прав по смыслу п. 3 ст. 1252 ГК РФ и разъяснений, изложенных в п. 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», определяется судом по своему усмотрению в пределах, установленных ГК РФ, с учетом требований разумности и справедливости, исходя из конкретных обстоятельств дела, характера нарушения, срока незаконного использования, возможных убытков и иных факторов, в том числе определенных Конституционным Судом Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации в п. 4.2 постановления от 13 декабря 2016 г. № 28-П разъяснил, что взыскание предусмотренной подп. 1 ст. 1301, подп. 1 ст. 1311 и подп. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ компенсации за нарушение интеллектуальных прав, будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, является, тем не менее, частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ), а именно правообладателя и нарушителя его исключительного права на объект интеллектуальной собственности, и в рамках которого защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на осуществление прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, то есть таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Институт компенсации как мера ответственности за нарушение исключительных прав призван защищать интеллектуальную собственность. Требование о применении мер ответственности за нарушение исключительного права предъявляется к лицу, в результате противоправных действий которого нарушено исключительное право на конкретный объект интеллектуальной собственности.

Таким образом, указанная гражданско-правовая ответственность наступает за доказанный факт нарушения исключительного права на объект интеллектуальной собственности.

Судами при рассмотрении спора по существу в полной мере признана правомерность претензий истца к ответчикам, установлено, что институт обладает всеми необходимыми правами на товарный знак, установлен факт действительного совместного совершения ответчиками нарушения исключительного права истца, о котором он заявлял.

Однако при распределении судебных расходов судами не учтена суть возникших между сторонами материальных правоотношений и особенность заявленного требования о взыскании компенсации, не соотнесены размер взысканной компенсации и заявленных расходов.

При названных обстоятельствах Судебная коллегия считает, что взыскание с правообладателя расходов на оплату услуг представителя ответчика в полном объеме ограничивает в подобных случаях возможность защиты интеллектуальной собственности, и не только не обеспечит восстановления имущественной сферы истца, но и не будет способствовать достижению публично-правовой цели – стимулированию участников гражданского оборота к добросовестному, законопослушному поведению, исключая получение собственных преимуществ в предпринимательской деятельности с помощью неправомерных методов и средств.

Сложившаяся в настоящем деле ситуация, выражающаяся в возложении на институт – лицо, чье право было нарушено, обязанности выплатить в пользу одного из ответчиков сумму, превышающую в несколько раз взысканную с ответчиков в солидарном порядке компенсацию за допущенное ими нарушение, не соответствует требованиям справедливости, равенства и соблюдения баланса прав и законных интересов сторон.

Подобная ситуация противоречит п. 4 ст. 1 ГК РФ, согласно которому никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения, и фактически препятствует правообладателю защищать свое нарушенное право в судебном порядке.

Удовлетворение заявления ИЦ в полном объеме в данном случае привело к тому, что нарушенное им совместно с обществом исключительное право института не защищено, а задачи судопроизводства, перечисленные в ст. 2 АПК РФ, не достигнуты.

Определение № 305-ЭС19-26346

48. В случае если исполнительное производство по судебным актам, принятым до вступления в силу Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», в том числе в редакции Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», не завершено и право заявителя на исполнение судебного акта в разумный срок продолжает нарушаться, такое нарушение является основанием для обращения с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Решением арбитражного суда от 7 октября 2008 г., оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 15 декабря 2008 г. и постановлением федерального арбитражного суда от 23 марта 2009 г. удовлетворены требования общества о признании незаконными бездействие уполномоченных органов публичной власти и обязанности совершить действия по принятию решения о предоставлении в собственность обществу земельного участка и заключению договора купли-продажи.

На основании указанного решения суда 7 мая 2009 г. выданы исполнительные листы.

Добровольно уполномоченные органы решение суда не исполнили. В январе 2012 года возбуждены исполнительные производства, которые до настоящего времени не завершены, указанное решение не исполнено.

Определениями суда на уполномоченные органы четыре раза наложены штрафы за неисполнение вступившего в законную силу решения суда в отсутствие уважительных причин.

Общество обратилось в арбитражный суд округа с заявлением о взыскании с уполномоченных органов за счет казны компенсации за нарушение права на исполнение решения в разумный срок.

Решением арбитражного суда округа, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суд исходил из того, что Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон № 68-ФЗ) не имеет обратной силы.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение и постановление арбитражного суда округа и направила заявление общества на новое рассмотрение в арбитражный суд округа по следующим основаниям.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод и возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (чч. 1 и 2 ст. 46).

В соответствии со ст. 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и в силу ст. 16 АПК РФ вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П указано, что судебная защита, право на которую относится к основным неотчуждаемым правам и свободам человека и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод, не может быть признана действенной, если вынесенный в целях восстановления нарушенных прав судебный акт или акт иного уполномоченного органа своевременно не исполняется.

Согласно ч. 1 ст. 6¹ АПК РФ судопроизводство в арбитражных судах и исполнение судебного акта осуществляются в разумные сроки.

Положения, касающиеся присуждения компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, предписывающего государству выполнить обязательства имущественного и (или) неимущественного характера, приняты Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон № 450-ФЗ). Данный Закон вступил в действие с 1 января 2017 г.

Принятие этих изменений расширило внутригосударственные средства правовой защиты от нарушения права на исполнение в разумный срок судебных актов и повысило гарантии соблюдения конституционного права на судебную защиту лиц, права которых на исполнение в разумный срок вступивших в силу судебных актов, предусматривающих исполнение государством обязательств в натуре, нарушены.

Частью 8 ст. 3 Закона № 68-ФЗ (в редакции Закона № 450-ФЗ) предусмотрено, что заявление о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок может быть подано в суд, арбитражный суд до окончания производства по исполнению судебного акта, возлагающего на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих обязанность исполнить иные требования имущественного характера и (или) требования неимущественного характера, но не ранее чем через шесть месяцев со дня истечения срока, установленного федеральным законом для исполнения судебного акта, или не позднее чем через шесть месяцев со дня окончания производства по исполнению судебного акта. Аналогичное правило закреплено в ч. 3 ст. 222¹ АПК РФ.

Возникновение права на присуждение компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок обусловлено неисполнением судебного акта в установленные сроки, исчисление которых

начинается с момента предъявления исполнительного листа к исполнению и продолжается до окончания производства по исполнению судебного акта.

Положения ч. 2 ст. 3 Закона № 450-ФЗ, согласно которым в течение шести месяцев со дня вступления в силу данного Закона лица, подавшие в Европейский Суд по правам человека жалобу на предполагаемое нарушение их права на исполнение судебного акта в разумный срок, в отношении которой не вынесено решение по вопросу ее приемлемости или по существу дела, могут обратиться в порядке, установленном Законом № 68-ФЗ (в редакции Закона № 450-ФЗ) и процессуальным законодательством Российской Федерации, в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок с указанием в нем даты обращения с жалобой в Европейский Суд по правам человека и номера этой жалобы, предусматривают дополнительную гарантию прав лиц, обратившихся с жалобой в Европейский Суд по правам человека до вступления в силу Закона № 450-ФЗ, жалоба которых не рассмотрена, получить внутригосударственную защиту в порядке Закона № 68-ФЗ.

Таким образом, в случае если исполнительное производство по судебным актам, принятым до вступления в силу Закона № 68-ФЗ, в том числе в редакции Закона № 450-ФЗ, не завершено и право заявителя на исполнение судебного акта в разумный срок продолжает нарушаться вплоть до настоящего времени, такое нарушение является основанием для обращения с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Определение № 305-ЭС19-2454

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Назначение наказания

49. Суд кассационной инстанции, указав на применение принципа частичного сложения назначенных осужденному наказаний по правилам ч. 2 ст. 69 УК РФ, фактически полностью сложил наказание.

По приговору мирового судьи от 20 декабря 2018 г. Х., ранее неоднократно судимый, осужден к лишению свободы: по ч. 3 ст.30, ст.158¹ УК РФ (по эпизоду в отношении АО «Т») на 6 месяцев, по ст.158¹ УК РФ (по эпизоду в отношении ООО «А») на 8 месяцев. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения

наказаний осужденному назначен 1 год лишения свободы. В соответствии со ст. 73 УК РФ назначенное осужденному наказание постановлено считать условным с испытательным сроком на 2 года с возложением на осужденного обязанностей, указанных в приговоре.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

По постановлению суда кассационной инстанции от 17 июля 2019 г. указанный выше приговор изменен и назначенное Х. по ч. 3 ст.30, ст.158¹ УК РФ наказание смягчено до 4 месяцев лишения свободы, по ст.158¹ УК РФ – до 6 месяцев лишения свободы. На основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно осужденному назначено 10 месяцев лишения свободы, в соответствии со ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 2 года. В остальной части приговор оставлен без изменения.

В кассационной жалобе осужденный просил изменить постановление суда кассационной инстанции и смягчить назначенное ему наказание, поскольку, указав на применение принципа частичного сложения назначенных ему наказаний, кассационная инстанция фактически применила принцип полного сложения наказаний.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила судебные решения по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 69 УК РФ, если все преступления, совершенные по совокупности, являются преступлениями небольшой или средней тяжести, либо приготовлением к тяжкому или особо тяжкому преступлению, либо покушением на тяжкое или особо тяжкое преступление, окончательное наказание виновному назначается путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем частичного или полного сложения назначенных наказаний.

Как следует из материалов уголовного дела, суд кассационной инстанции изменил постановленный в отношении Х. приговор: смягчил назначенное ему наказания за каждое из совершенных преступлений и указал на назначение окончательного наказания на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний, однако при этом фактически применил принцип полного сложения наказаний.

Судебная коллегия изменила постановление от 17 июля 2019 г. и смягчила назначенное осужденному окончательное наказание на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений до 9 месяцев лишения свободы, с применением ст. 73 УК РФ условно с испытательным сроком на 2 года.

Определение № 49-УД19-21

Процессуальные вопросы

50. Неразъяснение осужденному порядка заявления ходатайства об участии в судебном заседании и рассмотрение дела в его отсутствие послужило основанием для отмены постановления суда кассационной инстанции.

По приговору от 18 марта 2015 г. С. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ.

Также С. осужден по приговору от 28 июля 2016 г. по ч. 2 ст. 228 УК РФ и по приговору от 6 апреля 2017 г. по ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ.

Постановлением президиума Верховного Суда Республики Башкортостан от 12 сентября 2018 г. С. освобожден от назначенного наказания по приговору от 18 марта 2015 г. на основании пп. 4 и 12 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 апреля 2015 г. «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» со снятием судимости.

Этим же постановлением приняты решения об изменении приговоров от 28 июля 2016 г. и 6 апреля 2017 г., в том числе в части назначенного С. наказания.

В кассационной жалобе осужденный просил отменить постановление президиума, поскольку он не принимал участия в заседании суда кассационной инстанции, так как ему это право не разъяснялось.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Шестой кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям.

Согласно ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ при рассмотрении уголовного дела по кассационной жалобе участников процесса осужденный, отбывающий наказание в виде лишения свободы, вправе принимать участие в судебном заседании непосредственно либо путем использования систем видеоконференц-связи при условии заявления им ходатайства об этом, которое может быть заявлено в кассационной жалобе либо в течение трех суток со дня получения им извещения о дате, времени и месте заседания суда кассационной инстанции.

Из материалов уголовного дела усматривается, что при отсутствии апелляционного пересмотра и разъяснения осужденному порядка обжалования судебного решения в вышестоящую инстанцию президиумом Верховного Суда Республики Башкортостан при принятии к рассмотрению

кассационной жалобы осужденного хотя и разъяснялось его право на участие в судебном заседании суда кассационной инстанции, однако порядок заявления ходатайства об этом ему разъяснен не был.

Помимо этого, на заседании суда кассационной инстанции не обсуждался вопрос и о возможности рассмотрения данного уголовного дела в отсутствие осужденного.

Определение № 49-УД20-3

51. Неправильное применение уголовного закона, выражающееся в необоснованной квалификации содеянного по уголовному закону о менее тяжком преступлении и повлекшее назначение осужденному явно несправедливого наказания явилось основанием для пересмотра судебного решения в кассационном порядке с поворотом к худшему.

По приговору Промышленного районного суда г. Самары (оставленному без изменения судом апелляционной инстанции) М. осужден по ч. 3 ст. 228 УК РФ к 10 годам лишения свободы.

По постановлению президиума Самарского областного суда приговор и апелляционное определение изменены: действия осужденного переквалифицированы с ч. 3 ст. 228 на ч. 2 ст. 228 УК РФ, по которой назначено 3 года 6 месяцев лишения свободы. Также из описательно-мотивировочной части приговора исключена ссылка на признание в качестве отягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ, особо опасного рецидива преступлений, и постановлено считать отягчающим наказанием обстоятельством рецидив преступлений.

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации в кассационном представлении поставил вопрос об отмене указанного постановления, поскольку суд кассационной инстанции необоснованно переквалифицировал действия осужденного на менее тяжкое преступление, что повлекло назначение явно несправедливого наказания. Автор представления отмечал, что приговор оспаривался осужденным только в части суровости назначенного ему наказания за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 228 УК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Шестой кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям.

Суд кассационной инстанции мотивировал свое решение тем, что между приговором и его копией, направленной осужденным вместе с жалобой в суд кассационной инстанции, имеются противоречия: в

описательно-мотивировочной части приговора указано, что действия осужденного подпадают под ч. 3 ст. 228 УК РФ, а в копии приговора – под ч. 2 ст. 228 УК РФ.

При этом иные мотивы необходимости переквалификации действий осужденного в постановлении президиума отсутствуют.

Вместе с тем из имеющегося в деле приговора следует, что М. признан виновным и осужден по ч. 3 ст. 228 УК РФ за незаконные приобретение и хранение без цели сбыта наркотических средств в особо крупном размере. При этом описательно-мотивировочная и резолютивная части обвинительного приговора в части квалификации содеянного М. никаких противоречий не содержат.

В нарушение положений ст. 401⁵ УПК РФ вывод о необходимости изменения квалификации действий осужденного судом кассационной инстанции надлежащим образом не мотивирован и какие-либо конкретные данные в обоснование принятого решения президиумом не приведены.

В соответствии со ст. 401⁶ УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела такие нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Поворот к худшему при пересмотре судебного решения в кассационном порядке может иметь место, если в ходе предшествующего судебного разбирательства, в том числе кассационного производства, были допущены нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как акта правосудия.

Неправильное применение уголовного закона, выражающееся в необоснованной квалификации содеянного по уголовному закону о менее тяжком преступлении и повлекшее назначение осужденному явно несправедливого наказания, относится к таким нарушениям и является основанием для пересмотра судебного решения в кассационном порядке с поворотом к худшему.

Определение № 46-УДП19-42

52. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. При этом никто не вправе требовать от адвоката и

его доверителя предъявления иных документов, кроме ордера или доверенности, для вступления адвоката в дело.

Материалами дела установлено, что в производстве заместителя начальника отдела Следственного управления находится уголовное дело по обвинению С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ.

В Следственное управление от адвоката О. поступило ходатайство, в котором сообщалось о принятии им поручения на защиту обвиняемого С., с просьбой приобщить к материалам уголовного дела ордер, копию своего удостоверения, а также рукописные заявления от имени С. о согласии на представление его интересов адвокатом О. и допуске его в качестве защитника.

Заместителем начальника отдела Следственного управления было вынесено постановление об отказе в удовлетворении указанного ходатайства, мотивированное тем, что в связи с нахождением С. в розыске и ввиду информации о его нахождении на территории иностранных государств органы следствия лишены возможности удостовериться в согласии обвиняемого на участие в деле в качестве защитника адвоката О.

По постановлению суда первой инстанции (суды апелляционной и кассационной инстанций оставили указанное решение без изменения) жалоба адвоката, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление заместителя начальника отдела Следственного управления оставлена без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд пришел к выводу, что для допуска адвоката О. к участию в деле, кроме удостоверения и ордера, ему следовало представить доказательства согласия обвиняемого С. на его участие в деле в качестве защитника, поскольку ни органы следствия, ни суд не могут установить факт принадлежности обвиняемому С. подписи в документах – в заявлении и ходатайстве, выполненных от его имени.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката, отменила судебные решения по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Указанная статья, таким образом, закрепляет процедуру приглашения защитника, а не порядок допуска его к делу. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» никто

не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления иных документов, кроме ордера или доверенности, для вступления адвоката в дело.

Из приведенных законоположений, а также правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определениях от 22 апреля 2010 г. № 596-О-О, от 22 ноября 2012 г. № 2054-О, от 23 июня 2016 г. № 1432-О, следует, что выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело. Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело.

Определение № 83-УД20-1

53. При возвращении уголовного дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ суд кассационной инстанции не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства и преимуществах одних доказательств перед другими.

По приговору Центрального районного суда г. Хабаровска В. осужден по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда приговор изменен: из осуждения В. исключено указание на применение насилия и угрозу его применения к потерпевшей как способ достижения преступного результата, из квалификации исключено указание о совершении преступления с применением насилия и угрозой его применения.

Постановлением президиума Хабаровского краевого суда приговор и апелляционное определение отменены и уголовное дело возвращено прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В кассационной жалобе потерпевшая М. оспаривала законность и обоснованность постановления президиума, указывая, что суд кассационной инстанции фактически дал свою оценку установленным судом первой инстанции фактическим обстоятельствам дела, чем нарушил положения ст. 401¹ УПК РФ.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного просил отменить состоявшиеся указанные выше судебные решения и производство по делу прекратить на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда кассационной инстанции и

передала кассационные жалобы потерпевшей и адвоката на новое кассационное рассмотрение в Девятый кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям.

Судом первой инстанции, с учетом изменений, внесенных апелляционным определением, В. признан виновным в совершении в период с 1 декабря 2013 г. по 5 июня 2014 г. иных действий сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей – его дочери В.П., 8 июня 2000 года рождения, то есть не достигшей четырнадцатилетнего возраста.

Принимая решение об отмене приговора и апелляционного определения, президиум краевого суда указал, что при постановлении приговора суд фактически не установил, что действия осужденного совершались с целью удовлетворения половой страсти. Также суд первой инстанции не привел доказательств, подтверждающих, что имевшиеся возрастные и индивидуально-психологические особенности потерпевшей были очевидны для подсудимого и охватывались его умыслом, в связи с чем вывод суда о нахождении потерпевшей в беспомощном состоянии является необоснованным.

Вместе с тем президиум краевого суда не принял во внимание, что в соответствии с ч. 7 ст. 401¹⁶ УПК РФ в случае отмены судебного решения суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены судом или были отвергнуты им, предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства и преимущества одних доказательств перед другими, предрешать выводы, которые могут быть сделаны судом первой или апелляционной инстанции при повторном рассмотрении уголовного дела.

Кроме того, по смыслу закона основанием для возвращения дела прокурору являются такие допущенные органами предварительного расследования существенные нарушения уголовно-процессуального закона, которые суд не может устранить самостоятельно и которые исключают возможность постановления законного и обоснованного приговора.

Такие процессуальные нарушения не касаются ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнительного расследования, включая собирание доказательств, то есть восполнение неполноты предварительного следствия недопустимо.

Также судом установлено и в приговоре отражено, что потерпевшая давала последовательные и непротиворечивые показания об обстоятельствах совершаемых осужденным действий. Данные показания потерпевшей детализированы и подтверждаются совокупностью других доказательств,

приведенных в приговоре, и поэтому правдивость их у суда сомнений не вызывала.

Вывод о беспомощном состоянии потерпевшей, как следует из приговора, сделан судом с учетом как показаний потерпевшей и ее законного представителя, так и заключения комиссии экспертов, выводы которой судом признаны достоверными. Между тем данные обстоятельства, установленные судом первой инстанции, не были приняты во внимание судом кассационной инстанции, и по ним не было высказано суждений.

Определение № 58-УД19-16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

54. Обязанность доказывания законности применения в отношении осужденного мер взыскания возлагается на администрацию исправительного учреждения, в котором такой осужденный отбывает наказание.

При этом суду в целях соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда следует принимать меры для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, а также для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения дела.

И., отбывающий наказание в виде лишения свободы, обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании постановления начальника исправительного учреждения о водворении в штрафной изолятор на 15 суток. Основанием для применения указанной меры взыскания послужил факт обнаружения в камере административного истца продуктов питания.

Вместе с тем, И. полагал, что оспариваемое постановление является незаконным, поскольку он не нарушал установленный порядок отбывания наказания, а обнаруженные администрацией исправительного учреждения продукты питания в действительности ему не принадлежали.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано.

При этом суд исходил из того, что факт нарушения административным истцом установленного порядка отбывания наказания подтверждается актами о проведении обыска и обнаружении в камере продуктов питания, об

отказе И. от дачи письменного объяснения; медицинским заключением о возможности содержания в штрафном изоляторе; фотографиями обнаруженных в камере продуктов питания; справками о проведении беседы по факту допущенного нарушения; справкой психолога об актуальном психоэмоциональном состоянии; выпиской из протокола заседания дисциплинарной комиссии.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Судом установлено, что на момент вынесения оспариваемого постановления И. содержался в штрафном изоляторе.

Вечером административный истец и помещение, в котором он содержался, были досмотрены сотрудниками исправительного учреждения; при этом какие-либо запрещенные предметы обнаружены не были.

На следующий день утром в отсутствие административного истца сотрудниками исправительного учреждения в камере были обнаружены и изъяты запрещенные к хранению предметы, а именно продукты питания.

Административный истец в ходе воспитательной беседы факт указанного нарушения не признал.

Согласно п. 3 ст. 3 КАС РФ одной из задач административного судопроизводства является правильное и своевременное рассмотрение и разрешение административных дел.

Достижение указанной задачи невозможно без соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда (п. 7 ст. 6, ст. 14 названного кодекса).

Данный принцип выражается, в том числе, в принятии предусмотренных КАС РФ мер для всестороннего и полного установления всех фактических обстоятельств по административному делу, для выявления и истребования по собственной инициативе доказательств в целях правильного разрешения дела (ч. 1 ст. 63, чч. 8, 12 ст. 226, ч. 1 ст. 306 данного кодекса), решение суда должно быть законным и обоснованным (ч. 1 ст. 176).

В соответствии с ч. 2 ст. 62 КАС РФ обязанность доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами, решений, действий (бездействия) органов, организаций и должностных лиц, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, возлагается на соответствующие орган, организацию и должностное лицо. Указанные органы, организации и должностные лица обязаны также

подтверждать факты, на которые они ссылаются как на основания своих возражений.

Таким образом, исходя из приведенных законоположений, административный ответчик должен был представить в суд доказательства, свидетельствующие о законности оспариваемого постановления и подтверждающие, что И. пронес в камеру штрафного изолятора запрещенные к хранению предметы, а именно продукты питания.

Вместе с тем, такие доказательства исправительным учреждением представлены не были.

Судом указанные обстоятельства в нарушение принципа состязательности и равноправия сторон при активной роли суда также не исследовались.

При этом Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда Российской Федерации учтено и то обстоятельство, что сотрудниками исправительного учреждения в работе используются видеорегистраторы, срок хранения архива видеозаписей с которых согласно ведомственному нормативному акту составляет не менее 30 суток.

Администрации исправительного учреждения стало известно об оспаривании административным истцом постановления о водворении в штрафной изолятор до истечения установленного срока хранения указанных видеозаписей, однако эти записи суду административным ответчиком представлены не были и судом не запрашивались.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что административным ответчиком не был доказан факт вменяемого И. нарушения установленного порядка отбывания наказания, в связи с чем требования административного истца являются обоснованными.

Определение № 49-КА20-1

55. Действующее правовое регулирование не устанавливает какие-либо ограничения относительно веса корреспонденции, направляемой в силу требований закона за счет средств следственного изолятора подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, содержащимися под стражей.

Жалобы в Европейский Суд по правам человека, поданные указанными лицами, цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем их подачи рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете.

П. обратился в суд с административным иском с заявлением об оспаривании действий (бездействия) администрации следственного изолятора.

В обоснование заявленных требований указал, подал в Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) жалобу и приложения к ней на 1195 листах, однако администрация следственного изолятора в установленный срок в полном объеме отправку указанной жалобы адресату не осуществила, направив ее без приложенных документов, а также листа номер 12, содержащего опись приложений и являвшегося частью формуляра жалобы. Указанные действия (бездействие) повлекли нарушение прав П. и последующий отказ в рассмотрении его жалобы в ЕСПЧ.

В этой связи административный истец просил признать незаконными бездействие администрации следственного изолятора, выразившееся в ненаправлении в установленный срок жалобы в ЕСПЧ, а также действия по осуществлению цензуры данной жалобы, выразившиеся в изъятии из почтового отправления всех приложенных к жалобе документов и листа номер 12, являвшегося частью формуляра жалобы.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено частично. Признано незаконным бездействие администрации следственного изолятора, выразившееся в ненаправлении в установленный срок жалобы в ЕСПЧ; в остальной части в удовлетворении административного искового заявления отказано.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции в части удовлетворения административного искового заявления, а в остальной части оставил решение суда без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции, а также решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении административного искового заявления, в указанной части приняла новое решение об удовлетворении административного искового заявления и оставила решение суда первой инстанции без изменения в части удовлетворения требований П., указав следующее.

В силу ст. 21 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предложения, заявления и жалобы подозреваемых и обвиняемых, адресованные в органы государственной власти, органы местного самоуправления и общественные объединения, направляются через администрацию места содержания под стражей (ч. 1).

Предложения, заявления и жалобы, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых,

Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченному при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, уполномоченным по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, уполномоченным по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека, цензуре не подлежат и не позднее следующего за днем подачи предложения, заявления или жалобы рабочего дня направляются адресату в запечатанном пакете (ч. 2).

Пункт 94 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189, воспроизводит положения ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В силу п. 98 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, оплата расходов по пересылке предложений, заявлений и жалоб, за исключением кассационных жалоб и жалоб, перечисленных в п. 94 названных правил, производится за счет отправителя. При отсутствии у подозреваемого или обвиняемого денег на личном счете расходы производятся за счет следственного изолятора (за исключением телеграмм).

Судом установлено, что П., содержащийся в следственном изоляторе, подал жалобу, адресованную в ЕСПЧ, с приложением документов на 1195 листах общим весом более 5 кг.

Администрацией следственного изолятора П. был уведомлен о том, что данная жалоба и приложенные к ней документы не могут быть отправлены, поскольку в соответствии с приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 234 «Об утверждении Правил оказания услуг почтовой связи» и приложением № 2 к нему предоставленная жалоба не подходит под виды почтового отправления «письмо» и «бандероль».

Впоследствии жалоба П. без приложений была направлена посредством почтовой связи в адрес ЕСПЧ, о чем сообщено административному истцу, а также указано, что приложенные к жалобе документы на 1182 листах подходят под категорию «посылка», отправка которой должна осуществляться за счет собственных средств П.

В связи с получением об администрации следственного изолятора указанного сообщения, П. направил заявление об отзыве из организации почтовой связи формуляра жалобы в связи с тем, что ему были возвращены

все приложения к ней и лист номер 12 формуляра жалобы, без которого она не будет принята к производству ЕСПЧ.

Письмом организации почтовой связи в удовлетворении заявления следственного изолятора об отзыве жалобы П. отказано.

Впоследствии в адрес П. из ЕСПЧ поступило письмо, в котором административному истцу сообщалось о том, что им не были соблюдены требования Регламента ЕСПЧ: не представлены документы, касающиеся обжалуемых решений или действий. Вместе с заполненным формуляром жалобы судом не получено никаких документов, кроме сопроводительного документа следственного изолятора. Также П. разъяснено право на подачу полной и правильно оформленной жалобы с приложением всех подтверждающих документов.

С учетом приведенных выше требований закона и установленных судом обстоятельств Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что в результате оспариваемых действий (бездействия) должностных лиц следственного изолятора было нарушено право административного истца на обращение в ЕСПЧ; кроме того, указанными должностными лицами осуществлена цензура жалобы, поданной П., что недопустимо с точки зрения закона.

При этом учтено, что действующее правовое регулирование не устанавливает какие-либо ограничения относительно веса корреспонденции, направляемой в силу требований закона за счет средств следственного изолятора подозреваемыми и обвиняемыми в совершении преступлений, содержащимися под стражей, в том числе в адрес ЕСПЧ.

Кроме того, ЕСПЧ неоднократно указывал на недопустимость вскрытия и цензуры переписки между судом и заявителями, а также изъятия из нее каких-либо документов.

В этой связи Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что требования П. являются обоснованными.

Определение № 78-КА19-26

56. Признание сделки по продаже имущества недействительной или ее расторжение означает, что реализация имущества не состоялась, а вырученные по сделке средства по общему правилу возвращаются другой стороне. В такой ситуации экономическую выгоду от реализации имущества гражданином следует признать утраченной, что в соответствии со ст. 41, 209 НК РФ свидетельствует об отсутствии полученного дохода как объекта налогообложения.

В 2014 году Ж. на основании договора дарения приобрел в собственность долю в праве общей долевой собственности на жилой дом и земельный участок.

В 2016 году Ж. представил в налоговый орган декларацию, определив сумму полученного дохода и исчислив подлежащий уплате налог на доходы физических лиц.

В мае 2017 года налоговым органом в отношении Ж. была проведена проверка, по результатам которой было принято решение о привлечении административного ответчика к ответственности за совершение налогового правонарушения, предложено уплатить недоимку по налогу на доходы физических лиц и пени.

Между тем, в декабре 2017 года вступило в законную силу решение суда, которым договор дарения, заключенный Ж., признан недействительным, применены последствия недействительности ничтожной сделки, прекращено право общей долевой собственности Ж. на названные выше объекты недвижимости. Право собственности на жилой дом и земельный участок вновь зарегистрировано за дарителем в марте 2018 года.

В мае 2018 года налоговый орган обратился в суд с административным иском о взыскании с Ж. недоимки по налогу на доходы физических лиц за 2014 год.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного искового заявления отказано. При этом суд исходил из того, что с учетом наличия вступившего в законную силу решения суда о признании договора дарения недействительным и применении последствий недействительности ничтожной сделки Ж. не получил подлежащий налогообложению доход в смысле, придаваемом этому понятию в п. 1 ст. 41 НК РФ.

Суд апелляционной инстанции отменил указанное решение суда первой инстанции и принял новое решение об удовлетворении административного искового заявления.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила судебный акт суда апелляционной инстанции и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Возникновение обязанности по уплате налога связывается с наличием объекта налогообложения, одним из которых является доход (п. 1 ст. 38 НК РФ).

В соответствии со ст. 41 НК РФ, закрепляющей принципы определения доходов, доходом признается экономическая выгода в денежной или натуральной форме, учитываемая в случае возможности ее оценки и в той

мере, в которой такую выгоду можно оценить, и определяемая в соответствии с главами «Налог на доходы физических лиц», «Налог на прибыль организаций» названного кодекса.

Исходя из предписаний п. 18¹ ст. 217 НК РФ облагаются налогом доходы в денежной и натуральной формах, получаемые физическими лицами в порядке дарения недвижимого имущества, транспортных средств, акций, долей, паев от не имеющих статус индивидуального предпринимателя физических лиц, не являющихся для одаряемого членами семьи и (или) близкими родственниками в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (супругами, родителями и детьми, в том числе усыновителями и усыновленными, дедушкой, бабушкой и внуками, полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами).

В таком случае гражданин обязан самостоятельно исчислить и уплатить налог в бюджет (пп. 7 п. 1, п. 2 ст. 228 НК РФ).

Облагаемым налогом доходом в этом случае по существу выступает вменяемая гражданину выгода в виде экономии на расходах по созданию (приобретению) соответствующего имущества, являющегося предметом договора дарения.

Учитывая, что на момент предъявления административного иска у Ж. отсутствовал доход ввиду признания судом договора дарения недействительным, прекращения его права общей долевой собственности и регистрации права собственности за дарителем, суд первой инстанции пришел к правильному выводу об отказе в удовлетворении административного искового заявления налогового органа.

Определение № 18-КА19-68

57. Наличие в доверенности специально оговоренного права представителя на подписание административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд свидетельствует о праве представителя на обращение в суд в интересах доверителя в том числе с административным исковым заявлением об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Общество с ограниченной ответственностью обратилось в суд с административным исковым заявлением об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Административное исковое заявление было подписано и подано в суд представителем Общества, действовавшим на основании доверенности, в которой было специально оговорено право представителя на подписание

административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление оставлено без рассмотрения.

При этом суд исходил из того, что указанное заявление подписано и подано в суд лицом, не имеющим полномочий на его подписание и подачу, так как в доверенности, выданной Обществом, в нарушение пп. 3 п. 3 ст. 57 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» специально не оговорено право на обжалование постановлений и действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила указанные судебные акты по следующим основаниям.

Представительство в суде по административным делам регулируется гл. 5 КАС РФ, определяющей требования к лицам, которые могут быть представителями в суде (ст. 55), полномочия представителя (ст. 56), а также порядок оформления и подтверждения этих полномочий (ст. 57).

Так, в силу п. 5 ст. 54 поименованного кодекса административные дела организации могут вести в суде представители этой организации.

Статья 56 названного кодекса закрепляет право представителя совершать от имени представляемого им лица все процессуальные действия (п. 1).

Подпункт 1 п. 2 указанной статьи предусматривает, что в доверенности, выданной представляемым лицом, должно быть специально оговорено право представителя на подписание административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд.

При этом в п. 2 ст. 56 КАС РФ приведен исчерпывающий перечень прав представителя, которые должны быть специально оговорены в доверенности.

Учитывая, что в доверенности, выданной Обществом, во исполнение предписаний пп. 1 п. 2 ст. 56 КАС РФ было специально оговорено право представителя на подписание административного искового заявления и возражений на административное исковое заявление, подачу их в суд, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу об отсутствии правовых оснований для оставления административного искового заявления без рассмотрения, поскольку у представителя Общества, действовавшего на основании указанной доверенности, имелись полномочия на подписание и подачу в суд

в интересах Общества административного искового заявления в том числе об оспаривании действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя.

При этом Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что положения ст. 57 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в данном случае не применимы, поскольку касаются исключительно полномочий представителей сторон исполнительного производства, а не представительства в административном судопроизводстве.

Определение № 78-КА19-21

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

58. Невыяснение судом фактических жилищных условий военнослужащего с учетом ранее предоставленного ему государственного жилищного сертификата повлекло отмену судебных актов.

Решением Краснореченского гарнизонного военного суда от 15 февраля 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 16 апреля 2019 г., отказано в удовлетворении административного искового заявления М., в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии Управления Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Хабаровскому краю от 18 декабря 2018 г. о снятии его с жилищного учета.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные акты отменила, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что М. при увольнении с военной службы в 2004 году в связи с организационно-штатными мероприятиями был обеспечен государственным жилищным сертификатом на состав семьи из двух человек (он и супруга), за счет которого приобрел жилое помещение в г. Хабаровске общей площадью 30,9 кв. м и впоследствии продал.

В 2007 году административный истец вновь поступил на военную службу по контракту.

После рождения в 2010 году у М. второго ребенка (первый ребенок у него родился в 2006 году) решением жилищной комиссии воинской части от 29 апреля 2011 г. административный истец с членами семьи из четырех человек был принят на учет нуждающихся в жилых помещениях.

Приказом воинского должностного лица от 27 октября 2017 г. М. назначен на воинскую должность в Управление Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации по Хабаровскому краю (далее – Управление).

Решением жилищной комиссии Управления от 26 марта 2018 г. М. с членами семьи признан нуждающимся в жилом помещении в форме субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее – жилищная субсидия) с 29 апреля 2011 г. с учетом 30,9 кв. м – общей площади ранее приобретенного жилого помещения.

Решением жилищной комиссии Управления от 18 декабря 2018 г. М. снят с учета нуждающихся в жилых помещениях в связи с тем, что ранее ему предоставлен государственный жилищный сертификат, с использованием которого он приобрел жилое помещение, которым распорядился по своему усмотрению.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суды исходили из того, что М., ранее обеспеченный жильем за счет государства, не вправе повторно претендовать на предоставление жилого помещения, поскольку соответствующая социальная гарантия предоставляется один раз за все время военной службы.

Между тем такие выводы основаны на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что М. в 2004 году на состав семьи из двух человек был обеспечен государственным жилищным сертификатом, за счет которого приобрел жилое помещение в г. Хабаровске общей площадью 30,9 кв. м, после чего у него родились двое детей.

В соответствии с п. 2 решения Хабаровской городской Думы от 19 июля 2005 г. № 109 учетная норма для постановки на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях в г. Хабаровске установлена в размере 12 кв. м общей площади на одного человека.

При таких данных после изменения у М. состава семьи обеспеченность его общей площадью жилого помещения на одного человека стала составлять менее учетной нормы, установленной органом местного самоуправления.

Согласно п. 2 ч. 1 и ч. 2 ст. 51 ЖК РФ нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, признаются граждане, являющиеся собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения и обеспеченные общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Таким образом, М. вправе был поставить вопрос об обеспечении его и совместно проживающих с ним членов семьи жилым помещением по установленным нормам.

То обстоятельство, что заявитель распорядился предоставленным ему за счет государства жильем, не свидетельствует об утрате им права на улучшение жилищных условий, поскольку на основании ч. 7 ст. 57 ЖК РФ и п. 4 Правил расчета субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (жилых помещений), предоставляемой военнослужащим – гражданам Российской Федерации и иным лицам в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 3 февраля 2014 г. № 76, площадь ранее предоставленной М. квартиры подлежит учету при предоставлении другого жилого помещения. Тем более что в силу абзаца шестнадцатого п. 1 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащие, проходящие военную службу по контракту, в период прохождения ими военной службы имеют право на улучшение жилищных условий с учетом норм, очередности и социальных гарантий, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Следовательно, право на улучшение жилищных условий может возникнуть у военнослужащего в случае изменения семейного положения, в результате чего обеспеченность общей площадью ранее предоставленного ему жилого помещения на каждого совместно проживающего с ним члена семьи станет меньше учетной нормы.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав на необходимость учета установленных по делу обстоятельств, правильного применения норм материального права и оценки вопроса обеспеченности административного истца и членов его семьи жилым помещением применительно к учетной норме в г. Хабаровске с учетом ранее предоставленного жилья с использованием государственного жилищного сертификата.

Определение № 225-КА20-2

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

59. Совершение проступка, ставящего под сомнение репутацию судьи, причинило ущерб престижу профессии судьи и авторитету судебной власти.

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без удовлетворения жалобу Ю. на решение квалификационной коллегии судей Саратовской области о досрочном прекращении полномочий

мирового судьи судебного участка Октябрьского района г. Саратова за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

В решении Коллегия указала следующее.

В судебном заседании установлено, что 28 ноября 2018 г. в 9 час. 38 мин. на проспекте «50 лет Октября» в г. Саратове сотрудниками ДПС ГИБДД УМВД России по г. Саратову остановлен автомобиль «Ауди Q7», которым управлял мировой судья, Октябрьского района г. Саратова Ю., на котором были установлены государственные знаки У 878 СН 64, не выдававшиеся на транспортное средство. По этому факту сотрудниками составлен рапорт, который вместе с произведенной фото- и видеозаписью остановки транспортного средства был направлен в прокуратуру Саратовской области для проверки.

Прокуратурой установлено, что собственником автомобиля «Ауди Q7», которому присвоены государственные регистрационные знаки Е 001 КА 64, является У. (мать Ю.), подтвердившая, что автомобиль находится в пользовании ее дочери.

Между тем государственные регистрационные знаки У 878 СН 64, установленные на автомобиль «Ауди Q7», ранее были присвоены при регистрации автомобиля «Рено Логан», владельцем которого являлось иное лицо. Эти знаки в 2010 году были сданы по месту регистрации транспортного средства и уничтожены.

Согласно сведениям ЦАФ АП в области дорожного движения ГИБДД ГУ МВД России, за период с октября по ноябрь 2018 года камеры автоматической фиксации нарушений Правил дорожного движения Российской Федерации зарегистрировали 41 нарушение скоростного режима при управлении водителем транспортным средством «Ауди Q7» с подложными регистрационными знаками.

На автомобиле с указанными регистрационными знаками Ю. приезжала на работу, о чем свидетельствуют фотографии с камер видеонаблюдения, установленных на здании Октябрьского районного суда г. Саратова.

В период проведения проверки в отношении мирового судьи Ю. в Саратовский областной суд поступило представление Генерального прокурора Российской Федерации о решении вопроса о привлечении ее к административной ответственности по ч. 4 ст. 12.2 КоАП РФ.

Заключением судебной коллегии Саратовского областного суда представление удовлетворено.

Ю. является мировым судьей, к подсудности которого отнесено рассмотрение дел об административных правонарушениях, в том числе

предусмотренных ч. 4 ст. 12.2 КоАП РФ (управление транспортным средством с заведомо подложными регистрационными знаками).

Взяв на себя управление транспортным средством, Ю. проигнорировала указанные требования, необходимость соблюдения которых для нее с учетом ее статуса судьи, опыта работы и водительского стажа, было очевидным.

Дисциплинарная коллегия отметила, что Ю. не могла не осознавать того, что неоднократное управление транспортным средством с подложными государственными регистрационными знаками вызывает сомнение в ее честности, соответствии высоким стандартам морали и нравственности, умаляет авторитет судебной власти, причиняет ущерб репутации судьи.

Ю., совершив во внеслужебной деятельности проступок, ставящий под сомнение ее репутацию судьи, причинила ущерб престижу профессии судьи и авторитету судебной власти.

Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации в рамках своей компетенции проверила жалобу Ю. на решение квалификационной коллегии судей Саратовской области и обоснованно оставила ее без удовлетворения.

Решение № ДК19-90

Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отказала в удовлетворении жалобы М. на решение квалификационной коллегии судей Кемеровской области о досрочном прекращении ее полномочий судьи городского суда за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

В судебном заседании Дисциплинарная коллегия установила, что М., ранее привлекавшаяся к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, вновь совершила дисциплинарный проступок, выразившийся в грубом нарушении судьей установленных Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации положений, регулирующих отношения, связанные с рассмотрением административных дел в судебном заседании, что привело к умалению авторитета судебной власти и причинению ущерба репутации судьи.

Судья М. по находившимся в ее производстве административным делам об оспаривании действий судебного пристава-исполнителя без проведения судебных заседаний с участием сторон, без их уведомления надлежащим образом о дате, времени и месте судебного заседания вынесла решения по двум административным делам.

При этом дала указания секретарю судебного заседания оформить протоколы судебных заседаний, указав в них, что при выходе из совещательной комнаты решения были оглашены.

Эти решения были отменены судебной коллегией по административным делам Кемеровского областного суда и в адрес судьи вынесено частное определение.

Решение № ДК20-5

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС. В каком порядке следует исчислять срок предъявления к исполнению исполнительного документа, выданного на основании судебного акта, в случае его возвращения по заявлению взыскателя и повторного предъявления к исполнению?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве), по общему правилу, исполнительные листы, выдаваемые на основании судебных актов, могут быть предъявлены к исполнению в течение трех лет со дня вступления судебного акта в законную силу.

Названный срок прерывается предъявлением исполнительного документа к исполнению. После перерыва течение срока предъявления исполнительного документа к исполнению возобновляется. Время, истекшее до прерывания срока, в новый срок не засчитывается (п. 1 ч. 1 и ч. 2 ст. 22 Закона об исполнительном производстве).

При этом для случаев, когда исполнение по ранее предъявленному исполнительному документу было окончено в связи с отзывом взыскателем исполнительного документа, ч. 3¹ ст. 22 Закона об исполнительном производстве (в редакции Федерального закона от 28 мая 2017 г. № 101-ФЗ) установлено, что период со дня предъявления данного исполнительного документа к исполнению до дня окончания по нему исполнения вычитается из срока предъявления исполнительного документа к исполнению.

Такой порядок предусмотрен законодателем в целях исполнения постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи

с жалобой гражданина М.Л. Ростовцева», а именно, для соблюдения баланса интересов взыскателя и должника, исключения возможности продлевать срок предъявления исполнительного документа на неопределенное время, что приводило бы к неограниченному по продолжительности принудительному исполнению содержащегося в исполнительном документе требования и, как следствие, к чрезмерно длительному пребыванию должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения.

Следовательно, при предъявлении исполнительного документа к исполнению срок его предъявления прерывается, но в случае возвращения исполнительного документа взыскателю по его заявлению этот срок, исчисляемый заново с момента возвращения исполнительного документа, определяется с учетом особенностей, предусмотренных ч. 3¹ ст. 22 Закона об исполнительном производстве, а именно, за вычетом ранее имевшего место одного или нескольких периодов нахождения исполнительного документа на исполнении, который окончился отзывом исполнительного документа взыскателем.

Если на основании представленных взыскателем доказательств судом будет установлено, что возврат исполнительного документа обусловлен действиями должника, например, произошел из-за обещания должника исполнить судебный акт или заключить мировое соглашение под условием предварительного отзыва исполнительного документа, ненадлежащим исполнением своих обязанностей органами принудительного исполнения, иными подобными обстоятельствами, свидетельствующими о вынужденном характере отзыва исполнительного документа взыскателем, срок предъявления исполнительного документа исчисляется без учета особенностей, установленных ч. 3¹ ст. 22 Закона об исполнительном производстве.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

В связи с принятием Федерального закона от 16 октября 2019 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» изменился порядок предоставления жилья военнослужащим, которые ранее были обеспечены жильем как члены семьи военнослужащего.

С учетом изменений, внесенных указанным федеральным законом в п. 15 ст. 15 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих», правовое регулирование, предоставляющее жилищные гарантии военнослужащим – участникам накопительно-ипотечной системы, должно осуществляться вне зависимости от наличия у них жилья.

На основании изложенного после вступления в силу Федерального закона от 16 октября 2019 г. № 339-ФЗ не подлежат учету в правоприменительной практике военных судов и исключаются из Обзора практики рассмотрения военными судами дел о реализации прав на участие в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 января 2016 г., примеры со следующими заголовками:

«Участие одного из супругов-военнослужащих в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения не позволяет второму супругу-военнослужащему получить жилое помещение по договору социального найма на члена семьи – участника НИС»;

«Если военнослужащий является участником накопительно-ипотечной системы, он не может быть обеспечен жильем как член семьи военнослужащего в порядке реализации положений п. 14 ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих»;

«Участие одного из супругов-военнослужащих в накопительно-ипотечной системе не позволяет другому супругу реализовать право на жилищную субсидию с учетом права этого супруга как члена семьи военнослужащего».